ИВАН САБИЛО

Пробуждение

Ленинград
«Детская литература»
1 9 7 7

ИВАН САБИЛО

ПРОБУЖДЕНИЕ

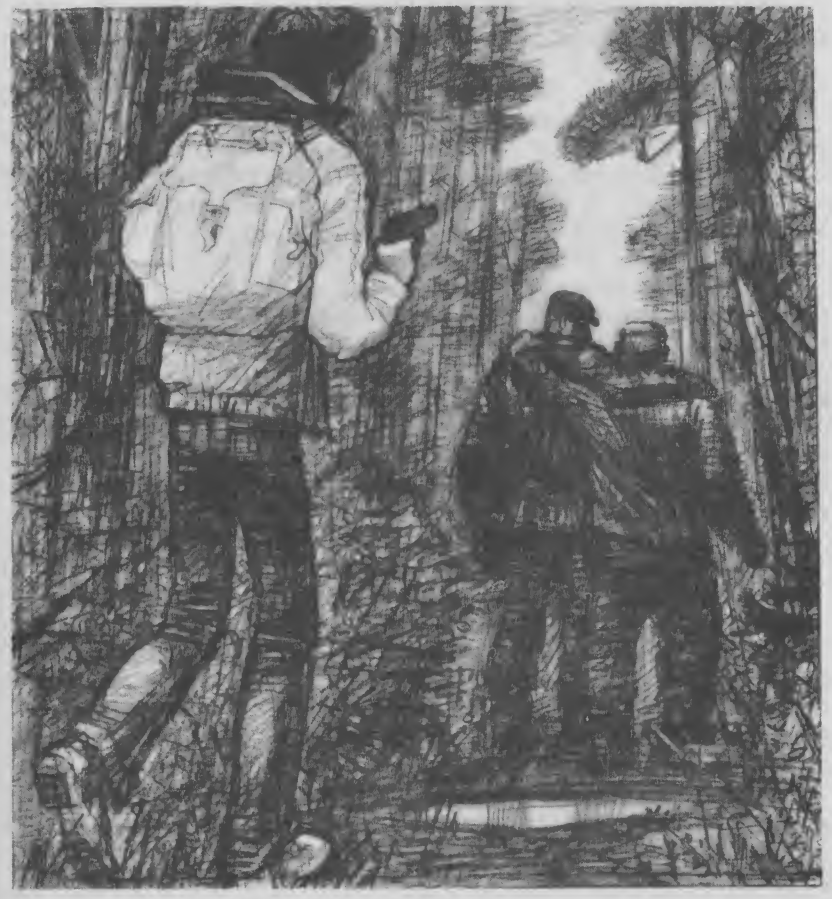
ПОВЕСТЬ

Рисунки
И. Дяткиной

Р2
С 12

70803—187
С———————273—77
М101(03)—77

©Издательство «Детская литература», 1977 г.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страх

Они увидели его и пошли навстречу...

Еще можно было рвануться в сторону, скрыться за деревьями. Но он постеснялся убегать. «Как я буду бежать, это же стыдно... Просто пойду чуть левее просеки. Если не окликнут, значит, снова выйду к столбам».

— Эй, парень!

Они, подпрыгивая, быстро шли к нему, заранее делая вилку, чтобы, в случае чего, перехватить.

— Подожди, поговорить надо, — крикнул тот, пониже ростом.

Шульгин остановился. Безвольно опустились плечи. Ноги стали тяжелыми, будто он вошел по колено в трясину.

«Это конец мой... Все кончено!» — подумал он.

— Заблудились мы, — сказал все тот же низкорослый. — Ты, случаем, не поможешь выбраться на дорогу? Мы бы тебя отблагодарили.

Теперь они стояли рядом. Один — маленький, коренастый, с густыми бакенбардами, в которых запутались елочные хвоинки, с большими розовыми кулаками, будто гирями, и таким же розовым лбом. Широкий шрам над верхней губой под носом, казалось, когда-то был еще одним, вторым ртом. Он щурился, будто смотрел на огонь электросварки, и часто моргал. Другой — высокий, остроносый; крохотные глазки без бровей глубоко утонули и косили, словно две амбразуры. Он помахивал толстой березовой палкой.

— Я сам не знаю дороги, — сказал Шульгин. — По столбам иду.

— А ты откуда?

— Из Ленинграда.

— Издалека, значит, — говорил коренастый. — И что ж тебя привело?

Шульгин встретился с ним глазами и усмехнулся. Коренастый предлагал игру, и ему ничего не оставалось, как принять ее.

— Попутешествовать захотелось. А тут заблудился, отстал от группы. И вот болтаюсь по лесу. Нужно было компас взять.

Он старался говорить без волнения, игривым голосом безразличного ко всему человека. Не удавалось. В горле першило, голос дрожал и срывался. И, сам того не замечая, Шульгин медленно отступал назад.

Они переглянулись. Высокий прикрыл глаза.

— И много вас в группе было?

«Если выхватить пистолет, то две пули могут спасти... Но этот молчун скорее расквасит мне голову своей дубиной... Надо ждать».

— Семь человек вместе с руководителем.

— Так-так... Мы вот тоже блуждаем. Теперь втроем пойдем. Говорят, молодым больше везет. Не возражаешь?

Шульгину не нужны были такие попутчики. Но он понимал, что они теперь все равно не спустят с него глаз.

— Можно, — произнес он. — Одному плохо...

— Тебя как звать-то?

— Сергей, — сказал он и пристально вгляделся в кусты за просекой. «Жаль, редкие, а так можно было бы метнуться туда и затаиться. Может, и не нашли бы...»

— Молодец, что путешествуешь. Это закаляет мужчину. Годиков-то сколько?

— Шестнадцатый.

— Взрослый... Однако что ж мы стоим? До вечера не так уж долго, а мы все еще не знаем, куда идти. И давно здесь?

— Третий день.

— Еду с собой брал? Такому парню много надо. Особенно в лесу. А признайся, есть хочешь?

— Нет, спасибо.

— Да что там благодарить без дела? Сейчас и поедим. Вот давай-ка сюда, здесь и присядем.

Они подошли к толстой ели. Рядом с ней стоял круглый старый пень. Молчун прислонил к нему свою палку.

Шульгин пригляделся к молчуну и почувствовал, как приостановилось сердце. Мгновенно все стало ясно. Именно его видел Шульгин в больнице. Только теперь, вблизи, он казался еще крупнее и старше. А во взгляде — все то же беспокойство — будто ищет какую-то нужную вещь.

— Помочь снять рюкзак? Вон какой он у тебя тяжелый — пуда два. Лямки в плечи так и впились!

— Не стоит, я сам, — быстро сказал Шульгин, отворачивая рюкзак в сторону.

— Да ты не напрягайся, помогу, — подскочил к нему коренастый и ухватился за рюкзак. — Ох, какая тяжесть, ну и силы у тебя! — Он стаскивал лямки, нервно хихикал, пыхтел и поддавал в дно рюкзака животом. Вместе поставили рюкзак на землю. Коренастый отошел.

Шульгин сел на рюкзак и обхватил руками колени. Пистолет за пазухой уперся ему в ребро — пришлось выпрямиться.

Коренастый рылся в своем мешке. Он там что-то перекладывал, сдвигал и наконец достал хлеб и колбасу.

— Держи-к, — сказал он Шульгину. — Да сломай ты эту ветку, что она тебе по глазам водит?

Он протянул руку, и ветка хрустнула перед глазами Шульгина. Отбросив ее в сторону, коренастый продолжал:

— Только не торопись лопать, мы тебе сейчас рюмочку для хода. Вспыснем за знакомство.

«Напоить хотят, тогда со мной будет просто...»

— Я это не употребляю.

— Ты что? У меня сын — меньше тебя, а не трусит. Только поднеси — с рукой оттяпает... Ты сначала попробуй, она не помешает. Разговор веселей пойдет, а колбаса — божеской покажется.

Он, посмеиваясь, ухватил пальцами золотистое ухо «экстры» и распечатал ее. Достал из кармана куртки синий пластмассовый стакан и, резко наклонив бутылку, стал наливать.

Молчун сидел чуть в стороне и, как сыч, смотрел на Шульгина. Он медленно двигал челюстями, как будто жевал резину. Перед его глазами кружились комары, садились на лоб, но он будто не чувствовал их — не прогонял.

Шульгину стало страшно. Он даже губу закусил, чтобы не закричать.

— Ну, долго еще держать? — протягивал коренастый водку и заискивающе улыбался. — Не отраву же предлагаю?

— Я уже сказал, не буду, — повторил Шульгин и отстранил руку коренастого.

— А ты, видно, парень с характером. Чувствуется питерская закваска... Ну, не надо и не надо. Нам больше достанется, правильно я говорю? — обратился он к молчаливому приятелю. Тот не ответил. Только медленно наклонил голову, будто шея у него не гнулась и он сгибал ее через силу.

«И в моем теперешнем положении можно что-то сделать, но что?.. Ждать? Но сколько?.. И чего?..»

— Говорят, у вас в Ленинграде мостов много, и все один красивей другого? — поинтересовался коренастый.

— Много, — вяло ответил Шульгин.

— И фонтанов много?

«Вечера они ждут, темноты. А потом пристукнут меня — и золото уйдет с ними... Что делать?»

— Фонтаны в Петродворце...

— А еще, говорят, у вас там народ вежливый?

— Обыкновенный, — сказал Шульгин, не понимая смысла разговора.

«Это бывшие полицаи!.. Пришли за мной. Видел меня тогда молчун в палате и обо всем догадался...»

— Да ты ешь колбасу-то, не стесняйся. У нас много еды, мы народ запасливый. А главное, не любим ходить голодом. Ты, видать, мало взял? Хотя рюкзак у тебя большой... Что у тебя там?

«Вот оно, начинается. Сейчас они отбросят вежливость... Что делать? Если встать и помчаться через лес, можно убежать. Но без рюкзака. С рюкзаком они в два счета догонят. Особенно этот, коренастый...»

— Ничего особенного: палатка, фонарик, топор, лопата...

Шульгин даже встал и с безразличным видом отошел на два шага от рюкзака. Дескать, я вовсе не держусь за него, — если любопытно, можете проверить.

Коренастый потянулся к рюкзаку и попробовал поднять его одной рукой. Это ему удалось с трудом. Он тут же уронил рюкзак, и внутри звякнули золотые бруски. Не торопясь, снял руку с тонкого горла рюкзака, посмотрел Шульгину в лицо. Прищуренные глаза ясно говорили, что владелец их — человек решительный.

Шульгин незаметным движением передвинул пистолет за пазухой, чтобы его можно было выхватить мгновенно, и сел на прежнее место. Коренастому пришлось убрать руку.

— Пора, — взглянув на молчуна, заторопился коренастый. — Тучами небо заволокло, нельзя оставаться тут на ночь.

Он даже не прикрыл пробкой свою «экстру». Сунул ее в широкий карман куртки и поднялся. Тут же встал и его приятель.

«О чем они говорили при первой встрече? В кого из них, если придется, стрелять?.. В молчуна или в коренастого?.. В кого?..»

— Ты идешь?

«Неужели могут уйти одни? — с надеждой подумал Шульгин. — Неужели просто так попрощаются и двинут по лесу без меня?!. Нет, это ты для того, чтобы я не боялся идти с вами...»

— Я бы отдохнул, — сказал Шульгин, не вставая. — А уж завтра утром со свежими силами и бодрым духом...

— Никаких завтра, щенок, — сказал вдруг молчун и, словно куклу, рванул Шульгина с земли, поставил на ноги.

«Ох, гад», — чуть не крикнул Шульгин, прижимая пистолет под рубашкой к животу. Теперь уже было совершенно ясно: перед ним — враги. Стало трудно дышать, будто его взяли за горло, и он закашлялся.

— Ты на него не обижайся, — сказал коренастый и помог Шульгину поднять рюкзак. — Вот скажи-к, что ты грубо это сделал, но все-таки по-дружески, — обратился он к молчуну.

— Что же делать, если я такой невоспитанный, — сострил молчун и хлопнул Шульгина по плечу. — Давай, ленинградец, топай. Смотришь, к вечеру выберемся и расстанемся, довольные друг другом.

«Да ведь они меня за дурачка принимают и потому уже празднуют победу», — подумал Шульгин. Он присмотрелся к лесу — в какую бы сторону рвануться. Можно было броситься влево, в кусты. Но он не рискнул это сделать сейчас, когда было еще светло...

Стреляю без предупреждения

Первым пошел коренастый. Шульгин хотел пропустить и другого. Тот остановился и подождал, когда тронется Шульгин.

Теперь он уже не сам шел, а его вели. Чтобы проверить это, свернул в сторону.

— Э-эй! — крикнул коренастый и бросился вдогонку. — Вместе пойдем, ты обещал нам помочь выйти из леса.

— Ничего я не обещал. Вот просека, идите по столбам...

— А за что мы тебя колбасой кормили? — спросил как бы в шутку коренастый.

«Полицаи они! Явились за тайником, а там — фига! И теперь поняли, что золото у меня...»

Шульгин представил, что случилось в комнате Анатолия Дмитриевича. Это они приходили к нему. Разыскали наконец и потребовали, чтобы сказал им, где тайник. А он молчал, и они... Никуда он не падал, ни на какую батарею... «Но как они очутились здесь? Может быть, Анатолий Дмитриевич все-таки сказал им?.. Что же они тянут? Откладывают до темноты? Или еще сомневаются, один ли я здесь?.. Не выйдет! У меня есть средство помешать. Стоит незаметно сунуть руку за пазуху, и тогда я заставлю их отступить. Приведу на окраину леса, а там — до ближайшего селения. Увидим, кто такие...»

Мысль о том, что он может не только спасти золото, но и победить двух «головорезов», как сказал о них сосед, понравилась. Он даже почувствовал легкое головокружение. Но тут же подумал: «Спокойно, все только начинается...»

Молчун и коренастый остановились. Окинули взглядом просеку. Было похоже, что там уже лес кончался. Коренастый сказал:

— Так вот, теперь я знаю, куда идти. Можно и по линии, но это далеко и выйдем в безлюдное место. Нужно будет снова вертаться, километров десять топать. А мы — сюда, влево. Через полчаса окажемся на автобусной остановке... Пошли, пошли, не пожалеешь!

Шульгина это возмутило. Столько времени и сил потратил он, чтобы найти эту просеку, а теперь его заставляли покинуть ее, углубиться снова в лес, чтобы неизвестно какой дорогой идти неизвестно куда.

— Нет, — сказал он, — пойду по просеке. И вообще, надоело...

— Ты пойдешь там, где мы тебе укажем, — произнес молчун и толкнул Шульгина в спину.

Пришлось подчиниться. Но теперь Шульгин точно знал, на кого он истратит первую пулю — на молчуна! А если потребуется, то вторую — на коренастого. И это решено!

Но все же он не торопился, не мог достать пистолет. Он нервно оглядывался по сторонам, надеясь увидеть людей. Но теперь, в конце мая, редко кто приходил сюда.

Лес становился гуще. Деревья в наступавших сумерках сливались друг с другом. Редкие птичьи голоса лишь подчеркивали глубокую тишину.

Коренастый впереди ловко поныривал под ветки, обходил деревья и пни, не забывая поглядывать на Шульгина. При этом пытался поддерживать светскую беседу.

— А что у вас в Ленинграде еще интересненького?

— Город как город, — сказал Шульгин. — Приезжайте, сами увидите.

— Нам остановиться негде, кто примет?

— У нас и остановитесь. Сами вы из какого города? — спрашивал Шульгин, желая только одного — чтобы поскорее стемнело.

— Издалека. Из Ташкента, слыхал?

— Столица Узбекистана...

«Вот как вышло, — думал он, — хотел спасти золото и помочь Анатолию Дмитриевичу. А теперь, выходит, нужно спасать и самого себя...»

Можно было еще долго разговаривать с коренастым о Ташкенте. Там в блокаду жила мама Шульгина. Ходила в школу, а училась плохо, — скучала по дому и по своей «золотой мамочке Соне», которая осталась в Ленинграде. Но он молчал. Не мог он говорить о матери с этими гадами.

Он расстегнул пуговицу на куртке, пробрался под рубашку и у самого ремня взялся за рукоятку пистолета.

«Сейчас быстро влезу на елку, тогда ничего они со мной не сделают. Буду держать палец на курке, и все. Или вверх стрелять — услышат люди и придут... Они же не просто идут со мной — уводят все глубже в лес... А если стрелять, кто-нибудь обязательно услышит!.. Я должен быть сильнее!»

Сзади раздался громкий шорох — Шульгин обернулся. К нему, сжав обеими руками палку, метнулся молчун. Шульгин отскочил в сторону и выхватил пистолет.

— Стойте! — крикнул он, отступая дальше, чтобы видеть обоих. — Подойдите друг к другу, — приказал он, сдвинув предохранитель и наводя пистолет на молчуна.

Они оба ссутулились, чуть присели и впились глазами в пистолет. Они не торопились подчиниться и стать рядом. Коренастый косил взглядом на ближайшее дерево, собираясь, наверно, прыгнуть за него.

— Считаю до двух. Раз! — крикнул Шульгин. Он вытянул руку с пистолетом вперед и отступил еще на два шага.

Они боком сдвинулись и стали рядом. Молча смотрели на него, словно бы ожидая дальнейших приказаний. В руке у молчуна вздрагивала палка — он перебирал пальцами, будто она жгла руку.

«Если я спиной пойду назад, то через минуту потеряю их из виду. А они меня. Но они сразу кинутся вдогонку. И тогда будет опаснее вдвойне, потому что теперь знают о пистолете. И не успею сделать сотни шагов, как они меня прикончат этой дубиной...»

— Бросьте палку, — приказал он молчуну, и тот нехотя отбросил ее в сторону. — Теперь повернитесь ко мне спиной и обнимите друг друга за плечи.

— Да что ты задумал, парень? — начал было коренастый.

— Выполняйте, что сказал. Ну!..

— Ты где пугач такой взял?

Шульгин выстрелил вверх. Пуля срезала ветку, и она упала между Шульгиным и незнакомцами. Все трое посмотрели на нее, словно убеждаясь, что эту вещицу в руке Шульгина нельзя называть пугачом.

— Больше вверх стрелять не буду. Поворачивайтесь и кладите друг другу руки на плечи. Выйдем из леса — разберемся. А теперь — назад, к просеке, — говорил Шульгин срывающимся голосом.

— И почему не подчиниться — даже смешно, — если парень хочет поиграть, — весело сказал коренастый и повернулся первый. Это же сделал молчун. Их руки легли наперекрест, и молчун слегка согнулся, чтобы коренастый мог дотянуться до его шеи.

— Теперь идите. Расцепитесь — стреляю без предупреждения.

Молчун и коренастый пошли.

Шульгин дрожал от возбуждения и страха и все-таки радовался, что все случилось так быстро и просто. Он подивился

собственной решительности, но тут же одернул себя: «Спокойно, теперь следи...»

— Ты хоть бы сказал: в чем дело? — не унимался коренастый. — А то приказываешь, грозишься. Тебя в школе чему учат? С этой штуки, что у тебя, в один миг человека на тот свет отправишь.

— Давно пора! — крикнул Шульгин, чтобы не сбиваться с властного тона. И тут же тише добавил: — Там видно будет.

— Во, на разбойника наскочили. Забирай, мерзавец, все забирай — деньги, еду, сапоги...

— Послушайте, вы!.. Никому не нужны ни деньги ваши, ни еда, — чуть не со слезами сказал Шульгин. Ему стало не по себе, что о нем говорят, как о грабителе. Даже пистолет опустил вниз.

— Тогда в чем дело?

— Все потом, — твердил Шульгин. — Теперь идите и не вздумайте снимать руки. Я знаю, кто вы, и знаю, зачем вы здесь.

На какое-то время эти слова заставили коренастого замолчать. Он торопливо семенил рядом с высоченным молчуном. Но рука уже не так плотно лежала на его спине.

— Вот что, парень, давай тихо разойдемся в разные стороны и забудем друг о друге. А не то мы возьмем тебя, как щенка, за шиворот и отведем куда следует. До какой наглости дойти — взрослых мужиков под пистолетом водить.

Разойтись в разные стороны было бы лучшим выходом для Шульгина, и, может быть, он клюнул бы на это предложение. Но Шульгин и теперь ясно видел перед собой молчуна в больничной палате. И понимал, что просто так эти двое с ним не разойдутся.

«Ничего, ничего, этими словами ты меня не расшатаешь, не из таких, — думал Шульгин. — Шагаете как миленькие и боитесь руки снять. Вот вместе и деревья обходите, и под куст вместе лезете — только ветки трещат. Если они случайные здесь люди и никакие не бывшие полицаи, то я попрошу извинения. А теперь пусть идут обнявшись, как старые друзья... Смешно, двое мужиков, а ведет их какой-то Шульгин. Они даже не пытаются сопротивляться — что значит элемент неожиданности... Посмотрели бы теперь мои одноклассники!.. Опять за свое, болван? Неужели не понять, что это не ты их ведешь, а пистолет, и не будь его, они давно бы прикончили тебя».

— Ой! — вскрикнул коренастый. — Кажется, ногу подвернул. Так болит, аж в глазах темно.

Они остановились, и коренастый приподнял правую ногу.

— Я не могу дальше, не сдвинусь. Больно! — говорил он и смотрел через плечо на Шульгина.

— Все правильно, так и должно быть, — сказал Шульгин. — Если очень больно, то ваш приятель понесет вас. Забирайтесь к нему на спину. И мне легче будет следить. Живо! Считаю до двух!

Такой оборот дела не устраивал молчуна и коренастого. Они о чем-то посовещались, и коренастый сказал:

— Ладно, так попробую... Только знаешь ли ты, куда мы идем? Кажется, не на окраину выходим, а глубже забираемся. И просеки не видать, потеряли.

— Знаю, — сказал Шульгин, трогаясь за ними.

Но он не знал, куда вел. Не знал, куда подевалась просека и где можно выйти из леса. Он со страхом думал о том, что становится темнее и темнее и что скоро он перестанет различать их брезентовые куртки, а значит, нужно будет совсем близко подойти к ним.

Рюкзак больно резал плечи, кружилась от усталости и напряжения голова. Он натыкался лицом на ветки и отводил их свободной рукой. Спотыкаясь, чуть не падая, Шульгин вел незнакомцев по лесу, еще не зная, не догадываясь, чем это для него кончится.

Как ему не хватало теперь отца. Или художника Вити. Или наполеонов, которые помогли бы довести этих двоих и сохранить не только золото, но, может быть, и его, Шульгина, жизнь...

Лишний свидетель

Стемнело. Двое пропадали, ныряя в кустах. Он их определял по звуку шагов и, как привязанный, следовал за ними, словно от них теперь зависело его спасение.

Они обошли толстый ствол дерева. Коренастый оглянулся.

— Тебе еще не надоело? — спросил он.

— Идите, — приказал Шульгин.

— Если надоело, — передохнем. Хоть покурим, а то выслуживаешься, как тюремный надзиратель.

— Нет, — сказал Шульгин. Он поднял руку и поправил рюкзак. Натертые плечи затекли и ныли, будто их медленно сдавливали тиски. В голову полезла всякая чепуха — дом, диван, школа. Гора гимнастических матов в спортзале. Так ловко

лежали они там друг на друге. Так хорошо было бы взгромоздиться теперь на них, чтобы поспать.

«Нужно уходить. И чем быстрее, тем лучше. Удержать их все равно не сумею. А так хоть золото спасу. Выстрелить в них я не смогу. Даже если бы точно знал, что они враги, никакого права не имею стрелять в людей. А они подчиняются, делают все, что ни прикажу! Трусы, наверно? Я бы на их месте хоть что-то предпринял, хоть как-то постарался освободиться. Например, сговорился бы кинуться в разные стороны, а потом...»

Вдруг две серые фигуры мгновенно распались, метнулись к нему, так что он не успел отбежать. Падая, Шульгин зацепился рюкзаком за ветку, и она хлестнула его по глазам. Это молчун сбил его с ног и наступил на кисть, в которой был пистолет.

— О-о, — простонал Шульгин. А молчун вырвал пистолет и ударил ногой в живот. И еще раз — в лицо.

— Щенок вонючий! Я те покажу водить под пистолетом. Еще не дорос, скотина, до этого... Проверь у него рюкзак, — приказал он коренастому.

Железные руки вытряхнули Шульгина из лямок — он будто куль ткнулся лицом в траву. Голова от удара гудела, живот свело судорогой от боли.

— Все правильно, золото!

— Три месяца следить и потом потерять этого сопляка здесь... Вмажь ему по ребрам.

Коренастый подскочил к Шульгину, и тупой нос сапога врезался в живот.

Шульгин потерял сознание. Некоторое время лежал неподвижно. Потом зашевелился, прижался горящим лицом к траве. На мгновенье показалось, что он остался один. И тут же расслышал:

— Спроси, если мы его не прикончили.

Шульгин закрыл глаза. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя. Он еще не думал, не хотел думать, что все кончено.

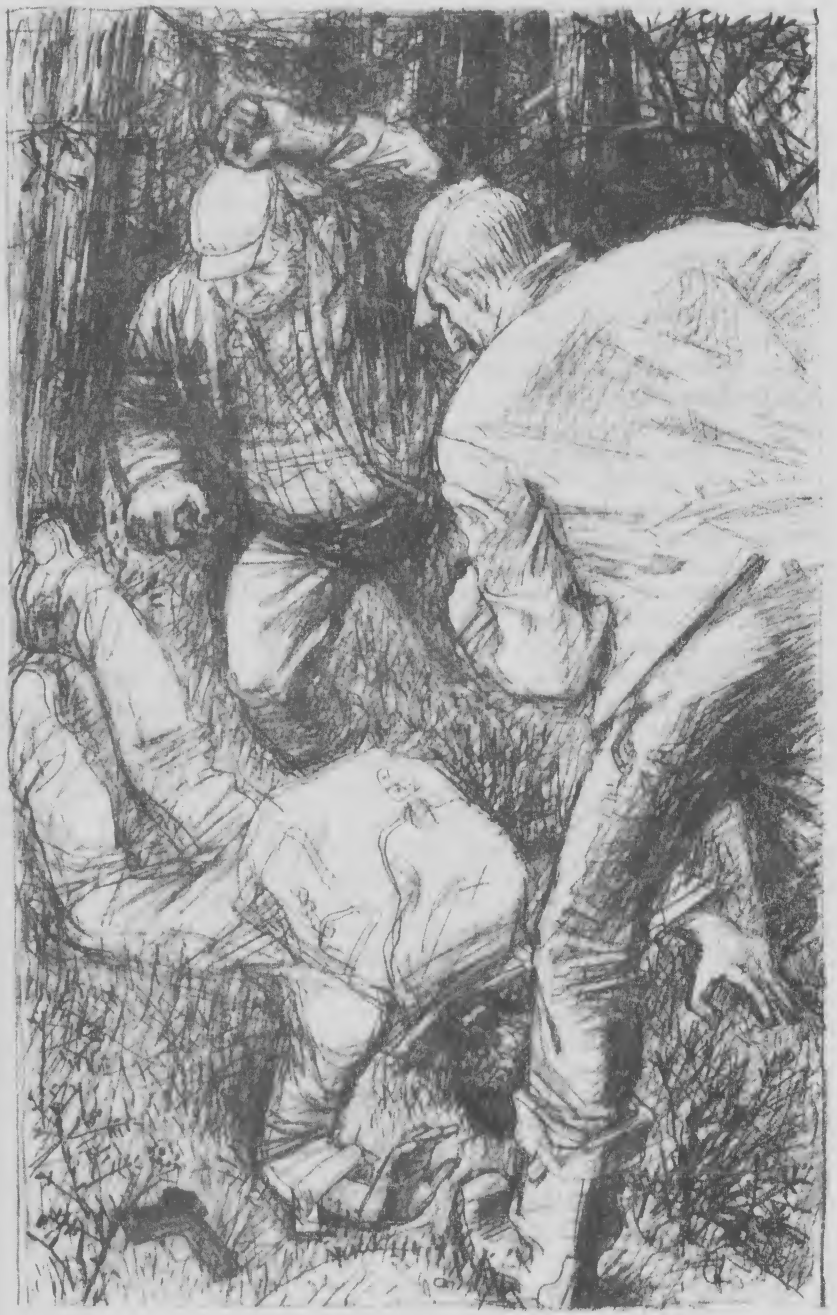
В это время горячая рука забралась к нему под рубашку и легла на грудь, на сердце.

— Живой!

— Спроси: кому он рассказывал о тайнике?

— Эй, питерский, очнись... Ты слышь? Посвети, я посмотрю, может, притворяется? Тогда ухо отрежу.

Щелкнула кнопка. Ослепительный прожектор ударил Шульгина по глазам. Он зажмурился и отвернулся.



Коренастый стал закручивать волосы на пальцы.

— Больно-о, — простонал Шульгин.

— Ага, значит, порядок! Ну, кому говорил про соседа и про золото? Отцу? Говори, щенок.

— Не помню...

— Ясно. Лупи его! Возьми кол и отдубась хорошенько. Говори, гаденыш, иначе навеки останешься в лесу.

Теперь в пальцах коренастого затрещало ухо. Шульгин почувствовал такой жар, будто к уху поднесли раскаленный утюг.

«Они же пытают меня», — то ли удивился, то ли спросил у самого себя Шульгин.

— Больно! — закричал он и перевернулся, чтобы избавиться от железных пальцев.

— Говори!

— Гады вы! Оставьте рюкзак и уходите, иначе пожалеете.

— Ах, шпана, еще угрожать? — Молчун ударил Шульгина фонариком по голове. Сказал коренастому: — От полудурка ничего не добьешься. Надо кончать с ним.

Единственное, что видел Шульгин, это бьющий в глаза луч электрического фонаря. Вокруг него расползлось черное пространство, скрывавшее врагов.

«Они убьют меня... убьют!..»

— Нет! — крикнул он. — Недалеко уйдете. Все равно вас схватят, как пауков... Трусы... Предатели...

— А ведь ты воистину дурак. Другой бы на твоем месте стал в ногах валяться, жизни просить. А ты, видать, идейный, за родину подыхаешь.

Молчун плотнее положил палец на курок.

«Не молчи, не молчи! — кричало внутри Шульгина. — Пока ты жив, не молчи! Не так-то просто им убить меня, только не молчи!..»

— Не один я подохну! — крикнул Шульгин. — Я видел тебя, предатель, в больнице. И сказал, кому надо. Я видел, что ты шпионишь за мной. Но и за тобой следили. Теперь лес оцеплен, вас ждут!..

Шульгина несло. Он хватался за соломинку, сам того не понимая, что его слова остановят руку молчуна.

— Мне и пистолет выдали, чтоб я вас, гадов...

Он замолчал. Несколько секунд было тихо. И тут раздался голос коренастого:

— Стой! На мокрое я не пойду. И уговора не было...

— У, чурбан серый! Тогда я пойду. Давно по тебе тюремная охрана не рыдала? Так еще зарыдает, если его оставим живым.

— А что, если он говорит правду?

Шульгин привстал. Тело не слушалось, и он валился на бок. На мгновение в ярком свете он увидел забинтованную голову. Ему даже показалось, что глаза из глубины бинтов внимательно смотрели на него, словно бы не понимали, что происходит.. И, сам того не желая, Шульгин спросил: «Как же вы могли, Анатолий Дмитриевич? Как вы могли?..»

— Мы и так уйдем, — сказал коренастый и достал носовой платок. Быстро вытер лицо и руки и спешно спрятал в карман.— Мокрые дела — не мои. Привяжем к дереву, а в такой глухомани не скоро найдут. Но если даже и найдут, мы будем далеко. Что толку стрелять?.. Вот шнур.

Шульгин уцепился пальцами за корень, встал на колени и быстро пополз в сторону. Его тут же настигли. Подтащили к дереву. В стороне дважды грохнуло, и коренастый присел.

— Это гром, дурень. Ты со страху в дите превратился.

Быстро прикрутили тонким шнуром к стволу.

— Вяжи прочней, чтобы эта обезьяна раньше нас не выскочила из леса. Дай проверю, посвети... Нормально. И тут пару раз крутни, чтоб не перетер о дерево, — приказал молчун.

— Не перетрет, шнур капроновый. Скорей можно дерево перетереть, чем его.

— Уходим... Постой, он в себя там золота не напихал?

Пока коренастый проверял карманы, а потом выбрасывал из рюкзака все лишнее, молчун светил фонариком и говорил:

— Так тебе и надо, сопляк. Влез не в свою жизнь, кукуй теперь. Ты видел это золото? Оно от крови красное, с нашей судьбой перемешано. Теперь скули тут, пока не подохнешь... Что ты там возишься? — крикнул он на коренастого.

— Идем, — отозвался тот. — Посвети, мы тут не насорили?

Он стал ходить вокруг дерева, тщательно приглядываясь к траве. Молчун светил ему и тихо говорил:

— Если освободят, — не вздумай стукнуть. Помни: не успеешь вернуться в любимый город, тебя встретят. Двоих ты уже видел...

Молчун взвалил на спину рюкзак с золотом, Шульгин услышал, как глухо звякнули бруски.

— Иди первый, — приказал он коренастому.

Прошуршали кусты. Стало тихо.

— Вы за это поплатитесь, — прошептал Шульгин. И тут же в страхе и бессилии закричал: — Гады!..

— ...ады, — откликнулось эхо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ни капли тщеславия

Шульгин жил в одном из старых районов Ленинграда, в большой коммунальной квартире. Был он высокого роста и на широких плечах носил крупную голову, которую покрывали темные кудрявые волосы. Руки при ходьбе, если в них ничего не было, держал за спиной. Он редко улыбался, и многие предполагали, что Шульгин замкнутый и даже злой парень.

Иногда на улице к нему подходили тренеры по баскетболу — уговаривали заняться спортом. Прочили чемпионские лавры, обещали поездки по городам страны и даже за границу. «Ты посмотри на себя, ты же вылитый спортсмен! Ну разве не обидно — походить на баскетболиста и не быть им?..» Но Шульгин тихо говорил в ответ: «Обойдемся», — и шагал от тренера в противоположную сторону.

Шульгин не был тщеславен. Никакие победы не прельщали его, а лавры не привлекали своей красотой. Потому что с самого рождения единственной радостью Шульгина был сон. Он спал уже пятнадцать лет; проспал грудной возраст, детский сад и семь с половиной классов средней школы.

Но не лежал он круглые сутки в постели и не храпел на весь квартал. Он жил почти так же, как все его ровесники: ходил в школу и кино, бегал на лыжах и на коньках и даже, что самое удивительное, учился без двоек.

С первого взгляда могло показаться, что Шульгин подвижный и одухотворенный парень. Однако в школе прекрасно знали, что он — соня, что его никто и ничто не интересует и что поэтому у него никогда не было и не будет друзей.

Да и жил он словно бы из-под палки. Школу посещал потому, что никто не позволял ему оставаться дома. А в кино или на каток ходил только потому, что сестра не разрешала весь день валяться на диване. И так далее до бесконечности.

Если бы у него спросили, зачем он живет, вероятно, Шульгин долго бы соображал, что на это ответить. Но таких вопросов никто ему не задавал. И он продолжал свой бесконечный сон без каких-либо замечательных сновидений (иначе мне пришлось бы рассказывать о том, что ему снилось). То есть Шульгин был среди нас, но его могло и не быть, и ничего от этого не изменилось бы в нашем мире.

Кто знает, может быть, мы о нем так ничего бы и не узнали — мало ли в нашем городе таких людей, которые спят даже тогда, когда глаза у них открыты, — если бы не случились одно за другим несколько чрезвычайных событий...

Срочно требуется нокаут!

Время подходило к четырем. По широкой улице мимо школы проносились легковушки и грузовики, разбрызгивая к тротуарам намокший снег. Прохожие торопились в помещения,

чтобы не мокнуть на асфальте. Школьный народ разбрелся по домам, и только в восьмом «А», где учился Шульгин, — собрание. Тут решают, как помочь ему проснуться.

Пришли к этому стихийно — так часто случается в любом нормальном классе... Говорили о текущих делах: двойки не исправляются, заметки в стенгазету не пишутся, театры коллективно не посещаются, и вдруг маленький Миша Плахов положил голову на руки и уснул.

Заметили. Срочно обнародовали этот вопиющий факт. Все засмеялись, кроме двух второгодников. Разбудили и, пока Миша смущенно улыбался, ему будто на лоб штамп поставили: «Эх ты, Шульгин Второй!»

Этого было достаточно, чтобы нормальный класс во главе со старостой Томой Железной начал обсуждать явление «Шульгин». Долго спорили, как на него повлиять. Оба классных второгодника — Ионин и Аристов — как всегда, молчали — играли в футбол. Наконец удалось прийти к единому мнению: для начала надо затащить его на школьный вечер, посвященный Международному женскому дню.

— Гол, дубина! — заревел Аристов, тараща глаза на Ионина.

— Потише, оседлые, — сказала Тома Железная.

Ребята подождали, пока они там успокоятся, и кто-то сказал:

— Не придет, и говорить нечего...

— Конечно! У нас — своя жизнь, а у него — своя...

— Если взяться как следует, обязательно придет, — сказал Вася Горохов. А Людмила Силич, как всегда, категорически сказала:

— Нужно прикрепить сильного товарища с педагогическим уклоном.

— Стимул нужен, без стимула — невозможно, — перебили ее.

— К нему нужно обязательно прикрепить, — твердила Силич.

— Хватит, — сказала Лариса Витковская. — Просто его нужно как следует встряхнуть. Я где-то читала, как один знаменитый боксер попал в автомобильную катастрофу и перестал говорить...

— Отказал речевой анализатор, — сказал Юра Поярков.

— Ну да,— подтвердила Витковская. — И все думали, что он уже никогда не заговорит. А потом он снова пошел на ринг, там его послали в нокаут, и он заговорил! Так и нашего Шульгина следует послать...

— И кто же это сделает? — спросил коллекционер кактусов Николай Достанко. — Может быть, ты?

— А запросто! — встряхнула короткими волосами Витковская. — Ты же не сможешь?

— Хорошо, что Шульгина нет, — сказал Достанко и взглянул на своих приятелей Зимичева и Пояркова. Те дружно подмигнули. — Будь покойна, дорогая, может, поспорим?

Витковская закусила губу. Она словно бы приценивалась к сопернику, не забывая при этом, что он не один. Было видно, что ей трудно решиться на этот шаг, но и отступить не могла — такой характер. А потому сказала:

— Хорошо, попробуем. Думаю, проиграешь...

— Поддерживаем хорошее начинание, — важно сказал Горохов. А Тома Железная радостно улыбнулась, отразив в своем единственном на всю школу золотом зубе половину учащихся восьмого «А».

Шульгин на собрании не присутствовал, он вообще не любил собраний, а потому не знал, что над его безмятежной жизнью нависла угроза. И не только в лице Ларисы Витковской...

Принципиальный Поярков

На что рассчитывали трое одноклассников во главе с Достанко? Они довольно скоро определили, что главной слабостью Шульгина является его одиночество. Именно по одиночеству и решено было нанести первый удар.

Поярков надеялся на свой фотоаппарат. Он делал хорошие снимки, но в конце концов ему надоело снимать всех желающих. И, отказывая кому-то, Юра теперь говорил: «Понимаешь, братец, я снимаю только интересных людей — дрессировщиков, капитанов дальнего плавания и нашу буфетчицу тетю Френю... Почему ее? Потому что совсем скоро она станет самым выдающимся человеком в стране: так безжалостно обсчитывает народ — вот-вот превратится в первого у нас миллиардера!.»

Он думал, что после этого никто не станет просить. И ошибся, потому что плохо знал своих сверстников. Стоило школьникам прослышать, что Поярков снимает только «выдающихся», как вдруг все стали требовать, чтобы Поярков обязательно сделал их портрет. Словно бы все в один день стали такими же выдающимися, как тетя Френя.

Поярков сфотографировал самых достойных — чемпиона города по классической борьбе среди юношей Виктора Лусто, круглую отличницу Майю Коновалову и свою одноклассницу Ларису Витковскую — лучшую танцовщицу и хореографа школы.

Но что стало твориться с другими, кого Поярков не считал выдающимися! Они упрашивали, настаивали и даже угрожали. Некоторые вообще обижались: «Ну, чем я хуже твоей Витковской?.. Ее снял, а меня так нет? Подумаешь, она танцует! А зато я победительница математической олимпиады и, кроме того, умею вышивать гладью и болгарским крестом...»

Поярков усмехался и говорил: «Детка, она ногами сделает гораздо больше, чем ты головой».

Слава Пояркова росла. И вскоре все поняли, что он действительно знает толк в людях.

Год назад он сфотографировал десятиклассника. А тот после этого поступил в университет, да еще совершил подвиг — спас тонувшую девочку. Отец девочки, капитан первого ранга, подарил ему кортик, а городская газета под рубрикой «Происшествия» поместила портрет героя, выполненный Пояр-ковым.

Второй случай был еще убедительнее. Однажды на школьном вечере семиклассница Ира Кожухова читала свои стихи. Поярков подошел к сцене с фотоаппаратом. И все поняли: надо ждать событий! Так и случилось — не прошло и месяца, как на весь город по радио прозвучали новые стихи Ирины Кожуховой!

Тут-то все и началось! Отвергнутые Поярковым стали поговаривать о том, что дело вовсе не в их способностях, а в самом Пояркове: если сфотографирует, — значит, к этому человеку обязательно должна прийти слава.

Когда слухи о Пояркове дошли до директора школы, он вызвал знаменитого фотографа к себе в кабинет. О чем они там говорили — никто не знает. (Ходили слухи, что директор предложил Пояркову организовать в школе фотокружок.) Но сам Поярков — ох уж этот Поярков! — рассказывал так: «Когда я вошел, директор пожал руку и говорит: «Здравствуйте, Юрий Палыч! Садитесь, пожалуйста, в кресло, закуривайте... Говорят, вы снимаете выдающихся людей?» — «Бывает», — говорю и пожимаю плечами: дескать, что ж тут особенного. «И много уже наснимали?» — «Порядочно. В нашей школе их видимо-невидимо, и все народ образованный, начитанный...» А вижу, мнется, чудак, будто стесняется. Но превозмог себя и продолжает: «Вот я человек не выдающийся, обыкновенный директор, но прошу и меня заснять. Если, конечно, мой образ вас вдохновляет». — «Не могу, Лаврентий Ильич, — говорю, — я действительно снимаю только выдающихся...» В общем, отказался. Думал, кричать станет: «Из школы не выйдешь, в восьмом классе тридцать три года сиднем просидишь, характеристику дам такую, что даже в ад не примут...» А он, хороший такой дядька, улыбнулся и говорит: «Молодец, — мол, — я тебя проверял. Только уж и придерживайся до конца этого полезного для нашего общества принципа — снимай то, что хочешь, что тебя вдохновляет. Тогда и сам не заметишь, как станешь известным человеком и настоящим художником!..»

Может быть, эта принципиальность и помогла Пояркову расти не по дням, а по часам. Сначала он снимал только для себя. Затем несколько удачных фотографий родители отобрали для семейного альбома. Потом — школьная фотовитрина, посвященная шефской помощи колхозу. Следующий шаг — городская газета с портретом студента-героя...

Поярков мечтал поскорее закончить школу и стать сотрудником знаменитого на весь мир журнала «Советский Союз». Теперь он и жизни своей не представлял без этого журнала. Он собирался стать выдающимся фотокорреспондентом, и если судить по тому, насколько популярен был Поярков среди школьников, то можно с уверенностью сказать, что он находился уже на полпути к своей мечте...

Лишь один человек — Шульгин — не обращал никакого внимания на всю эту шумиху вокруг доморощенного фотографа. Ему и в голову не приходило попросить Пояркова сделать его портрет.

Только раз, наблюдая, как Поярков фотографировал кошку, сказал:

— Давай и меня рядом.

— А кто ты?

— Ейный брат, — сказал Шульгин и даже покраснел от восторга — не часто ему удавался юмор.

— Тогда вставай на четвереньки и делай хвост пистолетом, — сказал Поярков.

— Как хочешь. Потом на коленях упрашивать будешь — не соглашусь, — равнодушно сказал Шульгин и зевнул, заметив, что зевнула кошка...

И вот теперь трое друзей вспомнили об этом.

Они прекрасно знали: Шульгина просто так не ухватишь. Но, к своему удивлению, вскоре поняли, что им совершенно нечего предложить. Достать билеты на хоккей — откажется. В кафе — не пойдет. Пригласить на выставку служебных собак — рассмеется. Да еще скажет, что пошел бы лишь в том случае, если бы на этой выставке кроме собак были бы представлены и они, наполеоны...

Задумались. Поярков и Зимичев ждали, какую идею подаст Достанко. Он готовил себя в дипломаты и потому уже теперь пользовался значительной привилегией в решении самых сложных задач.

Но Достанко молчал, растерянно пожимая плечами, что никак не соответствовало облику будущего деятеля...

— В чем же причина? — наконец спросил он. — Вроде бы все интересно, а ему — безразлично?

— А в том, что и хоккей и все на свете выставки он может посетить и без нас, — сказал Поярков.

— Правильно, Юра. В лучшем случае, мы ему наладим связь с окружающим миром. Но не с нами. А нужно...

— А нужно что-нибудь такое, что бросило бы его к нам в объятья.

— Правильно, Юра. Но ты учти, что времени у нас очень мало — Витковская слов на ветер не бросает и займется им всерьез. Она может затащить Серого в ансамбль.

— Помешаем, если надо! — усмехнулся Зимичев. — Такую жердину...

— Постой, Зима. Соперницу лучше переоценить, — перебил Достанко. — На сцене она — бог, у нее талант!.. А у нас что?..

— Но ведь у нас тоже кое-что есть, — не выдержал Поярков.—Что,если я дам Шульгину фотоаппарат и предложу щелкнуть какого-нибудь знаменитого спортсмена? Затем опубликую этот портрет в какой-нибудь газете, а под портретом будет стоять фамилия автора: «С. Шульгин»?

— Долго и нудно, — произнес Достанко и отошел на два шага, чтобы подумать. И вдруг его осенило: нужно вернуть из мастерской отца кактусы. «Конечно, что тут думать?! И пригласить Шульгина! А тот — ого-го! Тот может сразу согласиться. Таким меланхоликам только подавай острые ощущения...»

— Долго и нудно, — повторил он. — Тут нужна авантюра! Участие в ней сблизило бы нас с ним... Кажется, я знаю, что делать. Нужно дождаться темноты и похитить из мастерской отца кактусы...

— Опять кактусы, — поморщился Поярков. — Ты уж если коллекционируешь их, то не пытайся...

— В том-то и дело, что нет! Все. Крах!..

Поярков и Зимичев с недоверием взглянули на него — от таких дипломатов можно ждать чего угодно, только не истинной правды.

— В том-то и дело, что нет! — повторил Достанко. — То есть с сегодняшнего дня... Я их вчера пересадить решил. Купил в цветочном магазине земли, посуду — домой пришел; батя сидит за столом расстроенный — на работе не ладится, второй месяц подряд план не выполняют. Сидит и будто книжку читает. Потом встал и пошел на кухню к матери. Вот я и поставил на освободившийся стул кактус. И забыл. А он пришел и сел на прежнее место. Да как подскочит, бледный, испуганный, и на меня смотрит, будто я нарочно. Потом как

закричит: «А, мерзавец, специально подстроил?..» И полетели кактусы вверх тормашками. Штук пять в мусоропровод побросал. Я ему говорю: «Прости, отец, нечаянно». А он: «Нет тебе за это прощения! И места нет в доме этим колючкам!..»

— Где? — спросил Поярков.

— В доме, в доме нет места...

— Нет, где врать научился?

— Да погоди ты! — отмахнулся Достанко. — Кричит, носится по квартире, за штаны держится. А мне смешно смотреть на батю и жаль его. И кактусы жаль. Еле утихомирили, думали, все повыкидывает... А сегодня утром просыпаюсь, а он, вижу, складывает в сетку мои кактусы, будто ананасы. Увидел, что я проснулся, и говорит: «К себе в мастерскую отнесу. Они там нужнее. Они там среди железа и станков глаз будут радовать...»

— Когда? — спросил Поярков.

— Да утром, говорю же...

— Нет, когда врать перестанешь?

Достанко закусил губу и гневно посмотрел на приятеля. Медленно проговорил:

— Послушай, Юра, хоть ты и друг, но не буди во мне зверя. Меня уже давно раздражают твои плебейские ужимки... Так вот, — повернулся он к Зимичеву, — эту мастерскую я знаю, как свою квартиру, — все ходы и выходы. Пригласим Шульгина и — порядок! Отсюда может все начаться. Он за нами будет ходить, как теленок, а Витковская останется с носом... Это, брат, тебе не фотки делать, тут посложнее, — лягнул он Пояркова, даже не повернувшись к нему. — Правильно я говорю, Зима?

— Э, э, — Зимичев подготовлялся к ответу. Он еще не знал, согласиться с Достанко или нет. Но ему польстило, что будущий дипломат спрашивает его мнение, а потому сказал:

— Можно попробовать, если надо.

— Нет, — сказал Поярков. — Это вы можете сделать без меня. Я в таких авантюрах не участвую.

Оба повернулись к нему. Достанко сжал губы так, что они побелели.

— Хорошо, — сказал он. — А что ты предлагаешь?

— Ну вот, сказка про серого козлика, — усмехнулся Поярков. — По-моему, для начала нужно просто потолковать. А там и пойдет само собой...

Они еще долго разговаривали в том же духе, пока не расстались. И все-таки решение было принято: прежде всего нужно позвать Шульгина к гастроному.

Сережа Шульгин жил с родителями. Его папа — мастер производственного обучения в железнодорожном ПТУ, а мама — закройщица в дамском ателье. Никаких претензий сыну они не предъявляли, считая, что их Сережа ничем не хуже остальных мальчиков. А в чем-то даже лучше: успешно учится, в подворотне не стоит, не курит, не таскает мелочь из карманов — в общем, тихий, добрый парень. Правда, любит поспать. Но они объясняли это тем, что сын быстро растет, а значит, его хрупкий организм требует больше отдыха.

До последнего времени в семье жил еще один человек — сестра Тоня. Шульгин любил сестру. И знал, что сестра тоже любит его. Тоня в глаза говорила ему, что он лентяй и что такие, как он, живут триста лет и даже не умирают, а пропадают бесследно, потому что никто о них после смерти никогда не вспомнит. Тоня училась в университете на пятом курсе, была девушкой начитанной и уж если говорила, то попадала не в бровь, а в глаз.

Но брат не прислушивался к серьезным и важным словам, которые она говорила. Улыбался, молчаливо разглядывая какой-нибудь предмет, например, пепельницу.

— Да что ты все улыбаешься, будто Герасим из «Муму»?.. Хотя нет, до Герасима тебе далеко.

— Почему? — спрашивал Шульгин.

— Потому что Герасим, в отличие от тебя, — красивый человек. Он живой и потому красивый. А у тебя внутри дупло, пустота.

— Почему?

— Потому, что ты слон. Но это лишь по виду. А внутри ты — черепаха. У тебя все черепашье. Ведь стыдно сказать— за всю жизнь ни разу не был в театре! — Она обиженно замолчала. Задумалась. И тихо прибавила: — Одно лишь отличие: черепаха на морском дне в тине лежит, а ты — на диване.

Шульгин зевнул и, словно бы между прочим, пробурчал:

— Борода твоя вчера приходила. Ждала тебя и не дождалась.

— Долго сидел?

— Ага... Я успел выспаться.

— Говорили о чем-нибудь?

— Он говорил, я молчал.

— О чем же он говорил?

— Да все глупости какие-то.

— Ты с ним чаще разговаривай. Он, знаешь, какой умница! Настоящий самородок, талантливый, как бог: в семь дней может мир сотворить, только материал подавай... И какие же он глупости говорил?

— Да все, что тебя любит.

— А ты что?

— А я сказал — было бы за что...

— А потом?

— На диван ко мне подсел и продолжает свои глупости. Говорит, жениться на тебе хочет.

— Правда? — улыбнулась Тоня, покрываясь румянцем.

— Ага. И спрашивает, мол, я не против?

— Но ведь не против же, не против?

— Отчего же... Как ты ко мне, так и я... Вот и сказал, что

напрасно он это. Что я бы на его месте не стал... И вообще, не такой уж моя сестра человек, чтобы на ней жениться.

— Какой же ты, — притворно улыбаясь и так же притворно качая головой, проговорила Тоня. — Теперь я о тебе все знаю: ты вредный и ты меня нисколечко не любишь.

— А ты пошла бы за него?

Тоня долго смотрела на брата. Улыбалась. А затем чуть-чуть кивнула и спросила:

— А разве ты сам не догадываешься?

— Да нет, я так. Жаль... И не будет больше около меня человека, обладающего критическим умом.

— Будет, будет! И не один, а сразу два!

Она подбежала к брату и поцеловала его в висок. Закружилась по комнате и присела перед зеркалом...

Вскоре они поженились и теперь жили отдельно — снимали комнату на окраине.

Когда они приходили в гости, Тонин муж — Витя — молча садился в уголок и рисовал в своей огромной записной книжке. То это был парусник, то чье-нибудь лицо, а то просто чиркал бумагу, и сначала было непонятно, что там за жизнь, а потом выяснялось — девушка с косой или пацан, стреляющий из лука.

Приходил отец, здоровался с Витей за руку, несколько секунд разглядывал рисунок, одобрительно кивал, а затем озабоченным голосом спрашивал:

— Ну, как там делишки в Древней Греции?..

Витя, улыбаясь, смотрел на него, не зная, что сказать. А папа тут же приходил ему на помощь:

— Хороши, видать, делишки, раз демократию больше не душат и Олимпийские игры хотят навечно к себе вернуть, а? Умный же народ, щадит свою историю. Не желает в бочку меда — ложку дегтя...

— Папа, в историю нельзя ничего добавить, из нее можно только многое взять, — смеялась Тоня, чтобы отвлечь Витиного собеседника. Она вместе с матерью собирала на стол.

— А вообще-то вам не мешало бы съездить в какую-нибудь знаменитую древней культурой страну. Особенно ему, — кивнул он на Витю. — К примеру, в Италию, а?

— Так не шутят, — сказала Тоня.

— И не собираюсь шутить. Узнавайте насчет путевок, а за деньгами дело не станет. В общем, считайте, что это свадебное путешествие.

— И правда, как это мы раньше не догадались? — сказала мама. — У Вити твоего талант, ему знать нужно, видеть.

— Спасибо, не надо, — бормотал Витя, не отрываясь от своей книжки.

Тонечка с влажными глазами подошла к отцу и поцеловала его в щеку.

— Ну, ну, — отбивался отец, приглашая всех к столу...

Потом они прощались, и, уходя, Витя говорил Сереже:

— Приезжай в гости. У нас там за домом — стадион. Проверим наши возможности: в футбол сыграем, в шиповках побегаем...

— Не люблю я это, — отвечал Сережа. — В детстве любил, а теперь перестал. Да и зачем, если каждый вечер по этой машине что-нибудь показывают?

— Как хочешь... А то рисовать научил бы?

— Зачем? — спрашивал Сережа. И на этом разговор их кончался...

Еще в квартире Шульгиных жил сосед Анатолий Дмитриевич — пожилой, молчаливый и покладистый. После замужества сестры Шульгин стал чаще заходить к нему в комнату, чтобы молча выпить чашку чая и так же молча посидеть перед клеткой со щеглом Орлом и щеглихой Решкой. Сосед смотрел телевизор и не пытался заговорить. Работал он проводником в поездах дальнего следования, подолгу не бывал дома, а по возвращении все молчал. Будто и не ездил никуда и ничего не видел, а все это время просидел в темном погребе.

Иногда летом, во время отпуска, собирал рюкзак и отправлялся путешествовать по свету. «Жизнь проходит, Сережа, — говорил он. — Надо воздухом надышаться, соловьев послушать, я же в прошлом — сельский житель. А там и — в рай. В раю-то небось соловьев нет?..»

Другой на месте Шульгина стал бы просить Анатолия Дмитриевича взять его с собой. Но не таков был Шульгин. Если светило солнце и голубело небо, он говорил (даже не говорил, а как бы предполагал): «Жарко, поди, туристам приходится, еще солнечный удар хватит...» А если моросил дождь, Шульгин хмурился, обнимал себя за плечи и вздыхал: «Холодно, поди, простудиться можно...»

Шульгин видел, что страсти Анатолию Дмитриевичу хватало лишь на то, чтобы собраться в дорогу. А возвращался из походов он не отдохнувшим, а, наоборот, усталым, полубольным и будто потерявшим что-то важное и дорогое. Морщины лица высыхали, желтели, а маленькие серые глаза будто бы начинали светить вполнакала.

Он надолго запирался в комнате, никого не хотел видеть, и казалось, что уж в следующий-то раз задумается, стоит ли

с его слабым здоровьем отправляться на край света за соловьиными песнями.

Однако наступала весна, и сосед оживал. Он снова готовился в дорогу: стирал и сушил на кухне потертый рюкзак, подшивал суровой ниткой ремни и лямки и весело поглядывал на Сережу. Как-то сказал:

— Больше ходишь — дольше ходишь. Такова игра жизни. Я человек посредственный, мне лишь увидеть дано. А вот изобразить, как вашему бородачу Витьке, — не дано. Тут требуется острый глаз-ватерпас. И рука чтоб этому глазу подчинялась... Хочешь, вместе пойдем? Может, и не пожалеешь...

— Доживем до лета — видно будет, — сказал Шульгин. — Хотя мне и дома хорошо...

В конце зимы Шульгин заметил, что Анатолий Дмитриевич зачастил в кладовку...

Однажды, вернувшись из школы, он подошел к соседу и увидел, что тот достает из деревянного ящика рюкзак, туристский топор, потемневшую от времени и огня алюминиевую кастрюлю. Хмурится и важничает, будто не с побрякушками дело имеет, а с драгоценностями из знаменитого музея.

И вдруг что-то выпало из рук Анатолия Дмитриевича. Выскользнуло из марлевой тряпки, грохнулось на пол, и Шульгин увидел пистолет. Черная матовая рукоять, короткое дуло с темным отверстием — все как у настоящего.

— Что это? — спросил Шульгин, наклоняясь к оружию.

— Не трожь, — властно сказал Анатолий Дмитриевич и быстро поднял пистолет. Сунул в рюкзак и взглянул на Шульгина, засмеялся, как мальчишка: — Хи-хи... Понимаешь ли, знакомый охранник дал посмотреть. Говорит, патрон заедает... Они там в тир у себя ходят, вот и неудобство получается. А я когда-то работал на оружейном заводе, кое-что соображаю. Может, исправлю. Но ты, Сережа, никому не говори, понял? А то, если узнают, что охранник не в мастерскую сдал, а мне передоверил, ругать будут — с этим строго.

— Мне-то что? — зевнул Шульгин. — Хотя забавная штукенция, с такой сам черт — лучший друг будет.

Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Кто у телефона? — спросили в трубке.

— А ты кто? — вопросом на вопрос ответил Шульгин, хотя по голосу узнал Достанко.

— Наполеон Бонапарт, — скромно ответил тот. — Со мной еще два наполеона. Решили объявить тебе войну, а потому подходи к гастроному.

— Со слабаками не воюю.

— Хм, кхм, — покашляла трубка. — Придешь?

— Не могу, — сказал Шульгин. — Пока никого нет, вздремнуть хочется, а то учиться заставят.

— Ненадолго, Серый, будь другом. Нам тут без тебя не обойтись.

Шульгин поморщился, представив холодную зимнюю улицу, падающие мокрые хлопья снега и не просохшие ботинки, но собрал всю свою волю и сказал:

— Хорошо, буду.

Повесил трубку, отошел от телефона, сел на край стола и задумался.

«С чего это они стали наполеонами — здоровые же лбы? И зачем приглашают к гастроному? Разыгрывают, что ли? Это же такие деятели! Не поддавайся, Шульгин, блюди неприкосновенность души и тела».

Посмотрел на широкий зеленый диван — так знаток и ценитель живописи смотрит на картину гениального художника, — поблагодарил неизвестного мастера за его труд — надо же изготовить такую удобную штуку! (Шульгин считал, что самым совершенным изобретением всех времен и народов было не колесо, не книга и не телевизор, а такой зеленый, такой откидывающийся и похрустывающий, словно живыми суставами, диван!) При одном взгляде на это совершенство глаза наполнялись туманом, Шульгин терял силы и с непостижимым блаженством принимал горизонтальное положение...

Он прямо со стула повалился на подушку. На этот раз успел даже сбросить тапки, и они мягкими шлепками попадали на паркет.

«Меня разыгрывать нельзя, — думал он. — И вообще, вы живите сами по себе, а я буду сам по себе. Меня ваша суетная жизнь не привлекает — день проживи, а остальное все повторится... Я и без вас обойдусь. И без школы обошелся бы, но что делать, если теперь такую моду взяли... За окнами сейчас и снег, и холод, а здесь — чисто и тепло, и я кладу под ухо свой нежный локоть и слышу, как наполненно и нечасто в нем пульсирует кровь... Вот уж сон крадется из подушки. Такой он весь НИКАКОЙ, без запаха и цвета. Но делает тебя большим, как море. Ты будто на волнах качаешься... Или нет! Как отдельная планета, отрываешься от Земли и уносишься в звездное пространство... Мой друг — ДИВАН, мой брат — СОН...»

Шульгин действительно начал дремать: уже по зеленому лугу, похожему на обшивку дивана, шли белые козы с желтыми

бантами вместо рогов, а черные козлы с белыми бантами — чуть в стороне — стояли на задних ногах и нюхали красные маки. За ними поднимались горы, и на вершинах гор торжественно и ярко белели вечные снега.

Снова зазвонил телефон. Шульгин открыл глаза и услышал за дверью голос Анатолия Дмитриевича:

— Сергей, тебя!

— Знай, Серый, мужики так не поступают, — декламировала трубка голосом Пояркова. — Думаешь, если мы тебя уважаем, то нас уже можно за нос водить?

— Ладно, — сказал Шульгин и, троекратно зевнув, направился к вешалке. Он не видел, как ему в спину пристально смотрел сосед...

Герой дня

Ожидая Шульгина, они стояли у гастронома и по очереди бегали на угол смотреть, не идет ли он. Притоптывая от вечернего морозца, вели неторопливую беседу.

— Шульгин придет, а что мы ему скажем? — спросил Поярков.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Достанко. — Важно, чтобы он пришел, а там — по обстоятельствам.

— Эх, был бы мотоцикл! — вздохнул Зимичев. — Посадил бы этого Шульгина и как рванул!..

— А много ты уже денег на мотоцикл накопил? — спросил Поярков.

— Э-э... Одиннадцать рублей. И это лишь за полгода!

— Ну, рекордсмен! Через пятнадцать лет ты действительно купишь «макаку».

— Ничего, скоро брат демобилизуется. Работать пойдет, так что вместе купим. А эти, что накопил, я, может быть, ему на Восьмое марта пошлю, ему там нужнее, у него девушка есть.

— А зачем? — спросил Достанко. — Он там сыт, обут, одет. Театр и кино привозят в казарму, зачем еще деньги? А девушка понимает, что он солдат, значит, пока он служит, должна тратиться.

— Он не такой, — сказал Зимичев. — Он не привык за чужой счет.

— Послушай, Зима, — перебил его Поярков, — зачем тебе мотоцикл? Ты ведь после восьмого идешь в автомобильное

пэ-тэ-у? А там тебе не только права, но и собственный самосвал выдадут?!

— Выдадут, если надо. Но тебе этого не понять, — медленно говорил большой, грузный Зимичев и, задрав голову, смотрел на громадную сосульку, торчавшую из-под крыши пятиэтажного дома.

— Ого! Такая грохнет на голову — без привычки не устоишь, — сказал Поярков.

— А если плашмя, то и двоих уложит, — подтвердил Зимичев. — Но она в стороне от тротуара, над крышей соседнего дома.

— Снег теперь на крыше замерз, она может упасть и запросто съехать по нему на тротуар, — начал развивать свою мысль Достанко, но Поярков перебил:

— Тихо! На горизонте — Серый!

Когда он подошел, наполеоны и виду не подали, что обрадовались. Коротко и ясно объяснили, что вызвали его для переговоров, что намечают сходить в кино и если он — за, то ему даже и билет купят.

— И все? — возмутился Шульгин. — Оставьте меня в покое.

Он повернулся к дому и вдруг увидел ту же сосульку. Он

быстро сообразил, что если она и упадет, то на крышу, а значит, никому ничто не грозит.

Достанко понял, о чем он думал.

— Чуть что — и пара трупов.

— Это если скатится с нижней крыши, — уточнил Поярков.

— А может, и не скатится? — зевнул Шульгин.

— А ведь точно скатится! — убежденно сказал Поярков.— А внизу могут быть крошки-малютки, женщины.

«Вот не повезло, — думал Шульгин. — Зря приплелся».

Он посмотрел Пояркову в глаза. Тот опустил голову, словно бы смутился. Разумеется, он не забывал о споре с Витковской. Ему хотелось, чтобы победил Достанко. В этом случае частица победы досталась бы и ему, Пояркову. Но в душе он уже не ощущал того огня, который возник в момент спора.

— Но при чем тут я? — спросил Шульгин. — Скажите дворнику, это его забота.

Он шагнул по улице, но Достанко ухватил его за рукав и начал говорить, что не понимает бесстрастности Шульгина. И стал объяснять, как это важно — чем-то заниматься: сбивать сосульки, собирать кактусы, фотографировать, гонять на мотоцикле или хотя бы мечтать о мотоцикле, как это делает Зимичев. В общем, как это важно, когда есть такая страстишка, которая выгодно отличает тебя от большинства людей.

— Все? — тихо спросил Шульгин.

— Ну, не переваливать же собственную жизнь на плечи дворника! — выкрикнул Достанко.

— Там и лестница есть, — как бы между прочим, сказал Поярков. — Посмотрим?

— Не только посмотрим, но и собьем ее, — подтвердил Достанко. — А ты, Серый, можешь валить домой. Ты мне надоел!

Он отпустил рукав Шульгина и пошел первый. За ним сразу же направились Поярков и Зимичев.

Шульгин повернулся было к дому, но что-то мешало ему уйти. Взглянув на сосульку, он медленно двинулся за ребятами.

Вчетвером вошли в темный двор. Медленно, стараясь не шуметь, стали подниматься по вертикальной пожарной лестнице, — она тихонько поскрипывала и покачивалась.

Добравшись до крыши, ступили в глубокий снег и, скользя по обледенелому карнизу, друг за другом потянулись над колодцем двора к сосульке. И тут шедший впереди Шульгин поскользнулся, упал и стал сползать к самому краю крыши. Зимичев попытался удержать его и сам не устоял и поехал в полуметре от него.

Поярков и Достанко оцепенели от страха. Зимичеву удалось ухватиться за обледенелый выступ крыши, а Шульгин все так же медленно сползал дальше и дальше. Повернув голову, он взглянул на Достанко, укоряя, и тот будто очнулся. Сделал несколько шагов к Шульгину, подал руку и схватился за ржавую трубу, к которой крепились провода. При этом ноги Шульгина уже повисли над пропастью двора почти по колено.

Но сил не хватало. И тогда на помощь подоспел Зимичев.

Через минуту все четверо стояли рядом, и Достанко говорил:

— Пропади она пропадом, эта сосулька. Идем вниз.

— Зачем же вниз? — удивился Шульгин. — Что мы, напрасно сюда поднимались?

Он забрался выше и медленно подобрался к ледяной глыбе. Взялся обеими руками и потянул на себя. Раздался резкий звук, будто открывали консервную банку, и льдина отвалилась и рухнула в снег.

— Ее тут оставлять нельзя, нужно скинуть во двор, — сказал Достанко.

Вдвоем они подтащили льдину к краю, посмотрели, нет ли кого внизу, и сбросили. Там ухнуло, прогрохотали осколки, и все затихло.

Когда вышли на улицу, Поярков восторженно сказал:

— Ну, ты дал! Герой дня! Я тебя за это сфотографирую! Я сделаю тебе лучший портрет! Ты же герой!

Шульгин посмотрел на него, улыбнулся и покачал головой. Хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и направился к дому.

Наполеоны растерянно провожали его взглядами. Нужно было как-то останавливать Шульгина, чем-то увлекать, чтобы не лопнул, не перестал существовать крохотный сосудик, образовавшийся между ними. Но запас возможностей кончился.

— Пусть идет, — наконец сказал Поярков. — Признаем, что удержать нам его не удалось.

— Заткнись! — рявкнул Достанко. — Что ты стоишь, Зима, — победа уходит!

Достанко и Зимичев бросились за Шульгиным.

Поярков остался один. Он не торопился бежать вдогонку. Ему нужно было обдумать, что произошло, ибо поступки Шульгина не вписывались ни в какие его представления о человеческом характере. Сначала не хотел идти на крышу. Потом пошел. Потом, оказавшись на миллиметр от смерти, не дрогнул, не побежал к лестнице. Довел дело до конца и тем самым показал пример истинной смелости...

Несколько секунд Поярков стоял неподвижно, не зная, как ему теперь поступить... Рядом на бетонном столбе покачнулся и скрипнул уличный фонарь. Прошуршал в водосточной трубе снег. За домом в переулке послышались голоса. Поярков оглянулся — никого. Но по коже все-таки побежали мурашки, и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее он пошел в ту же сторону, куда ушли ребята. Через минуту он уже мчался во весь дух.

Догнал лишь у перекрестка. Достанко упрашивал Шульгина остаться, приглашал в мороженицу — все напрасно. Что-то бубнил Зимичев.

— Вот и Юра тебя просит, — кивнул Достанко на запыхавшегося Пояркова.

— Правда, Серый, оставайся, — произнес Поярков.

Шульгин остановился, взглянул на Достанко, зевнул и продолжал свой путь.

Так ничего и не добившись, наполеоны отпустили его...

Твоя муза

Школа готовилась к празднованию Международного женского дня — Восьмого марта...

Каждый что-нибудь готовил к празднику. Кто-то подарки, кто-то концертный номер, кто-то рисовал шаржи и раскрашивал бумажное панно, которое собирались повесить у входа, кто-то просто из любопытства путался под ногами у тех, кто был занят приготовлениями к торжеству.

В общем, заняты были все. Даже принципиальный Поярков согласился сфотографировать девочек-отличниц. Многочисленные снимки должны были украсить праздничную стенгазету, а школьные поэты должны были написать к ним поздравительные стихи. Поярков, как директор, ходил из класса в класс, ослеплял девочек вспышкой «Чайки», произносил: «Минуточку, повторим!» — и только после всех церемоний шел дальше.

А его одноклассники нервно сидели за партами, делали вид, что учатся, а на самом деле уже мысленно надевали свои лучшие костюмы и рубахи. При этом с удивлением и даже любопытством поглядывали на девочек, словно бы видели их впервые.

Впрочем, был один человек, который на вечер не собирался. Это Шульгин. Он вообще за все свои школьные годы не посетил

ни одного школьного вечера, чем вызывал крайнее удивление у некоторых парней.

На этот раз произошла осечка...

Когда родители ушли в гости к родственникам, оставив сыну торт и две бутылки лимонада, Шульгин разобрал диван и приготовился вздремнуть. Уже начал расстегивать пуговицы на рубашке, уже привычно позевывал, когда в прихожей раздался звонок.

«Наверное, ошиблись дверью, — подумал он. — В такой день кто может прийти? В такой день все сидят за столом, говорят о женщинах и желают им сладкой жизни... Если бы мне пришлось их поздравлять, я бы им всем пожелал приобрести такой же диван, как у меня... У соседа вообще никого не бывает. А если почему-нибудь вернулись мама и отец, то у них свои ключи».

Снова позвонили. На этот раз менее настойчиво — как бы на всякий случай, чтобы удостовериться, что за дверью никого нет.

Он накинул пиджак, вышел и открыл.

На площадке стояла девочка. Невысокая, в черной шубке, из-под которой выглядывал краешек платья. На ногах — красивые сапожки, а на голове — зеленая косынка, в каких обычно артистки хореографических ансамблей исполняют русские народные танцы. Девочка закрыла глаза черной маской, и сколько ни вглядывался Шульгин, не мог понять, кто это.

— Кто ты? — спросил он, стараясь представить ее без маски.

— Твоя муза, — рассмеялась девочка и сняла маску.

Шульгин увидел Витковскую.

— Зачем пришла? Я спать собрался, — сказал он. — И у меня нет никакой музы.

— Что ты! Именно я — твоя муза. И ты со мной должен обращаться вежливо, не противоречить, не спорить. Иначе я уйду. Так поступали все музы на свете.

Шульгин поморщился, запахнул плотнее пиджак и небрежно сказал:

— А вырядилась!

— Ну, для тебя же старалась, — кокетливо сказала Витковская. — Давай, отец, скоренько собирайся и пойдем.

— Куда?

— На школьный вечер. Где ж тебе сегодня быть, если не там? Давай, давай, а то сорвешь концерт.

— Я в концертах не участвую.

— И молодец, и правильно. Зато для тебя участвуют другие. Ты не можешь себе представить, как трудно артистам выступать, если в зале — никого...

Она отставила ногу в сторону и прислонилась к перилам — дескать, не к спеху, могу и подождать. На ее шубе растаяли снежинки, и теперь крохотные капельки блестели так, будто по дороге на Витковскую просыпался золотой дождь.

На пятом этаже хлопнула дверь. Кто-то осторожными шагами спускался по лестнице. Будто ребенок, маленький и легкий. Вот лестничный пролет кончился. Витковская обернулась и увидела невысокого худенького мужчину с бледно-розовым лицом и незрячими глазами. В руке он держал тоненькую палочку, а под мышкой — маленькую квадратную коробку.

— Здрасте, Николай Петрович, — сказал Шульгин и посторонился, давая дорогу.

— А, это ты, Сережа? — спросил мужчина.

Витковская тоже отступила к стене, и мужчина, повернувшись к ней, спросил:

— Ты не один?

— Нет, ко мне из школы Витковская пришла.

— Это хорошо... В такой день это очень хорошо. Поздравь ее и не обижай. А я иду поздравлять свою дочку Ирочку и внучку Наташу.

Он говорил это и продолжал спускаться, пока не затихли внизу его шаги.

— Что с ним? — спросила Витковская.

— В танке горел.

— Бедный... Столько лет...

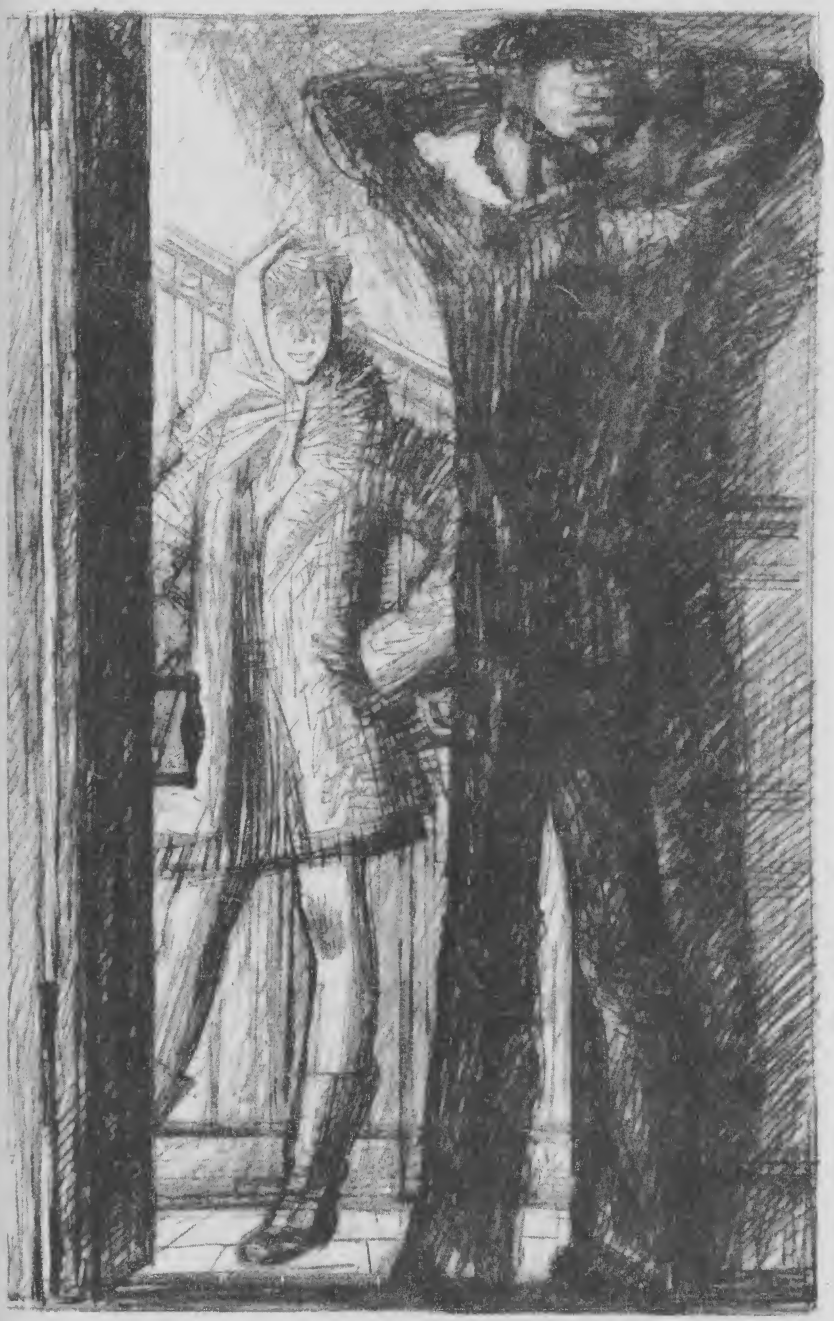
— Теперь ничего. Бежит позади своей палки — не угонишься. А на перекрестках — каждый поможет.

— Вот видишь, трудно, а идет поздравлять своих женщин. А ты?

Шульгин посмотрел на нее полными обиды глазами, а затем, не поворачиваясь, спиной вошел в дверь. Щелкнул замок. Витковская тоже растерялась. Потом шагнула к звонку и стала нажимать кнопку. Времени оставалось мало, нужно торопиться, а ей до сих пор не удалось вытащить этого медведя из берлоги.

— Увалень, — шептала она, меняя руку на звонке. — Никакой ответственности перед коллективом, никакого уважения к женщинам... Ну, уж это тебе даром не пройдет!..

«Пусть трезвонит, — думал Шульгин, с тревожной нежностью поглядывая на подушку. — Мне и по телевизору концерты



надоели. А там же сила! Профессионалы: Пьеха, Пугачева, кто еще?.. Не то, что ваша самодеятельность!»

Звонок не умолкал.

«Что это она? Может, что-нибудь с кнопкой сделала, а сама ушла? — подумал Шульгин и снова пошел к двери.

Витковская стояла на прежнем месте и насмешливо смотрела на Шульгина. По ее глазам было видно, что так просто она отсюда не уйдет.

— Я милицию позову, — пригрозил Шульгин. — Ты лучше валяй, пожалуйста, на свою вечеринку и не хулигань тут... Не такой уж я дурак, как тебе кажется.

И тут случилось то, чего Шульгин никак не ожидал. Витковская взяла его за руку и затащила в комнату. Открыла шкаф, достала белую рубаху, галстук, новый пиджак и все это повесила на стул. Отвернулась и сказала:

— Ты срываешь Международный женский день. Одевайся.

— Ничего я не срываю, — промямлил Шульгин, поняв наконец, что окончательно проиграл.

— Ой, Шульгин! У тебя же торт! — воскликнула Витковская. — И лимонад!.. Жаль, что мне выступать, а то я бы тебя раскулачила.

Шульгин кивнул. И тут же услышал, как в чашку, шипя и булькая, полился крюшон.

— Отпусти ты меня, Витковская. Я тебе весь торт подарю.

Кто угодно на ее месте не выдержал бы, сжалился и ушел. Но не такой характер был у Витковской. Она подала ему галстук и коротко сказала:

— Надевай! Живо! — Вернулась к столу, закрыла пробкой лимонад и продолжала: — Я еще с детства поняла: важно быть решительной и сильной. Вот не поверишь, а я однажды победила настоящую овчарку. Она хотела укусить мою собачку Шпильку — прелесть что за собачка, романсы пела! — так я бросилась и сама укусила овчарку за ухо. И прогнала. Главное — это характер...

— Будет врать, — сказал Шульгин.

— И ничего не вру. Можешь сам у нее спросить.

— У овчарки?

— Я на провокационные вопросы не отвечаю. Спроси у ее хозяйки, она до сих пор на нашей лестнице живет. — Шульгин уже стоял совсем готовый. Витковская вздохнула: — Какой ты красивый! Я тебя таким еще не видела. Ты станешь украшением вечера!..

— Чего там, — смущался и краснел Шульгин. Но Витковская не обращала на его эмоции никакого внимания. Подала

пальто и вывела на лестницу. Сзади с грохотом захлопнулась дверь, и Шульгин понял: это — конец. Ключи остались в другом пиджаке, соседа нет, а родители придут только к ночи.

Подошли к школе. Из двух спаренных радиоколокольчиков гремит Штраус. Парни в пальто нараспашку и девочки с мимозами в руках быстро вбегают по ступенькам крыльца.

Перед входом Шульгин пропустил Витковскую вперед. Но та остановилась у двери и кивнула: дескать, проходи, а то еще сбежишь.

Он не стал спорить — лень было — и вошел первый. Снял пальто, а она забрала оба номерка и помчалась по лестнице на второй этаж.

Шульгин постоял в вестибюле, поморщился от восторженных возгласов одноклассников, которые почему-то поздравляли его с праздником, зевнул и двинулся в буфет. Он думал, что только там, в родном и милом уголке, с вечно улыбающейся толстушкой тетей Френей найдет утерянный покой.

Проходя по коридору, он увидел в тупике знакомую фигуру Пояркова. Тот, согнувшись, копался в ботинке, будто что-то прятал. Шульгин подошел. Поярков неожиданно выпрямился и спрятал ботинок за спину. Но Шульгин успел разглядеть — он подкладывал под пятку сложенную много раз газету.

— Зачем это? — спросил Шульгин.

— П-понимаешь, задник трет, — тихо сказал Поярков. Было видно по глазам, что он растерян. И на Шульгина смотрит как-то странно, будто прощения просит.

— Разносится, — обнадежил Шульгин и пошел дальше.

«Неужто его не устраивает собственный рост? — подумал он. — Разве это праздник, если ты постоянно думаешь о собственных ногах? Это же, наверное, больно?.. Нет, будь я даже карликом, не встал бы на ходули. Это же обманывать самого себя...»

Навстречу шел Достанко.

— Привет, Серега, — сказал он. — Ты наших не видел?

— Ваших не видел.

— Я имею в виду Зимичева и Пояркова. Они отличные ребята, ты зря с ними не поддерживаешь контакт.

— Мне и без вас тошно. Привели сюда...

— Кто привел? Витковская?

— Кому ж еще?

— Если ты не объединишься с нами, она из тебя кочергу сделает. Советую подумать.

— Да, да, у меня много недостатков, — вздохнул Шульгин и вошел в буфет.

Могу поговорить

Съев шестнадцать бутербродов с колбасой и для ровного счета четыре с сыром, он сказал «нормально» и поднялся в актовый зал.

Сцена была закрыта бархатным занавесом. На нем прожекторы оставили четыре ярких пятна — два белых, красный и синий. По ступенькам туда-обратно снуют участники художественной самодеятельности.

Едва он вошел в зал, наполеоны поспешили к нему. Они предложили сесть подальше от сцены, чтобы вдали от театральной суеты поговорить о кактусах, мотоциклах и фотоаппаратах.

Поярков действительно был чуточку выше. Он и стоял както слишком прямо, будто ему в этот момент замеряли рост. Заметив, что Шульгин посмотрел на его ботинки, быстро заговорил:

— У меня есть двоюродный брат Игорь. Так он живет в одном доме с одним знаменитым стариком. Этот дедуля, закончив петербургскую Академию художеств, всю жизнь занимался тем, что усовершенствовал фотозатворы. Теперь он работает в ГОИ, хочет сделать последний, самый быстродействующий механический затвор. После которого уже никто и никогда не сделает более быстрого.

— А зачем он нужен, когда давно уже имеются электронные фотозатворы? — спросил Достанко и посмотрел на Шульгина.

Они чувствовали, что проигрывают спор, и поэтому делали последние отчаянные шаги, чтобы изменить ход событий.

— На интеллектуальный разговор потянуло? — спросил Шульгин. Он улыбнулся, покачал головой и вышел из зала. Потоптался в коридоре, подошел к двери, на которой висела стеклянная табличка «9-б», открыл. И тут же увидел в самом углу на последней парте маленькую девочку. Одна косичка с красным бантом спереди, другая — сзади.

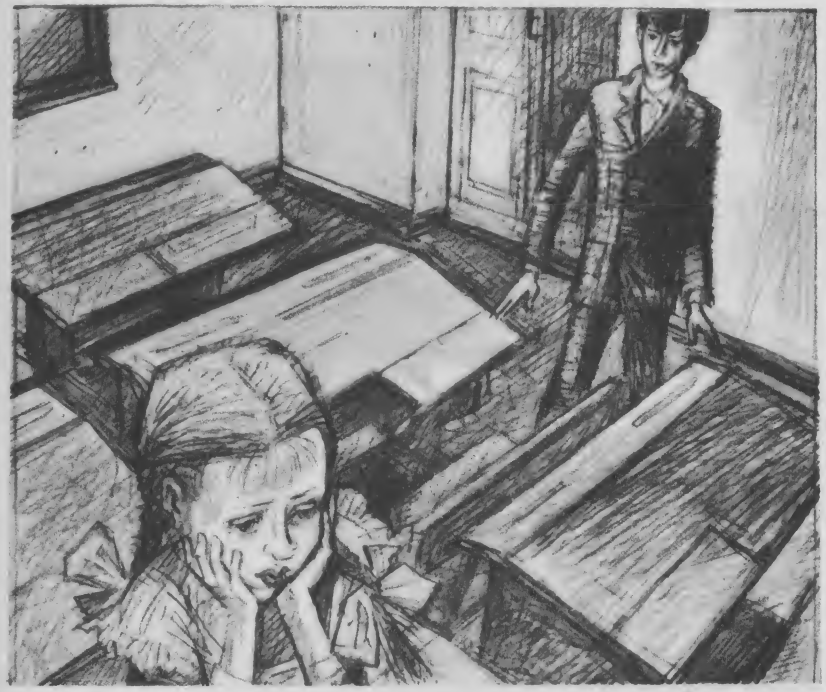
Девочка быстро приложила к глазам ладошки и отвернулась.

«Плачет, что ли?» — подумал Шульгин, собираясь уйти. Не ушел. Громко спросил:

— Ты чего?

Девочка всхлипнула. Развязала бант, приложила к глазам и снова завязала.

Шульгин приблизился к ней.



— Обидел кто?

— Нет.

— А чего воешь?

— Я не вою... Боюсь.

— Кого?

— Прокофьева...

— Из какого класса?

Девочка подняла заплаканное лицо. Взглянула на Шульгина. Ресницы задрожали, словно бы она собиралась плакать, но вдруг рассмеялась. Ее голос в этом пустом классе был таким звонким и радостным, а в глазах столько удивления, что Шульгин и сам улыбнулся, не понимая, правда, ни слез этой девочки, ни смеха.

— Я это к тому, что, если что, могу с ним поговорить...

— Я так и поняла, — серьезно сказала девочка и кивнула. И тут же захохотала пуще прежнего. Белая коса с громадным бантом запрыгала на груди. Глаза снова стали влажными, но

теперь уже не от горя, а от смеха. Покачала головой и назидательно сказала:

— Что ты! С ним нельзя поговорить... Он давно умер, а значит, его нет на свете.

— Кого же ты боишься?

— Играть... Боюсь, что плохо выйдет.

— Ну, иди домой, и все, — разрешил Шульгин. — Хочешь, вместе пойдем? Я тебя до самого дома доведу, а заодно и сам отсюда...

— Нет, я с братом пришла, с братом и обратно пойду. Он тоже в концерте участвует, будет маленьким лебедем... Костю Булышева знаешь?

— Из десятого, что ли? Какой же он лебедь? Он же с меня ростом?

— В том и прелесть, — словно бы задаваясь, сказала она.

— Понимаю, — кивнул Шульгин, хотя ничего не понимал.— Ну, тогда не играй, и все.

Девочка встала из-за парты, пожала плечами, будто ей стало холодно, и тихо сказала:

— Я так не могу... Ведь готовились, на меня рассчитывали... А страх сразу же пройдет, как только сяду к роялю. Я это знаю из опыта.

Услышав такое взрослое слово «опыт», Шульгин с уважением посмотрел на девочку и сказал:

— Понимаю...

Он смотрел на нее и улыбался. И странно, ему захотелось поднять эту девочку на руки и поносить немного среди парт по классу. Он даже представил себе, как он ее носит и как она визжит и смеется от удовольствия.

Шульгин сделал вид, что собирается ее поймать. Но та быстро выскочила в дверь.

Он заперся на стул и сел за парту. Доска была чисто вымыта. Над ней красными буквами на голубой бумаге было написано:

Математический талант — это, прежде всего, напряженный, хорошо организованный труд. Помни об этом!

Он вспомнил учительницу математики Маргариту Никаноровну, ее близорукое морщинистое лицо и впервые представил себе тот момент, когда и он станет таким же старым. «И у меня будет опыт, я буду знать из опыта», — подумал он словами девочки. И тут же с удовольствием сказал:

— Когда еще это будет? Нужно прожить целую жизнь!

Положил голову на руки и задремал... Уже по зеленому морю плыл белый рояль с раздутыми парусами, вдали вставало малиновое солнце, на синем берегу сидела маленькая девочка и держала пяльцы, и, словно по радио, суровый голос вещал: «Золотой луч солнечного гидроцентрата сечением ноль семьдесят пять метров, падая на поверхность Мирового океана, пробуждает к жизни сто семьдесят пять Прокофьевых...»

Может быть, Шульгину приснилось бы не только это, но кто-то дернул ручку двери.

— Закрыто, — услыхал Шульгин. — Нужно принести ключ, здесь оркестранты оставят инструменты.

Неизвестные потопали по коридору, и теперь уже сон не приходил. Перед глазами стояла маленькая девочка с красными бантами, и ее по-прежнему хотелось поднять на руки.

«Не все ли равно, где сидеть — тут или там? — подумал Шульгин. — Пойду наверх, взгляну, как она там справится с Прокофьевым».

Татарский танец

Походкой измученного человека он вышел из класса и направился в зал. Прислонился к батарее парового отопления недалеко от сцены и смотрел. Девочка с бантом осторожно прикасалась к клавишам рояля. Ее было почти не слышно, потому что в зале переговаривались между собой школьники. Ионин и Аристов, сидя в первом ряду, играли в футбол. Три девочки листали журнал «Советский экран». Даже учителя что-то говорили друг другу и молча смеялись.

«Что же это они себя так ведут? — подумал Шульгин. — Плакала, волновалась... А эти разговаривают и смеются. И зачем она играет, разве не слышит шума?»

Он покусал губы, покрутил головой, словно бы с чем-то не соглашаясь, повернулся к залу и громко сказал:

— Тише, вы!

Девочка вздрогнула и перестала играть. В зале стало тихо. Все смотрели на Шульгина. Он сам не ожидал от себя такой выходки, а потому прижался к батарее и опустил голову.

Девочка встала, повернулась к залу и молча смотрела на зрителей. Она не понимала, что произошло и почему ей запретили играть. Ее пухлые губы вытянулись трубочкой — вот-вот заплачет и убежит за кулисы.

Из-за кулис вышла десятиклассница Громова. Усадила девочку снова к роялю, и та начала сначала. В тишине сыграла до конца — теперь уже никто ни одним звуком и шорохом не нарушил ее игры. Она поклонилась и ушла со сцены.

В зале прошелестели вежливые аплодисменты. Но все, кто аплодировал, смотрели почему-то не на девочку, а на Шульгина.

—Татарский танец! — объявила Громова. — Исполняют ученица восьмого класса Лариса Витковская и наш гость, ученик соседней школы — Валерий Головко!

«Во, своих не нашлось, в долг взяли», — подумал Шульгин и стал ждать выхода объявленных артистов. Но тут к нему подошла учительница химии Анастасия Ильинична и внушительно сказала:

— Я понимаю, Сережа, твою любовь к искусству. Но совершенно не понимаю, почему ты столь грубо обошелся со зрителями. Ведь можно было сделать проще: повернуться к залу и поднести палец к губам. И тебя бы поняли... И Катюшу Булышеву ты напугал...

— Да ведь все шумели, и я хотел, как лучше, — сказал Шульгин и покраснел.

— Ты пойди сядь. Вот, во втором ряду и место есть.

— Спасибо, но из-за меня другие ничего не увидят.

Анастасия Ильинична улыбнулась и отошла.

Первым появился баянист. Он сел на стул и заиграл вступление. Из-за кулис выскочила Витковская. Она бежала на носочках, руки причудливо переводила из стороны в сторону и смотрела вниз, как в воду. А за ней, выпрыгнув прямо на середину сцены, появился гость — невысокий, темноволосый паренек. Он и правда походил на татарина.

Витковская смущена. Она боится поднять глаза, а кавалер, искусный, смелый и надменный — этакий чародей в шароварах,— смотрит ястребом. Танцуя, все наступал на нее, а она старалась убежать и все не могла.

Длилось это долго, и было видно, что Витковская не соглашалась на дружбу с этим Головко. Но тут он гордо остановился, подмигнул публике и, когда партнерша приблизилась к нему, выхватил из-за пояса огненный шарф и накинул ей на плечи.

Глаза Витковской вспыхнули радостью и восхищением. Она благодарно улыбнулась, взялась пальчиками за концы шарфа, и они стали танцевать вместе. Так, танцуя и радуясь, удалились за кулисы. Танец кончился.

Зал бушевал: «Бис!.. Браво!..» Зал требовал повторить.

Шульгин пошатнулся, будто в нем нарушилось какое-то равновесие. Он верил и не верил своим глазам. Даже головой покрутил — не сон ли это?! Но продолжительные аплодисменты подтверждали, что веселый татарский танец исполнили именно этот парень из соседней школы и она, Лариса Витковская.

— Лихо! — с удивлением произнес Шульгин. О Витковской, о том, что она прекрасная танцовщица, он только слышал. Но никогда не видел ее на сцене. И теперь этот ее танец смешал, перепутал все его представления о ней. Оставаться на месте он не мог. Его словно бы оторвали от теплой батареи и подтолкнули к сцене...

Шульгин протиснулся между рядами, наступая кому-то на ноги, цепляясь руками за чьи-то плечи и головы. Ему ставили подножки, щипали за бока, толкали в спину. Но он, как ледокол, шел вперед, не останавливаясь и не обращая ни на что внимания.

Вышел в коридор, повернул направо, и наконец он — у лесенки на сцену. Поднялся по ступенькам, толкнул дверь. При этом за дверью что-то зазвенело, покатилось и грохнуло. В зале засмеялись, хотя смех теперь был совсем некстати — ученик десятого класса Голубев читал стихотворение «Жди меня».

Шульгин увидел металлический обруч, с которым обычно на спортивных плакатах изображались гимнастки. Поднял и осторожно поставил к стене. Радостно спросил:

— Хула-хуп, да?

— Что тебе? — зашипела Громова.

— Мне танец понравился, — сказал Шульгин.

— Хорошо, дружок, всем понравился, мы слышали аплодисменты. А теперь уходи, ты им потом об этом скажешь.

— Зачем же потом? — удивился Шульгин.

— Тут сце-на — не понимаешь?.. Тут не переговорный пункт.

— Если б ты не мешала, я бы уже сказал и ушел.

Она загородила дорогу, но Шульгин аккуратно поднял ее под локти и переставил в сторону.

— Я потом забуду, у меня памяти нет... Тихо, тут сцена,— сказал он и пошел дальше.

Витковская и ее партнер стояли за кулисами в противоположном краю сцены. Попасть к ним можно было,лишь пройдя по диагонали всю сцену.

Не дожидаясь, когда закроют занавес, он пошел. По пути чуть не сбил с ног Голубева, который хотел уступить дорогу, но не рассчитал и попался ему прямо под ноги.

— Извини, — сказал Шульгин.

— Че там, — сбился с ритма Голубев и продолжал: — «. . .пусть друзья устанут ждать, сядут у огня, выпьют горькое вино. . .»

В зале хихикнули, но, видно, ничего не поняли — а потому с любопытством следили за Шульгиным, который быстро прошел за кулисы.

Увидев у стола Витковскую и Головко, остановился. Они из коробочки, стоявшей на желтом портфеле, ели монпансье и смотрели на девятиклассницу Ладынину, которая в это время репетировала акробатический этюд.

— Ты за номерком, да? — встревожилась Витковская.

— Нет же, просто понравилось, как ты. . .

— Тише! — поднесла она палец к губам. — Уходи!

Она вытолкала Шульгина обратно в дверь — благо закрыли занавес. А кто-то из зала крикнул:

— Пусть Шульгин выступает, чего таланты зажимают?

— Уже выступил, — пробурчал Шульгин, пробираясь обратно. Кое-как протиснулся к стене, и тут же к нему подошел школьный комсорг Паша Доноров.

— Ты что, Шульгин, усиленно готовишься к выпускным экзаменам?

— Зачем? . . И не начинал!

— А что ты озабоченный такой?

— Да-да, я всем мешаю, — ответил Шульгин.

— Так не мешай,— сказал Доноров. — Нужно будет тебя общественной работой охватить, а то, вижу, энергию девать некуда.

В это время четверо десятиклассников — члены сборной команды по баскетболу — исполняли «Танец маленьких лебедей». Их костлявые фигуры, чуть-чуть прикрытые лебедиными платьями, громадными скачками перемещались по сцене. На лицах — печаль, а нагуталиненные ботинки грохотали так, будто здесь разгружали вагон с дровами.

Зал притих.

Когда танец подходил к концу, из-за кулис появился Коля Жаворонков. На нем был такой же лебяжий наряд. Он танцевал еще более проникновенно, чем баскетболисты. Правда, больше походил на утку, чем на лебедя, но все равно красиво. Танцуя и почти не сгибаясь — он был очень маленький — проходил под ногами остальных лебедей. Иногда брал чью-нибудь ногу, поднимал до груди и делал с нею круг, чем напоминал железнодорожника, который отводит шлагбаум.

Зал рыдал.

Только Шульгин стоял удивительно спокойный. Ему не было смешно, потому что он не знал ни «Лебединого озера», ни вообще классического балета, который сейчас пародировали баскетболисты.

Вышла Громова и объявила, что «Танец маленьких лебедей» поставила Лариса Витковская.

Все снова зааплодировали, а на сцену выбежала Витковская и поклонилась так, будто никакая она не школьница, а заслуженный деятель искусств.

Увидев ее, Шульгин закричал:

— Молодец, Витковская! Молодец! . .

Эх, Шульгин! Наивный ты человек. Разве можно так восторженно хвалить девочку? Найдутся люди, которые захотят поставить тебя в неловкое положение и перед Витковской, и перед остальными. А из этого положения будет очень трудно выйти даже более смекалистому и ловкому человеку, чем ты. . . Хоть ты, кажется, и начал просыпаться. . .

Как мужчина с мужчиной

Наполеоны времени даром не теряли. Они пристально следили за Шульгиным и наконец решили, что настал их час. Выразительно посмотрев друг на друга, они соединили головы, о чем-то поговорили, посовещались, похихикали, и после этого Достанко подался к переднему ряду и обратился к учителю физкультуры:

— Владимир Игоревич, говорят, Шульгин пришел на вечер нетрезвый и теперь странно себя ведет. Смотрите, что он делает, чуть концерт не сорвал. . . Если скажете, то мы с Поярковым и Зимичевым спустим его в гардероб и отправим домой...

— Не может быть, — убедительно сказал Владимир Игоревич. — Я знаю родителей этого парня, они не допустят.

— А вы его когда-нибудь видели таким? — спросил Достанко, глядя учителю прямо в глаза. — Даже обещал разогнать вечер, сам слышал, — врал он, но получалось у него это столь серьезно, что Владимир Игоревич озадаченно кивнул:

— Хорошо, я разберусь.

Достанко отправился на место, а учитель расправил могучие плечи и пошел к Шульгину.

— Здравствуй, Сережа, — сказал он.

— Здрасте, Владимир Игоревич, — отвечал Шульгин, отыскивая глазами Витковскую.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я?! — удивился Шульгин, разглядывая аккуратную колодочку «Мастер спорта СССР» на правом лацкане пиджака. Владимир Игоревич был действующим самбистом и потому очень уважаемым в школе человеком.

Шульгин посмотрел учителю в глаза и улыбнулся.

— Вот и порядок, — сказал Владимир Игоревич. — А то говорили, что ты пьян.

— Я?! — еще более удивился Шульгин.

— Давай веселись, труженик, только не так рьяно.

Он внимательно оглядел ученика с ног до головы и предложил:

— Послушай, Сергей, а почему бы тебе не заняться самбо? Ты высок, тягуч, у тебя получится. К таким, как ты, всякая

шантрапа пристает. Чем крупнее парень, тем приятнее для мелюзги на нем отметиться, унизить его... Пятьсот тренировок, и ты мастер спорта, — стукнул он себя указательным пальцем по колодочке.

— Что вы, меня там узлом завяжут.

— Напрасно. Иногда это ох как может пригодиться — по себе знаю... В общем, неволить не буду, а надумаешь — скажи.

Владимир Игоревич дружески прикоснулся к локтю Шульгина и пошел обратно. Ничего не поняв, Шульгин посмотрел ему вслед и снова повернулся к сцене.

А трое наполеонов, наблюдая этот эпизод, получили такое удовольствие, что даже если бы весь остальной вечер прошел в тоске, они уже только по этому событию могли сказать, что вечер удался на славу.

Перед началом танцев нужно было убрать стулья, расставить их по сторонам, и почти все ребята принялись за дело.

Шульгин наблюдал, а сам не решался помочь. Но вот взял два стула и поставил их к стене. Вернулся, не понимая, для чего он это делает, и снова взял два стула. Неся их в угол, почувствовал радость движения. Даже вытянул руки со стульями, чтобы они казались тяжелее.

Середина быстро опустела, место для танцев готово.

Грянул оркестр. Ребята пригласили девочек, и все они закружились, завертелись, запрыгали.

Шульгин сидел в углу и, раскрыв глаза от удивления, следил за танцующими. Все они были такими счастливыми, так в это мгновение дружны между собой, что он не выдержал и бросился искать Витковскую. Делал он это столь неуклюже, что вскоре снова обратил на себя внимание почти всех присутствующих. Многие хихикали и показывали пальцем: дескать, Шульгин проснулся.

Наполеоны заметили, что с Шульгиным творится неладное, и подошли к нему сразу с трех сторон.

— Витковскую не видели? — спросил Шульгин.

— Да кому она нужна? — ответил Достанко.

— Мне, — сказал Шульгин. — Поговорить надо.

— О чем? — спросила вдруг появившаяся Витковская. Но Шульгин не растерялся, радостно взял ее за руку.

— Понимаешь, — сказал он, — сегодня ты совершенно какая-то необыкновенная... Я не видел, если можно сказать, раньше никогда... Не понимаю, что происходит...

Он говорил эти невразумительные слова и держал ее за руку. А она смотрела насмешливыми глазами в его пунцовое

лицо. Она и сама не ожидала от Шульгина такой прыти, а потому с любопытством ждала, когда он наконец выскажется.

Тут же появился ее партнер по татарскому танцу. В белой, отделанной серебристыми нитями рубахе, в красном пиджаке из буклированной ткани и ярких полосатых брюках, он больше походил на звезду киноэкрана, чем на школьника. Мельком взглянув на Шульгина, протянул Витковской шоколадку и, почти не шевеля губами, произнес:

— Это тебе, Ларик.

— Спасибо, — улыбнулась она. А Шульгину сказала: — Ты портишь мне вечер. Я думала, тебе понравится тут. А ты бродишь и всем только мешаешь... Вот твой номерок от пальто, делай что хочешь. Я, наверное, перестаралась...

— Да что ты, Витковская, — сказал Шульгин. — Это же я так, если посмотреть. Вечер и правда хорош, и я не прав...

— Танцуем? — пригласил партнер. И она, подхваченная ловким гостем, пошла по кругу.

Шульгин обессилел от этого разговора. Он присел на стул и следил, как Витковская и Головко кружились по залу. Как широко и свободно двигались они, никого не задевая, никому не мешая танцевать. Было впечатление, что им тоже никто не мешал. Будто эти двое подчинили своей власти танцующих, и все танцующие старались сделать так, чтобы не помешать этой великолепной паре.

Шульгин понял, что при всем желании ему так не станцевать, — он не был танцором. Как не был самбистом, музыкантом или гонщиком; не умел петь, играть в шахматы, читать стихи...

«Ах, черт, ну что-то же я умею? Ведь прожил на свете пятнадцать лет, в институте и то лишь пять лет учатся...»

Он увидел, что Поярков переступил с ноги на ногу и вытянул шею, чтобы казаться еще выше.

«...И врать не умею», — подумал о себе Шульгин, как о совершенно безнадежном.

Вдруг ему захотелось чем-нибудь удивить народ. В том числе и Витковскую. Для этого нужно было стать всеобщим любимцем и тогда выбрать только одного человека — ее, Ларису. Но как стать всеобщим любимцем, не имея для этого никаких данных, он не знал.

— Сидишь? — спросил Достанко. — Сиди, сиди!.. У него на глазах уводят лучшую в мире одноклассницу, а он сидит.

— Что же делать? — робко спросил Шульгин.

Достанко и сам не знал, что тут можно было делать, но понимал одно: необходимо любым путем поссорить Витковскую

и Шульгина. Без этого не могло быть победы в споре. Без этого он, Достанко, все более отходил на второй план, тогда как на первый все увереннее выступала Витковская.

— Поговорить. Как мужчина с мужчиной. Подумаешь, танцоришка. Видали мы таких по телеку. Но именно такие и уводят наших одноклассниц. Он Витковскую в свою школу переманит, — говорил Достанко и посматривал на друзей.

— Может, и переманит, — сказал Поярков. Он в эту минуту не думал о споре. Газетные колодки все больше врезались в пятки, стопы разламывались от боли, но именно эта боль подтверждала его мысль, что он высокий. Будто манекен, Поярков поворачивался то к Шульгину, то к Достанко и с чувством собственного достоинства кивал головой то одному, то другому.

— Конечно переманит! — подтвердил Достанко. — Ты этого хочешь?

— Никогда, — покрутил головой Шульгин.

— Значит, пойди и скажи этому скомороху, чтобы катился отсюда. — Зимичев хмыкнул. Он еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Его забавляла возня вокруг Шульгина. Он не был самолюбив, а потому никогда не спорил. И вообще, он через головы своих друзей уже давно поглядывал на старосту класса Тому Железную. Он хотел с ней танцевать. — Чтобы катился отсюда, пока ты ему танцевальные пружинки не выдернул.

— Как это? — испуганно спросил Шульгин.

— Больше мужества, брови нахмурь, понял? Смотри сюда... И глаза прищурь, как у японского камикадзе. — Он показал, каким должно быть выражение. Получилось у него действительно страшно.

— У меня так не выйдет, — признался Шульгин и сразу поскучнел. — Мне нужно перед зеркалом долго тренироваться. Он же гость...

— Ну и олух! Что, ему в своей школе мало, да? Ты же вот не пошел в его школу? А он? Пришел, да еще над тобой насмехается. Вишь, говорит ей что-то, а сам так и заливается,— нервничал Достанко. Он чувствовал — Витковская чего-то добилась. По крайней мере, Шульгин уже повернут к ней лицом, тогда как их, наполеонов, он все еще не видит, и потому они в своем споре остаются на ноле.

— Еще бы, артист! — сказал Поярков.

— Я ему ничего дурного не сделал, — твердил Шульгин.

— Правильно. А он тебе сделает, — сказал Достанко.

Тут они расхохотались.

Бедный Шульгин... Сейчас ему было так плохо, что и слезы готовы брызнуть и кулаки сжимались, как для боя...

Он вдруг встал, подошел к танцующей Витковской.

— Иди домой, — сказал он гостю и показал лицом на дверь. — Нечего ходить по чужим школам и забирать одноклассниц... Ты меня еще не знаешь, я страшный! — попробовал он сделать рожу, которая никого не пугала, но была смешна своей беспомощностью. — И вообще, танцевальные пружины из матраса выдерну!

Гость рассмеялся, поглядывая то на Шульгина, то на Витковскую. Было видно, что никуда он не собирается уходить. А невежливая форма, в которую облек свою речь этот долговязый, ничуть не задела его самолюбия.

— Шутник ты, — сказал он. — У тебя талант — не зря так рвался на сцену. Иди в эстрадное училище, там недобор...

— Не обращай внимания, — сказала Витковская партнеру. — А тебя, Сереженька, я поздравляю — браво, браво! Ты в полминуты доказал, что ты — глуп. Это мировой рекорд!

Они быстро отошли от него и начали танцевать.

В продолжение этой сцены все, кто наблюдал ее со стороны, молча улыбались. Никто не понимал, что происходит.

А Шульгин?.. Ему было обидно и грустно. Желание кого-либо удивлять пропало. Хотелось домой, к телевизору. Хотелось на диван — лежать под теплым одеялом, держать какую-нибудь книгу, читать и, остановившись где-нибудь на строчке, думать, думать...

Он походил по яркому, празднично украшенному залу. Он освобождал дорогу танцующим, которые бесцеремонно толкали его, наступали на ноги и уносились под грохочущие звуки оркестра. Все они здесь были вместе, заняты друг другом, и только он один, будто инопланетянин, неприкаянно бродил среди праздника.

Отошли от него и наполеоны. Теперь они танцевали в середине зала. Достанко — с крохотной девятиклассницей, имени которой Шульгин не знал, Зимичев — с Тамарой Железной, а Поярков — с гимнасткой Надей Ладыниной. Что-то рассказывает, а Ладынина смотрит на него умными веселыми глазами и часто кивает. Она чуть-чуть выше Пояркова, и Шульгин подумал, что это он из-за нее подкладывал газеты...

Остановился у сцены. В последний раз увидел счастливое лицо Витковской, отмахнулся от подлетевшего к нему Достанко, а затем медленно спустился в гардероб, оделся и вышел на улицу.

Сорванное ветром, на земле валялось розовато-синее панно. Под закрутившимися и подмокшими краями можно было прочитать: «Поздравляем дороги... чтобы счастье и радость...»

Широкими хлопьями падал снег. Он плавно и торжественно планировал у фонарей, а в свете машин казался бенгальским огнем.

«Красиво это»,—подумал Шульгин, ловя на вытянутую ладонь белые звезды. Они гасли, едва прикоснувшись к коже, но на их место летели все новые, пока ладонь не стала мокрой и холодной.

Он приложил руку к губам, стараясь уловить запах снега. Но у снега не было запаха, равно как не было у него и цвета, когда он таял на вытянутой ладони. Это удивило его и обрадовало. На мгновение показалось, что с ним тоже ничего не было: никуда он не ходил, ни с кем не разговаривал и никому не угрожал. Стало легко и спокойно. И даже веселее.

Он разогнался, долго скользил по тротуару, покрытому льдом. Не удержался на повороте и врезался в садовую ограду. За воротник насыпалось снега, и Шульгин спиной чувствовал, как он быстро тает и стекает между лопатками.

Он долго бродил по знакомым улицам и переулкам — вспоминал все, что произошло на вечере. Он и сам не заметил, как настроение опять изменилось. Теперь ему казалось, что сегодня случилось что-то ужасное, постыдное. И отныне все будут знать, что он ничтожный и глупый человек...

Он чувствовал себя виноватым, пытался разобраться, где провинился, и не мог.

А перед глазами по-прежнему стояла Витковская. И была она разная: то у него дома, когда ждала, пока он соберется, то на сцене, то в зале, когда она разговаривала с ним таким недовольным голосом.

«Зачем ты?» — вслух спросил он то ли у себя, то ли у Витковской. И вдруг рассмеялся, не понимая, откуда эта возникшая снова радость...

Шульгин позвонил. Родители еще не вернулись, и ему открыл Анатолий Дмитриевич. Был он бледный, ссутулившийся. Нервно поправил воротник рубахи и спросил:

— Без ключа ушел?

— Что?.. Ага, без ключа.

— Что-нибудь случилось?

— Нет.

— Да ведь я вижу.

Шульгин прислонился к двери и сказал:

— Все вокруг дурацкое и непонятное.

— Не может быть. Раньше ты этого не думал.

— Раньше я не был виноватым.

Анатолий Дмитриевич пригладил негустые рыжеватые волосы, достал из портсигара папиросу, закурил. Поморщился, кашлянул, обнажая крупные неровные зубы, и произнес:

— Так... Что-то новенькое в поведении моего соседа. И перед кем же ты провинился?

— Не знаю. Вроде и ни перед кем, а вроде и перед всеми... Как будто что-то сломалось и я захромал. Теперь и больно, и смешно.

Анатолий Дмитриевич улыбнулся, не отводя взгляда от Шульгина. Было видно, что он сочувствует и готов прийти на помощь.

— Ну, браток, уж действительно с тобой что-то случилось. Надо потолковать, авось помогу разобраться... Ты вот что, пока аптека работает, дойди до нее и купи мне лекарство.

Придешь, поговорим. Голова — хоть волком вой — разламывается. — Шульгин взял деньги, рецепт и пошел к выходу. — А к твоему приходу я чайку поставлю, попьем себе в удовольствие.

Шульгин спустился по лестнице и открыл дверь. Прошел несколько шагов к трамвайной остановке и увидел маму. За ней шел отец и что-то рассказывал повеселевшим голосом. Они оба остановились, и мама спросила:

— Ты куда?

— В аптеку. Анатолий Дмитриевич попросил.

— И я с ним, — заявил отец. — В такое время лучше всего ходить по городу вдвоем. А ты иди домой, чай ставь.

— Глупости, — сказала мама. — Он и один дорогу найдет. А из тебя сегодня помощник никудышный.

Шульгин пошел дальше.

Он знал, что папа сейчас станет говорить, какой он крепкий и ловкий — на перекладине в училище подтягивается больше, чем любой из его учащихся. А мама скажет ему, что все это оттого, что он ведет правильный образ жизни. И обязательно приведет в пример соседа Анатолия Дмитриевича: и то у него не так, и это, и готовит он не так хорошо, как женщина, а в конце концов все эти «не так хорошо» и скажутся когда-нибудь на здоровье.

Шульгин никогда не вникал в сложную жизнь родителей и соседа, ему было не до этого. С Анатолием Дмитриевичем он находился почти что в дружеских отношениях. Тот ему часто что-нибудь дарил. То лыжи, то клюшки, то мячи.

Отец был против подношений соседа. «Ничего нам от него не надо», — говорил он. А однажды Шульгин слышал, как он засмеялся и сказал маме: «Я думаю, что соседик наш — темная лошадка. Может, в прошлом какой-нибудь уголовник... Мне мой педагогический опыт подсказывает, что там у него не все в порядке...»

«Ну, уж это слишком, — ответила мама. — Просто такой человек, индивидуалист. Такие в коллективе жить не могут. Даже семью не умеют создать... Но спокойный и добрый, и положительного в нем больше. Я вообще думаю, что он много страдал. Скорей бы уж ему квартиру дали, у меня по дочке сердце болит».

Анатолий Дмитриевич уже несколько лет был в очереди на кооперативную квартиру. И родители Шульгина ждали, когда сосед въедет в новый дом. Они надеялись, что комнату соседа исполком отдаст им, и тогда дочка вместе с мужем перейдут жить домой. Но очередь двигалась медленно, поэтому все чаще

можно было услышать, как мама говорит: «Вот когда Анатолий Дмитриевич получит квартиру...» Сосед же, вероятно, чувствовал себя виноватым, что до сих пор торчит здесь, вместо того чтобы уже давно освободить комнату.

«А при чем тут он? — впервые подумал Шульгин. — У него одна комната, у нас — две. Нам хватает. А сестра с мужем и в пяти комнатах вряд ли согласится жить с нами — им простор нужен, чтобы никто на психику не давил... Вот Зимичевы четверо в одной комнате, и ничего, живут».

Он забрал в аптеке лекарство и вернулся домой. Сосед ждал его на кухне. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, как он болен.

Анатолий Дмитриевич поднялся с табуретки, поблагодарил Шульгина и произнес:

— Извини, Сережа, завтра поговорим... Папаша твой нынче вздорный, торжествует. Все бороться предлагал, а куда мне бороться в таком виде? Я ему не соперник. Ну, пока, браток...

Он пошел в свою комнату, шаркая затоптанными пятками кожаных туфлей.

Шульгин выпил чаю, разделся и лег на диван. Долго слушал голоса родителей за стенкой. Вернее, говорил отец. А мать изредка произносила: «Хорошо, спи. Завтра на работу».

С детства он привык к этим голосам, а потому даже не вникал, о чем они там говорили. Но всякий раз, слушая их, понимал, что именно эти два человека, два голоса, ограждают его безмятежную жизнь от всяких бед и неурядиц. И спокойно засыпал на своем просторном, как аэродром, диване.

Перед глазами вдруг поплыли вагоны, все быстрее, быстрее. И какие-то они яркие, разноцветные, будто сказочные. В одном из окон он увидел Витковскую — она махала рукой, звала с собой. А рядом с ней — все тот же танцор. Улыбается, и в этой улыбке, кроме высокомерия, ничего нет. И так противно ему смотреть в эту улыбку, такой жестокой она кажется, что Шульгин изо всех сил прижимает ладони к глазам, чтобы не видеть...

Тут Шульгин перевернулся на спину и открыл глаза.

«Уж не заболел ли я?.. Только о Витковской и думаю!.. Вот сейчас возьму и перебью эти мысли другими», — силился он, и наконец ему это удалось. В отходящем от вокзала поезде он увидел себя. Лето, солнце... Он, Шульгин, едет на каникулы к своему дядьке под Новгород... И входит во двор сам Химов!

— Ну, явился? — интересуется.

Шульгин вспомнил, как он вышел на его голос из дома. В одной руке — молоток, в другой — длинные гвозди. Поздоровались, на радостях толкнули плечом друг друга — при этом Шульгин отлетел к забору.

— Явился, — сказал Шульгин. — Вот веранду делаем, дядя Женя велел доски прибить.

— Ну-ну, а под вечер на рыбалку сбирайся. Ты и брательник твой Колька... Небось в Ленинграде своем каждый день с удой сидишь?

— Нет, Химов, не сижу. Я ленивый.

— Все вы ленивые, потому что сытые... Птахе или рыбе некогда лениться, ей надо пропитание искать. И мужик, да еще если толковый, да если еще работать умеет, может себе позволить такую роскошь — лень. У него это как подзарядка аккумуляторов, чтобы дальше дело пошло.

— Ну да, — сказал Шульгин.

— Что «нуда»? Знаешь, что накормят, вот и ленишься... С брательником Колькой подходи часов около пяти. Захватим Брыкина и махнем за Мсту.

— А удочки?

— Придется бросить. Удочками только у вас в Ленинграде ловят.

Химов хлопнул Шульгина по плечу и пошел со двора, маленький, плечистый и сильный, как бульдозер. Протиснулся в калитку и пропал...

«... Ее бы туда!.. По сторонам широкой улицы — дома деревянные и каменные. А над ними, над всей окрестностью — гора высокая с белой церковью-памятником, с табличкой на кирпичной стене: «Охраняется государством». Вбежать бы вместе на гору, и чтобы дух захватило от неоглядности природы, от бездонности неба, от речек и речушек, вольно разбежавшихся в разные стороны. Показать бы ей эту красоту, а там пускай себе пляшет татарский танец», — прорвалась все-таки мысль о Витковской. Но он тут же поставил ей заслон своей памятью...

... С огородов прибежали дети Химова. Спрашивают:

— Наш Химов был?

— Был, — ответил Шульгин.

— Трезвый? — интересуется девочка (в третий класс перешла, на одни пятерки учится).

— Трезвый. И на рыбалку собирался. Нас с Колькой зовет. Я даже не поверил, думал, шутит.

— Ой, и мы хотим! — запищал ее младший брат. — Сережка, будь другом, поговори, чтоб и нас взял.

— Поговорю... Но вряд ли. И так уже четверо.

— А кто четвертый? — спросила сестра.

— Брыкин какой-то.

— Ой, нашел кого брать. Этот увалень лодку потопит... Ты замолви словечко, ладно?

Химов и слушать не стал, чтобы взять дочку и сына. Принес в широкую деревянную лодку бредень, запустил мотор, велел Кольке и Шульгину садиться и повернулся к дому. Оттуда по узкой, размякшей от воды тропинке шел мужчина-великан. Шел тяжело, припадая на одну ногу.

— Давай, давай, а то никакой скидки не получишь, без тебя рванем, — пригрозил Химов.

— Это Брыкин, — сказал Колька брату. — На войне ногу оставил, теперь по болоту трудно ходит.

Добравшись до лодки, Брыкин легко перекинул тело через борт и прогудел:

— Трогай, Химов.

И покатили мимо бань, мимо белой церкви по узкой речке Глушице. За поворотом вплыли в широкую Мсту, протарахтели под мостом и быстро поползли вверх, к Ильмень-озеру.

В носу лодки Колька — двоюродный брат Шульгина. Сидит и щурится на него сквозь толстые стекла очков — близорукий. И словно бы спрашивает: «Не боишься? Нравится?» А сам аж тает от удовольствия, что не только Химов и Брыкин рядом, но что и Сергей тут же.

Брыкин грозным басом «Дубинушку» затянул, смотрит в воду, глазами от брызг и ветра мигает. И весь он будто памятник, будто из скалы вырублен.

Химов — на руле. Курит и слушает мотор. Сворачивает с Мсты в речку поуже. Потом с нее еще в одну. Потом еще и еще. Пока лодка на малых оборотах не входит в совсем узкую, метров десять шириной.

Глушит мотор и говорит:

— Большая история начинается — Химов на рыбалку прикатил! Ты, Сержик, в воду не ходи, организм твой городской, к природе незакаленный — чихать опосля будешь. Сбирай рыбу, какую мы тебе поймаем и на берег выкинем. А мы раза два туда и обратно сходим и хватит. Щуки тут кишмя кишат. Тут у них своя военно-разбойницкая база.

Шульгин и Брыкин остались на берегу, а Химов с Колькой разулись, разделись и вошли с бреднем в воду. Через три минуты они уже швыряли на берег щурят и подлещиков. Рыбы сразу оказалось много, почти полкорзины.

— Еще разок — и хватит! — засмеялся Брыкин, разглядывая трепещущую рыбу. — Ты уху настоящую пробовал?

— Что значит — настоящую?

— Значит — химовскую... Сейчас он сделает. На всю жизнь запомнишь! Принеси котелок из лодки. И воды зачерпни. А я тем временем костер распалю.

Химов с Колькой вышли к ним на берег, и корзина оказалась полной. Одна рыбина выскочила через верх. Они ее не стали ловить, только последили, чтобы доскакала до воды.

— Живи, красотка, ожидай нас до следующего раза, — гудел Брыкин и швырял мелочь обратно в реку. — Только без дела там не балуй, рожай себе подобных, чтоб не перевелся ваш род рыбий...

Негнущейся ногой он широко подминал траву, но она тут же выпрямлялась, и видимый след оставался только от другой, живой ноги...

Потом была уха! Они сидели в высокой траве, будто во ржи, в котелке закипала уха... И что за вкус у нее, а запах!

Брыкин лежал лицом к небу и пел. А Химов открыл бутылку и весело спросил:

— О чем думаешь, Брыкин?

— Я небо люблю, — не скоро перестав петь, сказал Брыкин.

— Да и что же с того, что любишь? Ты жену люби. Небо вечное, а она — нет... Давай, Сержик, миску, ушицы плесну... И ты свою, Колька... А этой по граммулечке?.. Ну и молодцы, и правильно! Ты, Брыкин, небось хоть и любишь небо, а от граммулечки не откажешься?

Брыкин захохотал и привстал на локоть. Его крупные лукавые глаза смотрели на Химова — следили, как осторожно и бережно разливал тот водку по кружкам.

Они выпили, отчего-то разом засмеялись и молча принялись за еду.

Над всем речным краем опускались голубые сумерки...

Брыкин наелся, закурил и снова лег. Руку под затылок подложил. В густеющее небо смотрит и словно бы в удивлении спрашивает:

— Вот думаю: есть же в том какой-то смысл, что звезды сияют, а? Или нету? Должон быть, а?..

— Должон, Брыкин. Это для того они, чтоб глаз после ухи радовать...

«Витковскую бы туда... И чтобы Химов, и Брыкин, и мы с Колькой... Пусть побыла бы там с нами, посмотрела...» — думал Шульгин, засыпая...

Чувство вины

Утром по дороге в школу Шульгину все казалось, что он опаздывает. Он торопился, порой припускал бегом по раскисшему за ночь и разбитому машинами снегу. Но у самой школы взглянул на часы и понял: торопился он зря — до занятий более получаса.

Вчерашнее чувство вины сегодня усилилось. Было стыдно. Хотелось броситься назад, домой, забраться с головой под одеяло, чтобы в мгновение ока расправиться со всеми обидчиками и больше ни о чем не думать, не вспоминать.

Но сделать этого Шульгин не мог. Какая-то новая сила уже управляла им, заставляла торопиться, волноваться, а память, как назло, возвращала в прошедший день.

Вспоминая все от начала до конца, он ругал себя, что не сумел выпроводить Витковскую, когда она зашла за ним домой. «Можно же было улыбаться, молчать, как истукан... Или, вперив морду в пол, твердить, что болен!»

И тут он понял, что хоть и думает обо всем этом, но совершенно не хочет обвинять Витковскую. Скорее наоборот, как спортивный болельщик, оценивает ее успех и радуется ее победе — смогла же она вытащить его из дома!

Он решил извиниться. «Войду в класс и, если она там, попрошу прощения. Пусть поступает как хочет. А если все-таки простит, значит, она умный и хороший человек... И больше никогда не повторю такой глупости».

Шагая из гардероба вверх по лестнице, он размышлял: «Ведь это совсем не обязательно с ней танцевать татарский танец или есть монпансье. Просто она живет с тобой в одно и то же время, в одном и том же городе; мы учимся в одном классе, я каждый день могу видеть ее, разговаривать... если, конечно, этот Головко не перетащит ее в свою школу... Нет же, врут они все. Не может он этого, не может! Как это, наша школа — и без Витковской? Даже не представить. А главное — зачем? Кому от этого лучше?»

Шульгин вошел в класс и понял: Витковской еще не было. Трое стоят у окна, двое стирают с доски, Ионин и Аристов играют в футбол, а остальные что-то переписывают.

Тут же примчались наполеоны. Вихрем ворвались в класс, хохочущие, красные, в помятых пиджаках — по дороге, видно, боролись, — и впервые в жизни Шульгин позавидовал им, что они всегда вместе. Посмотрел на Достанко, тот весело подмигнул ему и сжал собственные ладони — поздоровался.

— Привет, Потерянный! — закричал он. — Что это, юноша, с вами? Вы еще никогда не являлись так рано! И вид бессонный, и головка, наверно, болит? Одним словом — Потерянный!

— Все мы в чем-то потерянные, — тяжело вздохнул Поярков, и Шульгину показалось, что даже теперь, в эту минуту, он думает о своем росте. Но Поярков стоял возле парты, не тянулся, как вчера, и снова был прежним знаменитым фотографом и признанным балагуром.

Достанко не обратил внимания на его слова. Он продолжал трещать:

— Да, после того как, вооружившись кольтом и вскочив на коня, он с ковбойским видом преследовал Витковскую, долго спать нельзя.

Несколько человек засмеялись. А маленькая чистенькая Людочка Силич деликатно спросила у Достанко:

— Коленька, скажи, пожалуйста, что потерял Сережа?

— То, сладкая, чего ты никогда не имела и не будешь иметь, — в тон ей ответил Достанко.

— Спасибо, Коленька, за исчерпывающий ответ, — сказала Силич. Она гордо подняла голову и, будто маленькая гусыня, отошла к своей парте.

Тут же снова засмеялись. Но смех был явно подозрительного свойства.

Шульгин поморщился и уселся на скамейку. Прикрыл глаза от удовольствия — ведь оказалось, что меньше всего он боялся разговоров.

— У вас тут шутят? — нахально спросил он, не открывая глаз, но достаточно ясно представляя себе, что все в эту минуту смотрят на него.

— Го-ол, дурак! — закричал Аристов. — Побе-да! Теперь я — король футбола — такого дурака победил!

Шульгин увидел, что оседлые в этот момент счастливы. И тот, кто кричал, и тот, кто, моргая большими синими глазами из-под густых бровей, смотрел на него, как на полоумного.

«И за что их все ругают? — подумал Шульгин. — Пусть играют. Может быть, если бы не футбол, они постепенно превратились бы в злодеев? .. Что это у меня внутри так ноет? Будто болит, а боли нет... Надо скорее извиниться, и, может, пройдет. Где же она? И чувствует ли теперь то же самое, что я? Да нет, зачем ей это чувствовать? Она считает себя победительницей, а значит, вряд ли ей в голову приходит какая-либо мысль обо мне. Быть может, только жалость...»

В классе появилась Витковская. Быстро прошла к своей парте и в упор посмотрела на Шульгина. По ее решительным

движениям было видно, что ничего хорошего от нее ждать не приходится.

— Да здравствует советский балет! — грохнул Достанко. — Какая грация, какая пластика! Не танец, а землетрясение для Потерянного.

Трое-четверо хихикнули, а Витковская погрозила ему пальцем и сказала:

— Ты всю жизнь будешь кривлякой, а я таких не люблю.

— Как хорошо, что кроме тебя есть тысячи других. Это во-первых. А во-вторых, кому ты это говоришь? Другу лучшего фотографа?! Вот погоди, он подловит моментик и щелкнет тебя такой, что жить не захочется. Да еще повесит на самом видном месте. Узнаешь тогда, что значит грубить другу истинного художника!

— Я никогда не сделаю этого, — улыбнулся Поярков.

— Неважно. Важно, что теперь она будет знать! — сказал Достанко.

Витковская даже не взглянула на него. Подошла к Шульгину, села рядом и спросила:

— Что это вчера с тобой приключилось?

— Не знаю, дурак я... Прости.

Витковская не ожидала таких слов и даже растерялась. Долго смотрела на Шульгина, силясь угадать: шутит он или серьезно? Потом сказала:

— Послушай, Сережа, по-моему, ты уже можешь приступать к нормальному существованию. Как все... Вот мы вчера с Валеркой надумали пригласить тебя в ансамбль. Давай вместе ходить? Там все так здорово, просто удивительно! И тебе обязательно понравится.

— Нашла танцора, — поморщился Достанко. — Он ходить нормально не может — все норовит на четвереньках, стоять нормально не может — все норовит лечь, а ты...

— Вот именно, — согласился Шульгин.

— Погоди. Вот кто ты сейчас? Никто. А с твоей внешностью можно стать настоящим артистом. И в глазах поселится огонь, а не капуста.

Шульгин посмотрел на нее, словно бы желая удостовериться, что она не смеется. Но Витковская не смеялась. Правда, была увлечена, но это лишь подчеркивало искренность ее слов.

— Меня в самбо звали...

— Да зачем тебе самбо? Ты для самбо не подходишь — вон какой длинный и тонкий. У меня двоюродный брат самбист, так он знаешь какой здоровый! И круглый, как арбуз. А такие, как ты, самбистами не бывают. Он говорит, что самбисту

нужно иметь мгновенную реакцию, как у фехтовальщика или боксера, и крепкую кость. Посмотри на нашего Владимира Игоревича — разве он такой, как ты? У него для этого талант врожденный!

— У меня тоже будет...

— Откуда? С этим, мой милый, родиться надо. У него совершенно иная конституция тела, понял?

— Смотри, былинка, а слона ломает! — сказал Поярков и посмотрел на Достанко. А тот молча наблюдал эту сцену, кусая губу, и мысленно перебирал, что потребует Витковская, если выиграет спор. Но ему казалось диким ее предложение. Он и представить себе не мог, чтобы всем известный Шульгин — увалень и соня — отправился на сцену плясать гопак... И тут произошло то, чего он никак не ожидал.

— А что, я, может, и не против. Только возьмут ли?—тихо спросил Шульгин и даже посмотрел Витковской в глаза, даже подвинулся к ней.

— Полная гарантия, — озарилась Витковская. — Наш педагог — Евгения Викентьевна — недавно говорила, что нам нужны парни. Я и сама это знаю. Потому что вы менее постоянны. В начале года парней приходит много, почти столько же, сколько девочек, а к концу не остается и половины — то спортом займутся, то в технические кружки пойдут... И все какие-то малыши кривоногие у нас. А нам нужны высокие.

— Не высокие, наверно, а способные? — обиделся за свой рост Поярков и попытался урезонить Витковскую.

— Способности мы быстро развиваем. Только полюбить надо хореографию, понял? А разве есть в мире искусство более прекрасное, чем танец?!

Глаза Витковской блестели. Розовые подвижные губы то улыбались, то вдруг становились серьезными, и все ее лицо участвовало в разговоре; оно требовало внимания, оно заставляло подчиниться, причем сделать это немедленно.

Шульгин потрогал себя за ухо и спросил:

— Заниматься вместе будем?

— Конечно. Только поначалу тебе трудностей не избежать.

— Когда нужно идти?

— Сегодня и нужно.

— Что брать?

— На первый раз ничего. Посидишь, посмотришь — у нас все новенькие так. А потом, если понравится, я тебе скажу, что нужно. Ты даже сам увидишь... Какой ты умница, Шульгин, что согласился, — сказала она. — Только уж не подводи меня, пожалуйста.

— С чего ты взяла? — удивился Шульгин.

Достанко покачнулся и глубоко вздохнул. Он не верил собственным ушам. Все, что он услышал, показалось ложью, специально придуманной для него. Даже подумал, что Витковская и Шульгин сговорились. Но все же нашел в себе силы махнуть рукой и произнести:

— Ладно, твоя взяла...

— Да погоди ты, Коля. Меня прошлые разговоры меньше всего интересуют, — отвечала счастливая Витковская. — Мне важно другое, как ты этого не понимаешь?

Поярков подсел ближе к Зимичеву и тихо проговорил:

— А ведь наш Николаша в нокдауне. Нужно как-то помогать ему, а я совершенно не знаю, что делать.

— Узнаем, если надо, — безразлично ответил Зимичев и, достав из портфеля книгу, с грохотом опустил ее на парту. — А вообще, Юра, тебе расслабиться надо, уж больно ты нервный в последнее время.

— С чего ты взял?

— По тебе вижу. Раньше ты ходил с фотоаппаратом, а теперь суетишься не по делу... Шульгин — нормальный парень и сам разберется, кто ему нужен.

— Но Достанко наш друг?

— Друг другом, а что он может предложить? Собачью выставку? Кактусы?..

— А ты? — не выдержал Поярков. — Что ты можешь предложить?..

Прозвенел звонок. В класс вошла Маргарита Никаноровна. Была она пожилая и близорукая. Даже от своего стола и сквозь очки не могла прочитать ни строчки на доске. Она преподавала математику, и некоторые из ребят, те, кто «не тянул», часто обманывали ее. Они могли, например, запросто подойти к учительнице, посмотреть в журнал и удивиться:

— А почему у меня нет оценки?

— Разве я тебя вызывала? — спрашивала учительница и виновато смотрела на ученика.

— Как же? На прошлом уроке... Еще сказали, что в последнее время моих знаний заметно прибавилось. Так радостно это было слышать, — меня не так уж часто хвалят.

— Да, да, припоминаю... Но, по-моему, я это говорила не тебе, а кому-то другому?

— Нет же, Маргарита Никаноровна, вы это говорили мне. Сказали «четыре». А я вот смотрю в графу, а «четырех» и нет. Куда же подевались мои «четыре»?

— Ну, может, забыла, голубчик. Сейчас я поставлю. Вот, в какую тут графу, в эту, что ли?

— Ага, спасибо! Люблю справедливость!

К этому уже успели привыкнуть, так что ни в ком из восьмиклассников не возникало ни чувства страха, ни чувства вины. То есть первое время, затаив дыхание, ждали, когда кто-нибудь из авантюристов попадется и будет высечен по всем законам справедливости. Никто не попадался. Авантюры стали будничным делом, и вскоре почти весь класс мирно созерцал, как совершается очередной обман.

Но манипуляции с отметками проделывали только самые отъявленные нахалы. Люди покультурнее поступали более деликатно. Когда их вызывали отвечать, они просто не выходили к доске. Маргарита Никаноровна работала недавно, замещала уехавшую учительницу. Она еще не знала всех ребят, и вместо вызванного шел кто-нибудь другой. Получал отличную оценку. Эта оценка тут же ставилась в графу того, кому и тройки много. И все, включая учительницу, были счастливы. Особенно она, радуясь прочным знаниям учеников.

Остальные мысленно произносили: «Не наше дело».

Шульгин, наблюдая такие сцены, молча удивлялся, — уж слишком легко можно было обмануть Маргариту Никаноровну. Она, как ребенок, доверяла всем и каждому. Но это не делало благороднее тех, кому она доверяла, не поднимало выше, а лишь вызывало жалость к ней самой.

Вот и сегодня обнаглевший Богданчик подступает к ней, напирая на стол животом, заикается и твердит:

— Да что же это д-делается? Еще п-позавчера имел пя-ать баллов, а сегодня — пустая к-летка? Ну, куда же д-девалась моя пятерка?

— Когда же ты мне отвечал?

— На той неделе, — врал Богданчик. — Полдоски исписал. Вы и п-поставили пятерку.

— А ты не обманываешь меня? — пыталась улыбнуться Маргарита Никаноровна, но уже брала ручку, чтобы поставить злополучную пятерку. При этом рука ее долго искала нужную клетку.

Никому из ребят и в голову не приходило встать на ее защиту, — настоящая коллективная спячка: одному плохо, а все молчат!..

Радостный, ухмыляющийся Богданчик шел по проходу. Он делал большие глаза, разевал рот, и этот его кураж впервые не понравился Шульгину.

Он повернулся к Богданчику и тихо спросил:

— Гол, да?

— Что?

— Я говорю, ты гол забил. Но в свои ворота...

— Тс-с, — нахмурился Богданчик, — а то и по твоим не промахнусь. Нашелся правдолюбец...

— Ребятки, в чем там дело? — вытянула шею Маргарита Никаноровна.

Шульгин уткнулся в тетрадь и вскоре забыл и Богданчика и учительницу. Весь остальной урок он замирал от блаженства и размышлял над предложением Витковской. Он представил себе занятия хореографического ансамбля: такой же зал, как в школе, только еще более светлый, а ребята — все в национальных костюмах, как Витковская и Головко вчера на сцене. И у каждого обязательно шарф... А кто это выглядывает из-за кулис? Да это же сборная баскетболистов готовится исполнять «Танец маленьких лебедей»...

Щеглы улетели

После школы Шульгин забежал домой и оставил портфель. Заскочил на кухню, схватил кусок хлеба и котлету, затолкал в рот и постучал в дверь соседа.

Анатолий Дмитриевич лежал в постели и принимал порошки. По комнате разбросаны вещи, газеты: пальто почему-то не на вешалке, а на полу, рядом с кроватью.

Клетка, в которой жили Орел и Решка, пустая, и на карнизах их тоже нет.

— Где они? — спросил Шульгин. Он разглядывал корм и блюдце с водой на дне клетки. За кормушкой, в самом углу висело крохотное серое перышко.

— Выпустил по комнате полетать,—сказал Анатолий Дмитриевич. — Я ж их и раньше выпускал, ты видел. Даже когда форточка открыта. Полетают по комнате, на форточке посидят, но чтоб улететь — никогда. А тут не к добру, видать.

— Зачем вы окно-то открыли? Вы же сами говорили, что погибнут.

Анатолий Дмитриевич долго смотрел на Шульгина влажными пожелтевшими глазами. Он словно бы только теперь задумался над тем, что произошло. Но, видно, понимал, что вернуть их невозможно, а потому сказал:

— А может, даст бог, выживут... Не все птицы после неволи погибают. Некоторые подстроятся и живут — кому как повезет. Может, и мои сумеют, умные были.

— А если не сумеют? Ведь до двадцать первого марта — больше недели.

— Не жалей, браток, одиноко им тут со мной. А там, может, к птичьему народу пристанут и жить останутся. Правда, вишь, холодно теперь, им нельзя в стужу... И хватит о них. Ты лучше скажи, что у тебя вчера стряслось?

— Вчера — это было вчера, — будничным голосом сказал Шульгин. — А сегодня — все иначе. Иду заниматься в хореографический ансамбль. — Он тут же пустился вприсядку, но, треснувшись коленом о ножку стола, поморщился и прекратил. — Обалдеть можно! А если не понравится — брошу, — говорил он и смотрел на свою правую ногу, которая все еще пыталась исполнить какое-то «па» и, будто деревянная, грохотала по паркету.

— Ой ли? Я и представить тебя танцором не могу.

— Да что там, — махнул рукой Шульгин и наконец справился с ногой. Отставил ее в сторону и продолжал: — И сам-то я себя не знаю, все узнать хочу... Достанко, например, говорит, что мне — только в цирке работать. Говорит, у меня такая голова, что на ней только дрова колоть. Но я не уверен... А Витковская говорит, что я — природный танцор... А что это вы болеть взялись? Вам же скоро опять в поход — лето близко, соловьи уже репертуар готовят.

— Пожилые и должны болеть — это норма. А ко мне такая гадость прицепилась, что, может, и не вылечишь. Но, если к лету выправлюсь, пойдем вместе?

— Можно и сходить.

Анатолий Дмитриевич поморгал, будто выдавливал слезу. На лице сгустились темные морщины. Он сказал, словно бы и не Шульгину, а самому себе:

— Эх, браток, знал бы ты, зачем я хожу...

— Так скажите, и буду знать.

Анатолий Дмитриевич молчал. Шульгин посмотрел на часы и заторопился:

— Мне пора. В аптеку заглянуть?

— Нет, спасибо. Давай там не осрамись.

Шульгин выскочил из дома. Быстро пошел по улице. Он думал об Анатолии Дмитриевиче, о его вечных недомолвках.

«Как будто экономит слова или чего-то боится. Разве может пожилой мужчина чего-то бояться?.. Мне — пятнадцать, и я ничего не боюсь. Я молодой и здоровый. Он старый и больной. Он свои годы прожил, а я только начинаю. И надо прожить так, чтобы ничего не бояться, ни о чем не жалеть... Но как он жил раньше, если теперь ему страшно? Почему он один — ни родственников, ни друзей? И вообще, что он за человек? Хороший?.. Плохой?..»

С Витковской он встретился у сквера.

— Если честно, то не верила, — улыбнулась она. — Думала, не придешь — ты ведь у нас необязательный.

— Щеглы улетели, — сказал Шульгин.

— Какие щеглы?

— У соседа были. Орел и Решка. А сегодня улетели и не вернулись.

— Может, еще вернутся? — спросила Витковская и взяла Шульгина под руку.

— Не надо это, — проговорил он. Забрал руку и спрятал в карман. — Ты лучше покажи, что там у вас делают.

— Здесь, что ли? Прямо на улице?

— Можно и здесь, — кивнул Шульгин, забирая у нее большую коричневую сумку, в которой лежали танцевальные принадлежности.

— Пожалуйста, — сказала она и, сложив руки на груди, вдруг прошлась по мокрому асфальту такой чечеткой, что улица замедлила свой бег, прохожие с веселым недоумением уставились на эту пару.

Шульгин остановил Витковскую.

— Едем, что ли?..

Признание

Шульгин вошел в громадный зеркальный зал: блестящий паркет, высокие окна, затянутые легкими шторами, и два ряда длинных коричневых жердей, протянувшихся по всей стене. За жердями — высокие, во весь рост, зеркала. В углу, у самого окна стоял рояль. Крышка поднята, и казалось, кто-то огромный взмахнул черным плащом. На плафоне потолка были нарисованы дети. Они играли у фонтана — брызгались водой и подбрасывали разноцветные мячи.

Из широкой двери за роялем выходили ребята и девушки, почти все — ровесники Шульгина. Они тут же начинали подпрыгивать, вертеться на одном месте, а некоторые, держась за жердь, приседали или, как цапли, подолгу стояли на одной ноге.

К роялю подошел высокий человек в черном костюме. Сел на круглый стул, и его длинные пальцы побежали по клавишам. Рояль заиграл, и в зале зажглись люстры.

Парни и девушки вбежали в круг. Почти не касаясь пола, они стали исполнять вальс, именно исполнять, потому что на школьном вечере этот танец не был таким красивым.

Шульгин вздохнул и тут же перестал дышать — так захватило его то, что он увидел. И не было никаких национальных костюмов, шарфиков; девушки — в черных трико и голубых кофточках, а ребята — в белых рубашках с короткими рукавами и тренировочных брюках.

Пальцы Шульгина в карманах пиджака шевелились в такт музыке, он будто сам сидел за роялем.

«И это у них всегда так! — подумал Шульгин. — Стоит только прийти сюда в назначенный час, и сразу начнется обычная для них и такая новая для меня жизнь... А я и не знал, даже не предполагал, что все это существует. И я могу вместе с ними, с пианистом, в этом зале...»

Лучше всех, конечно же, танцевала Витковская. Она делала это как-то не так, как другие — грациознее, с улыбкой. Широко и свободно передвигалась вместе с партнером, чуть-чуть покачиваясь и приседая. Партнер — все тот же Головко — бережно поддерживал ее одной рукой за талию, а другую поднял высоко, ладонью вверх, будто факел.

В зал вошла невысокая светловолосая женщина в зеленом платье с золотистой змейкой-пояском. Голова змейки свисала вниз, а хвост закручен вокруг пояса и торчал немного вверх.

Пианист перестал играть. Он поднялся, поздоровался за руку с женщиной, и все танцевавшие быстро встали в шеренгу.

Женщина медленно прошлась вдоль ребят, словно хотела убедиться, все ли на месте, а затем повернула голову и посмотрела на Шульгина.

— У нас новенький! — показала Витковская. (А Шульгин готов был провалиться сквозь землю — так неудобно вдруг стало, что он, такой огромный и нескладный, явился разучивать танцевальные коленца.)

Женщина кивнула и подошла к нему.

— Меня зовут Евгения Викентьевна. А тебя?

— Сергей.

— В школе успеваешь?

— Да.

— Танцевать любишь?

— Нет... Не приходилось.

— Хорошо, сегодня посмотри, а со следующего раза начнем работать. Будем очень рады, если тебе понравится.

Она вернулась к ребятам и подозвала толстого, ужасно кривоногого парня.

— Обносов, — сказала она, — после занятий останься, мне нужно с тобой поговорить.

— За что-о? — протянул Обносов, краснея и тараща глаза на Евгению Викентьевну.

— Потом объясню, сейчас занятия. Становись! — Она взглянула на него так, как, наверное, врач смотрит на тяжело больного пациента.

Обносов сгорбился, демонстративно пожал плечами и вернулся на свое место.

«Вечный страдалец со своей вечной темой «за что-о?»,— подумал о нем Шульгин, проникаясь сочувствием к вечному страдальцу.

И тут же начались занятия.

Все, что увидел Шульгин, было как во сне. Даже интереснее, потому что этот сон наяву удивлял его, беспокоил, заставлял радоваться, если у ребят выходил какой-то «батман-тенду»,

и тревожиться, если у кого-то из них долго не получалась какая-то «синкопированная веревочка».

После разминки у станка (оказывается, жерди на стене называются станком) ребята приступили к репетиции литовского танца «Сукциниса». Веселая мелодия начиналась и тут же умолкала: кто-то из ребят путался, сбивался, шел не туда или забывал следующее движение.

«Да что тут особенного? — думал Шульгин и загорался новым для себя желанием. — Нужно только знать, что за чем, и не сбиваться с такта. А эти притопы и прихлопы — дело нехитрое. . .»

У одной девушки не было партнера. Увидев это, он отделился от стены и как был — в ботинках, пиджаке, школьных брюках с вытянутыми коленями, — так и двинулся к ней

через весь зал. Подошел, встал рядом и попытался танцевать со всеми.

Ребята улыбнулись, но никто и виду не подал, что это их удивило. А девушка, которая вдруг обрела партнера, обрадовалась и стала помогать.

Евгения Викентьевна посмотрела на пианиста — он тряхнул головой и еще веселее ударил по клавишам.

Повторяли снова и снова. Шульгину казалось, что он танцует все лучше и лучше. Но если ребята танцевали с улыбкой, то его лицо было таким, словно он тащил на себе дубовый шкаф. Он никого не замечал, не подчинялся звукам музыки; вспотел, раскраснелся и в том месте, где нужно было идти на «ручеек», споткнулся о собственную ногу и наконец-таки растянулся на полу.

Тут уже было невозможно выдержать. Ребята захохотали. На их лицах было столько восторга, что даже Евгения Викентьевна отошла к пианисту, чтобы Шульгин не заметил ее улыбки.

Шульгин быстро поднялся и по привычке, будто упал на школьном дворе, стал отряхивать брюки. Делал он это с ожесточением, чтобы скрыть неловкость. Танцоры прямо за животы схватились — так было смешно.

Шульгин поправил рубаху, которая почему-то вылезла из-под ремня, и посмотрел на ребят. Когда они перестали смеяться, тихо и серьезно сказал:

— С ритма сбился...

Наморщил лоб, махнул рукой и направился обратно к стене. Тут же вернулся, дошел до середины зала и стал искать выход. Не нашел, а потому остановился у окна.

— Повторяем танец, — властно сказала Евгения Викентьевна и пошла за Шульгиным. Взяла за руку, повернула к залу. — Вставай, пожалуйста, к Наташе... Почему ты бросил партнершу? Это не по-товарищески.

Шульгин хотел отказаться, но лицо женщины было таким дружелюбным, а улыбка — такой приветливой и доброй, что он не осмелился. Поднял голову, будто молодой верблюд, и зашагал к своей одинокой маленькой Наташе.

Репетиция продолжалась.

— Больше артистизма, Сережа! А ну-ка улыбнись! Что это ты, как самодержавный правитель?.. Веселее, свободнее... Так, прекрасно — пошли на «ручеек». Не спотыкайся, выше руки! Дайте пройти Сереже... Молодцы, все славно! — восторженно руководила Евгения Викентьевна и тут же сама показывала, как нужно танцевать.

У Шульгина не получалось. Теперь он просто ходил рядом с Наташей, держась за ее руку...

Когда репетиция подошла к концу, ребята подбежали к пианисту. Стали упрашивать, чтобы он сыграл какой-нибудь танец. Пианист наклонил голову и громко объявил:

— Танцуем па-де-грас!

Шульгин вернулся к стулу у входа и повалился на него — так устал. Некоторое время разглядывал танцующих Витковскую и Головко. Он завидовал умению и проворству этой пары.

Танцевали не все. Высокий желтоволосый парень и такая же высокая девушка стояли у окна и веселили друг друга рассказами. Оба прыскали от смеха, а парень держал ее за руку.

Наташа стояла рядом с пианистом. Сложила руки на груди и выставила вперед ногу — следила за танцующими. Иногда поглядывала на Шульгина и улыбалась. Ей тоже хотелось танцевать, и, поняв это, Шульгин почувствовал, как дрогнуло в нем что-то, защемило, — ведь он не мог прийти ей на помощь.

Евгения Викентьевна ушла и вскоре вернулась. Она принесла маленький красный цветок на длинной ножке. Это была гвоздика, только что распустившаяся, похожая на крохотный бантик. Все перестали танцевать и образовали полукруг. Евгения Викентьевна посмотрела на Шульгина и торжественно произнесла:

— Сегодня, друзья, у нас появился новый танцор. Надеюсь, вы не будете возражать, если я этот цветок подарю Сереже в знак внимания к его артистическим способностям. Мы рады, что он к нам пришел. Пожелаем ему успеха в этом трудном, но прекрасном деле.

Она пошла к Шульгину. И держала этот маленький цветок, будто огромный букет. В ее походке было столько изящества и строгости, что наш герой, превозмогая усталость, быстро встал. Не зная, что делать с руками, убрал их за спину.

Пианист ударил туш. И все ребята захлопали в ладоши. Они были рады, что получилось торжественно и весело. Только один человек — Обносов — не радовался вместе с другими. Он сутулился и кусал губы, решая для себя какую-то задачу...

— Кстати, пока Сережа танцевал с вами литовский танец, — сказала Евгения Викентьевна, — мне пришла в голову идея поставить еще один, шуточный, под названием «В ансамбле — новенький»! Партию новенького, надеюсь, исполнит Сережа.

— Народ помрет, — буркнул Обносов.

— Да, это будет веселый танец, — сказала Евгения Викентьевна.

— Спасибо, — сказал Шульгин, забирая цветок. Он тут же засунул его в карман и посмотрел на Витковскую. А та покачала головой — дескать, кто же так поступает?

Шульгин понял, осторожно вытащил гвоздику и направился к Витковской. Широченными шагами он приближался к ней, но цветок держал так же бережно, как только что Евгения Викентьевна.

— Это тебе, — сказал он. — Это ведь ты меня привела, отыскала такой алмаз...

Евгения Викентьевна подвела итог уроку, закончила и попрощалась. Танцоры помчались к лесенке, которая вела в раздевалки. Витковская сказала Шульгину:

— Подожди меня, — и побежала их догонять.

Впереди всех мчался Обносов. Вот уже до лесенки пять метров, три, два...

— Обносов! — окликнула его Евгения Викентьевна. — Подойди сюда.

Он остановился и не сделал больше ни шага. Евгения Викентьевна сама подошла и тихо сказала:

— Ты хоть сам понимаешь, что это подло? Тебе ведь уже пятнадцать лет!

— О чем это вы? — стрельнув взглядом, спросил Обносов.

— Хорошо, я объясню... Ты пришел к кукольникам и украл у них волка. Ты хоть понимаешь, что это — воровство? И что волка нужно немедленно вернуть?

Обносов покраснел и смотрел в пол. Он часто и гневно дышал, и левая рука его сжималась в кулак.

— Ладно, волка я верну... А за вора вы ответите. Я дома скажу, что вы меня вором обозвали, вам это не пройдет.

— Ох ты, еще обиделся, — дрогнувшим голосом сказала Евгения Викентьевна. — Какое обостренное чувство собственного достоинства!.. Иди, Обносов, и лучше бы ты к нам не приходил.

— Даже так, да?.. Хорошо, вы это попомните. Вы меня будете упрашивать, чтобы я сюда пришел...

Шульгин — он даже не ожидал от себя такой прыти — быстро подошел к Обносову и крепко взял за плечо.

— Не стоит, парень, грозить чужими кулаками. Не советую.

— Да?! Ну, уж ты-то попомнишь, понял?

Обносов вскочил на лестницу, остановился и снова прокричал:

— Ты попомнишь, глиста в обмороке!

— Не обращай внимания, — сказала Евгения Викентьевна, с трудом улыбнувшись. — Обязательно приходи к нам, у тебя получится.

Зал опустел и словно бы даже осиротел, когда вслед за ребятами ушел пианист, а затем Евгения Викентьевна. Громадные люстры припогасли. Этот их малый свет наводил уныние, и, если бы из-за открытой двери не доносились хохот девушек и голоса парней, Шульгин не остался бы здесь ни минуты.

Танцоры проходили мимо и прощались. Переодетые, они были совсем не похожи на артистов. И только, может быть, в походке и в том, как прямо они держали спину, было что-то от танцев.

А вот и Наташа. Идет одна. Подошла, улыбнулась и протянула руку:

— До свидания, Сережа. Вы послезавтра придете?

— Ага, пока... Может, приду, — сказал он, поглядывая за рояль, на дверь, откуда должна была выйти Витковская.

Наташа постояла, будто хотела еще что-то сказать, но опустила голову и прошла мимо.

Витковская вышла не одна. Если бы она сказала «подожди нас», он бы знал, что ждет не только ее, но и Головко. Но она сказала «подожди меня», а вышла с ним, со своим партнером. Они прошествовали через весь зал и подошли к Шульгину. Витковская сказала:

— Познакомьтесь.

Головко протянул руку и с ожиданием взглянул в глаза Шульгину.

— Знакомы уже, — сказал Шульгин, не любивший церемоний.

— Вот уж нет, — сказала Витковская и притопнула ногой. — На школьном вечере — не считается. Ты был ужасен, Сергей. А теперь я хочу вас познакомить, чтобы вы стали друзьями. Не капризничай, дай руку. Пожмите на дружбу... Немного по-детски, зато искренно.

— Да какой из меня друг? — удивился Шульгин.

— Не все сразу, это приходит постепенно, — сказала Витковская. Она ухватила широченную лапу Шульгина и всунула в нее маленькую, изящную руку Валерия.

Деваться было некуда. Шульгин подчинился и пожал.

На улицу они вышли втроем. Как и вчера, падал снег, своей медлительностью подчеркивая тишину. В домах зажигалось все больше окон.

«И что они, как тандем, — все вместе и вместе? — недовольно подумал Шульгин. — Нужно заговорить с ними о чем-нибудь таком умном, чтобы этот Головко сразу сник и уж больше бы ни за что не подошел к Витковской в моем присутствии. Но вот о чем? Книжку я недавно прочитал «Новая астрономия», может, из нее?..»

— Понравилось тебе у нас? — спросила Витковская.

— Боюсь, что да, — хмуро ответил он.

— А я тебе что говорила? У нас — отличные ребята. Ты видел, какие они все красивые и одухотворенные?

— Ну, не сочиняй, — сказал Валерий. — Есть такие гады! Как, например, этот кавалерийский драгун Обносов. Он к любому парню подходит только с одной меркой: «Наклепаю или не наклепаю?».

— Какого-нибудь витамина переел, — сказал Шульгин.

— То, что он бандит, всем известно, — сказала Витковская. — А вы не можете с ним справиться?

— Не будем же мы лупить его кучей. А по одному этот драгун всех побеждает. Правда, раз наскочил на парня. Помнишь,

к нам пришел Володька Федоров? Беленький такой, щуплый. Обносов и говорит: я, мол, этого блондина с ходу на колени поставлю. А Вовка услышал и говорит: смотри, мол, приятель, не ошибись... И всем стало ясно, что после репетиции драки не миновать... Так и случилось. Но драгун не рассчитал, что Володька уже второй год боксом занимается. Вышли после репетиции, свернули во двор к гаражам, и там состоялась дуэль. То есть вряд ли это можно назвать дуэлью. Только размахнулся драгун, а Вовка отклонился от удара и сам ему дважды — стук, стук по башке, тот и сел на асфальт... Знаете, как все пацаны полюбили Вовку!.. После этого Обносов долго у нас не появлялся. И пришел, когда Вовка в другой город переехал. Нам даже казалось, что он бросит это свое «наклепаю или не наклепаю». А недавно одного кукольника избил, знать, за старое принялся.

— Ничего не понимаю!.. Как бы его проучить? — закусила губу Витковская. — Помнишь, перед Новым годом мы выступали в Центральной библиотеке? Там он умудрился напихать полную сумку книг. Хорошо, девочка одна заметила и сказала, а так — стыда сколько!

— Проучили бы, да у него там мальчики с Лиговки, никто связываться не хочет.

— Вот-вот, все трусливые люди так и рассуждают! — вспыхнула Витковская.

Шульгин и слушал, о чем они говорили, и нет. Он в эту минуту вспоминал литовский танец и все никак не мог вспомнить, после какого движения нужно идти на «ручеек». Обратившись к Витковской, он запрыгал перед ней и, будто крестьянин-сеятель, замахал рукой, разбрасывая на асфальт невидимые зерна.

— После этого «ручеек», да?

Другая бы на месте Витковской зашипела на него, обозвала бы сумасшедшим, но Лариса отступила шаг назад, последила за немыслимыми движениями новоиспеченного танцора и, улыбнувшись Валерию, кивнула:

— После этого, Сереженька. Только ты забываешь обойти Наташу. А остальное все правильно.

Удовлетворенный Шульгин перестал выплясывать и неожиданно сказал:

— Он и мне пообещал, этот ваш драгун.

— Уже? — удивился Валерий.

— А я раньше не знала, кто он такой, — сказала Витковская. — Думала, просто глуповат вообще и толстоват для хореографии. А способности у него есть, хотя конституция и не для танцев.

— Да, он способный, — подтвердил Валерий. — Но танцевать ходит, чтобы лишний жир сбросить. Сам говорил, что родители заставляют. Папа у него шишка в исполкоме, а мама — неудавшаяся балерина. А вообще он с успехом мог бы стать чемпионом по уличной драке!

— Он ведь и с тобой дрался, — сказала Витковская.

— Было, — сказал Валерий. — Помнишь, в прошлом году синий фонарь носил?

— Но ведь ты говорил, что это тебе в хоккее?

— Мало ли что я говорил. Кому интересно признаваться, что тебя поколотили?

Шульгин слушал Валерия и не понимал: как это парень может говорить о собственном бессилии?

«К чему же тогда хореография, искусство, если быть в душе слабаком? Даже в танцах есть партии женские, а есть мужские — не зря же это!.. Значит, и в себе нужно воспитывать мужчину, а не жаловаться, что тебя поколотили. А то выйдет на сцену лев... с душой мышки-норушки...»

— Ах, Обносов! Ах, соловей-разбойник!.. Сережа, а ты не боишься?

— Нет, я быстро бегаю...

Витковская и Головко посмотрели на него и рассмеялись. А Витковская сказала:

— Ну, тогда тебе нечего бояться. В случае чего — поминай как звали! Я-то думала, ты мужественный парень. Но ведь не от каждого Обносова можно убежать, и тогда что?

— Тогда скажет, что играл в хоккей, — ответил за Шульгина Головко.

— Там видно будет, — сказал Шульгин.

— По-моему, лучше фонарь в драке, чем... Ладно, не мое дело.

Шульгин дошел с ними до угла и попрощался. Витковская напоследок сказала, что занятия через день, и подмигнула. А он, услышав «занятия», тут же пошел на «ручеек». Повернулся к своей улице и увидел, что навстречу шла учительница математики Маргарита Никаноровна. Она несла картошку, и ей было скользко и тяжело на засыпанном мокрым снегом асфальте.

Шульгин остановился. Он не знал, что делать. Видел, что ей тяжело, а сдвинуться, чтобы помочь, не мог. Даже сделал шаг за угол. И тут же представил, что кто-то наблюдает за ним со стороны и понимает, что происходит на улице.

Шульгин быстро подошел к Маргарите Никаноровне и взял у нее авоську...

Ему было радостно возвращаться домой. Он торопился рассказать кому-нибудь о событиях этого длинного дня. Взлетел по лестнице и еще с порога закричал:

— Мама, дай поесть!

Мать приложила палец к губам и сказала:

— Тише, сынок. Не раздевайся. Я вызвала к соседу неотложку, ты выйди на улицу и покарауль, чтобы не искали.

Шульгин заглянул к соседу.

Анатолий Дмитриевич по-прежнему лежал на кровати. Поверх одеяла накинута старая овчинная шуба, в которой зимой он изредка ездил на рыбалку. Рядом с кроватью — табурет, и на нем — чашка и градусник. Но что это? У него разбитое, с кровоподтеками лицо, правый глаз затянуло синим кругом, губы кровоточат, на щеке — темная рана.

Анатолий Дмитриевич усмехнулся и прикрыл глаза. И тут же застонал. Дрожащими пальцами он сжимал край одеяла. Серый, небритый подбородок вздрагивал от напряжения и боли.

— Что с вами? — спросил Шульгин.

Сосед отвернулся к стене. В углу его глаза скопилась крупная слеза — вот-вот скатится на подушку.

— Упал я, Сережа, — глухо проговорил он. — Потерял сознание и упал лицом на батарею.

— Пройдет...

— И не надо, чтобы проходило. В рай пора, потому что никакой радости у меня тут, на земле, во всю мою жизнь не было и нет.

— Еще посмотрим. И что за народ? Недавно в путешествие звал, а тут помирать собрался? Врачи не дадут, вытащат, — весело говорил Шульгин. И вдруг ему впервые открылось, что сосед живет непонятной и совершенно скрытой от всех жизнью. Он ушел от людей, расставил вокруг себя столбы и натянул колючую проволоку. Только его, Шульгина, он пропускал к себе, да и то лишь потому, что жил с ним в одной квартире.

«Зачем это ему? — подумал Шульгин. — Ведь эта проволока и ему самому не дает возможности выйти в открытый и свободный мир...»

Анатолий Дмитриевич повернул к нему лицо и покачал головой. Стал медленно говорить:

— Врачи, браток, для насморка. Они, браток, для облегчения мыслей. А если что серьезно, они не говорят никогда, скрывают от больного. Правда, и больной иногда не хочет

знать правду... Хочу потолковать с тобой, потому как считаю тебя своим наследником.

— Каким еще наследником? — спросил Шульгин.

Сосед помолчал. Приподнялся на локоть и, глядя Шульгину в глаза, спросил:

— Ты про пистолет — никому?

— Да что вы, я и забыл.

— Это хорошо, я уже отдал, — тихо сказал Анатолий Дмитриевич. — Но ты про пистолет не забывай. Может случиться, что к разговору о нем мы еще вернемся.

— Так говорите сейчас.

— Рано. Придет пора, скажу... Я ведь все ждал, когда подрастешь. Хотел с собой взять... Спишь, бывало, а соска во рту. Думаю, богатырь! Так оно и вышло — по комплекции ты действительно богатырь. А вот соску пока не бросил.

— Зачем это вы, Анатолий Дмитриевич? Мне ведь уже этим сном все уши прожужжали, — обиделся Шульгин.

— Я почему об этом говорю? Потому что и сам до восемнадцати лет... Всего и не перескажешь, и на воловьей шкуре не запишешь — места мало.

Он поднял руку, прикоснулся к голове. Шульгин видел, что ему трудно продолжать разговор. И все же Анатолий Дмитриевич пытался преодолеть себя. Что-то в нем билось, просилось наружу, какая-то тайна не давала ему покоя.

— Боюсь, просыпаться начал, — пробубнил Шульгин. — В танцевальный кружок пошел.

— Выбрал место. Будто, выкаблучивая польку, уже и сонным не будешь? Да и какой из тебя танцор? Ты парень видный, должен мужским делом заниматься. Я на этих танцоров балета, затянутых в нижнее белье, без тошноты и смотреть не могу. Все кажется, не настоящие они, не такие, как все нормальные мужики... В общем, поговорить надо. Своих детей, ты знаешь, у меня не было. Рос ты у меня на глазах. И нянчился я с тобой, и песни тебе, какие знал, пел. Так что твое детство и во мне какую-то жилку задело...

Открылась дверь, и заглянула мама.

— Сережа, как тебе не стыдно? Иди на улицу, вот-вот машина подъедет.

— Зайди ко мне завтра после школы. А в больницу положат — туда. Только обязательно, слышишь?

— Вы не сдавайтесь, — сказал Шульгин.

Он выскочил из дома и увидел машину скорой помощи. Из нее вышли двое мужчин в белых халатах поверх пальто. Маленький, с бородкой, вгляделся в табличку с номерами квартир.

— К Устинову? — спросил Шульгин. — Идемте.

Он привел врачей в комнату соседа и остановился у двери, разглядывая, как врач достает медицинские принадлежности из пузатого баула.

— Кто это вас? — спросил врач.

— Упал, доктор. На батарею парового...

— Неправда. И, если не признаетесь, никакой помощи от нас не получите.

— Правда, доктор, может, только зацепился за стол...

— Идите, молодой человек, — увидев, что Шульгин стоит в дверях, сказал врач и дернул бородкой вперед, словно выгоняя его.

Шульгин вышел в коридор. Разделся, повесил пальто. В комнате мама стрекотала на швейной машине.

Он посмотрел на ее узкие ссутулившиеся плечи, на голову, наклоненную к работе, спросил:

— Что с ним?

— Ты же знаешь, сынок, его давно преследуют головные боли.

— Что ж он не лечит?

— Не так это просто. Ты еще в школу не ходил, когда у него началось. Хронический отит, кажется.

— Что ж он не лечит? — снова спросил Шульгин.

— Давно предлагали операцию. А он — ни в какую. Сначала говорил: «Время вылечит». Потом стал говорить: «Не доверяю врачам, зарежут они меня». И даже радовался, что не согласился на операцию. А теперь говорит, что ему уже никто не поможет, никакая операция. Говорит, что он изнутри весь подпорченный, так что ни лекарства не спасут, ни врачи.

— И все-таки надо лечить.

— Не знаю, сынок, я не доктор. Всякая болезнь опасна. Особенно в пожилом возрасте. Иди на кухню, там тебе еда... Ты извини, не могу оторваться от работы — одна знакомая очень просила, чтобы срочно...

— Жаль, если он умрет.

— Пусть живет. Даст бог — обойдется. Это он со страху о смерти заводит. Одинокие люди труднее болезни переносят.

Говорила она все это спокойно, не останавливая работу, и Шульгин понимал ее — в доме уже давно привыкли к болезням Анатолия Дмитриевича.

— Мам, он хороший человек?

Она не ожидала такого вопроса. Повернулась к сыну и опустила глаза.

— По-моему, ничего, — наконец сказала она. — Спокойный, не сварливый. Только вечно задумчивый, словно бы решает для себя трудную задачу и все не может решить. А почему ты об этом спросил?

— Так... Мне кажется, у него есть какая-то тайна.

— У каждого человека есть тайны, сынок.

— А у меня нет.

— Значит, еще будет. Даже настоящая мечта — тоже тайна, ее доверишь не каждому. А почему это тебя тревожит?

Мама отложила материал, взяла спички и закурила папиросу. Выпустила дым и положила сгоревшую спичку в пепельницу.

Шульгин сел на стул и сказал, как о чем-то давно прошедшем, о чем теперь будто бы и не стоило говорить:

— Я сегодня занимался в танцевальном кружке.

— Не может быть!

— Витковская привела... Знаешь, как она танцует? Как настоящая артистка!

Мама помахала рукой, разгоняя облачко дыма, и весело сказала:

— Не может быть... Из тебя танцор — представляю... Я думала, что мой сын в баскетболисты запишется — это еще куда ни шло. Но танцы? Там все такие огненные, жизнерадостные. А ты у нас такой флегматик, что позавидовал бы сам дедушка Крылов. Папа говорит, что из тебя гения не выйдет.

— Из Крылова же вышло.

— Так то Крылов, у него талант! Надо родиться Крыловым, чтобы потом вышел Крылов. А ты, по-моему, так и останешься Шульгиным. Впрочем, если на хороший лад да при настоящем деле, можно и с этой фамилией не ударить в грязь лицом. Ты постараешься?

— Мне и так неплохо.

Она засмеялась и погладила сына по щеке.

— А все-таки, будь я учителем танцев, тебя не приняла бы. Ты такой большой, что из-за тебя других не видно.

— Там иначе думают.

— Думать никому не запрещается, — сказала мама — ей нравилось разговаривать с сыном. — Могу представить: мой Сережа — танцор!.. Кого же ты получил в партнерши? Надю Павлову? Или Максимову?.. Но даже если и так, все равно им нужно быть хотя бы чуточку богами, чтобы сделать из тебя танцора.

Шульгин впервые рассказывал матери о том, что не касалось ни уроков, ни отметок. История его полусонной, полусо-

знательной жизни была так бедна событиями, что теперь, когда в ней что-то сдвинулось, он так разволновался, что даже крикнул:

— Приди да посмотри, как я там выкаблучиваю!

Он покраснел. Мать смотрела на него так, словно ей было все известно, словно она присутствовала сегодня на занятиях хореографического ансамбля.

Папироса в ее пальцах давно потухла — она не прикуривала и не торопилась бросить в пепельницу. Одинокая прядка светлых волос отделилась от остальных и повисла над левой бровью. Большие, широко поставленные глаза казались сухими и властными.

Шульгин отвел глаза — ему показалось, что они чем-то похожи — его мама и Витковская.

— Дерзай, сынок. Не имеет значения, чем заниматься, лишь бы делать на совесть и не без пользы. И чтобы по душе было. Надеюсь, в этом вы с Тонечкой будете счастливее своих родителей. Хотя и родители ваши не жалуются на судьбу... У тебя есть еще два-три свободных года, в которые можно решать, думать, сомневаться. А уж потом надо приступать к делу.

Она отвернулась к машине и тихо добавила:

— Сегодня в ателье Тонечка приходила. По-моему, у них не ладится. Надо будет им на кооперативную квартиру дать. Что это за жизнь в чужом доме?..

В дверь постучали. Вошел врач.

— Извините, — поклонился он маме и попросил Шульгина: — Молодой человек, помогите, а то нам трудно по лестнице...

Анатолий Дмитриевич, уже одетый, лежал на носилках. Правая рука с разжатыми пальцами касалась пола. Санитар поднял ее и положил на грудь. Рука медленно поползла обратно, но Анатолий Дмитриевич прижал ее к животу и не дал упасть.

Вынесли его осторожно, вкатили носилки в кузов, закрыли дверь. Машина пыхнула голубым дымком и скрылась за поворотом.

Шульгин с минуту постоял, размышляя, с какой скоростью мчится теперь санитарная машина и не подкидывает ли Анатолия Дмитриевича на ухабах.

«А все же, что хотел сказать Анатолий Дмитриевич? Еще никогда он не разговаривал так, как сегодня... Что-то же внутри у него колет, не дает покоя... И при чем тут пистолет?»

В прихожей стукнула дверь — пришел отец. Шульгин допил чай и явился поздороваться — утром отец уходил рано, и поэтому здоровались они всегда вечером.

Шульгин-старший на работе уставал. Там, с учащимися, он был не только мастером, педагогом, но еще и артистом — «иначе никто тебя и слушать не захочет». А когда возвращался домой, тяжело опускался на стул. Ему уже было трудно подняться, но веселый, слегка иронический тон по-прежнему сопровождал почти все его слова.

— Сосед заболел, — сказал Шульгин. — В больницу положили.

— Даже так? В какую?

— В Куйбышевскую.

Отец причесал перед зеркалом густые темные волосы, обнаружил и «выхватил» очередную сединку и поинтересовался:

— А чем занимается моя семья?

— У нас — важное событие: сын занялся хореографией, — сказала мама таким торжественным голосом, будто сына уже приняли в Большой театр. — Не знаю, как тебя, а меня это радует. Лет через десять станет знаменитым, и тогда мы с тобой поймем, что прожили не зря.

— Самый высокий на свете балерун, будет указано в афишах, — сказал отец. — И народ попрет, как в цирк.

— И самый лучший, — сказала мама.

— Да? — повернулся он к сыну. — Интересно, а сколько танцоры получают?

— Думаю, живут безбедно. Впрочем, может артистом и не станет, но зато урок общительности ему преподадут. Где есть девочки, там порядка больше.

«При чем тут «сколько получают»? — думал Шульгин и смотрел на отца. — И можно ли получать деньги за то, что я там увидел?»

— Один ты пытаешься утверждать, что все лучшее сосредоточено в мужчинах. Между прочим, у меня есть клиентка, доктор наук, так она говорит, что наступает новая эра. В ней главенствующее положение займет женщина — от семьи до правительства.

— Об этом что, уже в газетах писали?

— Не писали, так напишут.

— Вот когда напишут, тогда поверю. А пока передай своему доктору-клиентке, что ей учиться пора. Пусть поступает

к нам в училище — мы ей такую профессию присвоим, что от нее наконец толк будет, и никакого вреда.

— Хорошо, я передам ей твое приглашение.

Шульгин с улыбкой слушал родителей. Он не впервые присутствовал при таких разговорах. Иногда они продолжались довольно долго, а кончались всегда тем, что папа театрально целовал маме руку и спрашивал:

— Ну, где твои хваленые женщины в истории? Назови хотя бы одну! В науке, искусстве, архитектуре? Объясняю: все лучшее, что создано в мире, создано умом и руками мужчин. И никакого равноправия в этом никогда не было и не будет. И теперь женщины только участвуют в делах мужчин...Принимают участие, ты понимаешь разницу? А делают все по-прежнему мужчины. Но ты права — они равны.

— В зарплате, что ли?

— Нет. Женщина дает жизнь творцам!

— Ох, и оратором ты стал в своем пэ-тэ-у...

— А что по этому поводу мыслит наш сын? — спросил папа и взглянул на Шульгина. По его игривому тону и улыбке можно было догадаться, что он желает, чтобы Сережа принял сторону отца.

Сегодня этот разговор насторожил Шульгина. Он слушал и вспоминал Витковскую. «Кто из нас важнее — я или она? А кто совершеннее? . .»

— Нелепо это — определять, кто важнее — мужчина или женщина. Просто и те и другие — люди. И в каждом отдельном случае они сами разберутся, кому нужно больше власти, а кому — меньше.

Родители выслушали сына, посмотрели друг на друга и долго молчали. Потом отец сказал:

— Ну, брат, не ожидал! Оказывается, наш сын стал не только танцором, но и мыслителем!.. Как тебе понравился ответ? Ты запиши, а потом предложишь своей клиентке — доктору наук! Оказывается, наш сын начинает мужать. Это меня радует как отца, но тревожит как мужчину — не ранняя ли это капитуляция перед женщинами? Ведь всякое равенство — лишь исходная и не совсем прочная точка для перехода к новому неравенству. Мужчина, сознавая себя более действенным и значительным лицом в жизни, и требует от себя значительно больше, чем женщина. А если наступит равенство, не получится ли так, что в нем угаснет этот пламень и он снизит требовательность к себе?.. Пока мир несовершенен, он все еще требует подвигов. А подвиги в основном должны совершать мужчины... Позволь, мой друг, совершить очередной подвиг и вручить тебе получку. Не так уж много, но жить можно.

Мама стала считать деньги, которые принес отец.

Шульгин сказал:

— Спокойной ночи, — и отправился в свою комнату. Разделся и лег. Но спать не хотелось. Он слышал, как отец на кухне размешивал сахар в чайной кружке, как долго шумела в ванной вода. Затем по коридору прошлепали его домашние туфли, и закрылась дверь в комнату родителей. Из-за стены доносился их разговор.

— Плохо им там, — сказала мама. — Хозяин, у которого они снимают, когда перескандалит с женой, к ним спать идет. Ночует на полу... К нам они тоже не поедут. Нужно что-то думать, может, денег дать на кооператив?

— Дай им... С машиной потом... А теперь дай, пусть строятся.

— Так я и дам, — сказала мама. — Ой, даже к горлу что-то подступило от радости, что можем дать... Ты молодец у меня!

Шульгин почувствовал, как в груди сжалось какое-то колечко, стало трудно дышать, и он повернулся на бок.

Отец

«Спи, Серега, — сказал он себе и тут же снова лег на спину. Прислушался. Рядом на столе тикал будильник. По улице шел трамвай. Его ровный гул врывался в полуоткрытую форточку. — Как там Анатолий Дмитриевич? Спит уже, наверно, в больнице рано укладывают. Завтра пойду к нему, сам попросил... Но о чем толковать, когда сегодня он говорил неправду? И врачам тоже... Вечно скрытный, не то, что мой отец. Этот ничего не таит, радуется, когда есть возможность поговорить об училище, о пэтэушниках. Так было всегда, всю жизнь. И на работу к себе приглашал...»

Шульгин вспомнил учебно-производственные мастерские отца. Они находились рядом с железнодорожным депо, и в детстве Шульгин часто приезжал туда. Ученики-пэтэушники что-то пилили ножовками, сверлили, орудовали напильниками и постоянно бегали на улицу курить. Они и его приглашали с собой, но курить не давали, считали — мал для этого.

Жадно затягиваясь, тут же морщились и сплевывали, стараясь обязательно попасть длинным, как ракета, плевком в какой-нибудь предмет. Иногда спрашивали: «У тебя сеструха есть?» — «Есть», — отвечал Шульгин. «Симпатичная?» — «Я не разбираюсь...»

Ребята посмеивались и похлопывали его по плечам. Кто-нибудь не унимался: «А ты мог бы познакомить нас с нею?» — «Конечно, — говорил Шульгин. — Приходите, когда она из школы явится, сами и познакомитесь. Она всегда радуется, когда к ней приходят».

Они бросали окурки и возвращались к слесарным верстакам. Стучали молотками, скрипели рашпилями, и Шульгин, пока сам ничего не делал, морщился от резкого неприятного шума. Потом привыкал.

Отец ставил его за верстак с огромными черными тисками, в которые зажимал кусок железа. Вручал напильник и предлагал закруглить все острые углы. Он подставлял под его ноги

толстую деревянную решетку, а то и две — чтоб было выше, — и уходил к своим ученикам.

Закруглить острый угол было не так-то просто, а Шульгин рьяно принимался за дело. Ему казалось, чем яростнее он будет скрипеть напильником, тем скорее подчинится металл. Но напильник скользил, соскакивал, угол не хотел закругляться, и Шульгин вскоре бросал и шел во двор. Здесь, под солнцем, среди листопада пахло железной дорогой, деловито чирикали воробьи — подчинялись всеобщей работе — и сновали слесари-ремонтники в пропитанных мазутом, словно стальных, комбинезонах.

— Эй, подмастерье, — говорил кто-нибудь из ребят, — ты когда вырастешь, кем будешь?

— Авиаконструктором, — произносил Шульгин давно заученное слово. (Когда-то у них в школе выступал авиаконструктор, и Шульгину понравились модели, которые он им показывал.)

— Хм... Там, наверно, без сопливых обходятся. А вот монтером эсцэбэ ты не хочешь?

— Я не знаю, что это, — говорил Шульгин, уже ожидая, что сейчас ребята грохнут от смеха.

— Самая важная работа на железной дороге. Без этой работы ни один тепловоз и электровоз не выйдет из депо. Или надо по новой стрелочников вводить. На одного монтера эсцэбэ — двадцать стрелочников с дудкой.

Никто из них не смеялся, но Шульгину было непонятно, что такое «монтер эсцэбэ», и он спрашивал. А ему так же непонятно отвечали: «Эсцэбэ — это сигнализация, централизация и блокировка пути». Он тут же повторял эти слова, не понимая их смысла, и говорил: «Нет, пожалуй, я останусь авиаконструктором. Или уж тогда шофером...»

Ребята смеялись и, между делом, спрашивали: «Батя небось часто лупит?» — «Нет, — отвечал Шульгин. — Он веселый, про вас много рассказывает». — «Что же он рассказывает?» — «Что вы загадку придумали». — «Какую?» — «Сам — во, ботинки — во! — Откуда мальчик? — Из пэ-тэ-о. — Жрать хочешь? — Ого!»

Они чуть не падали от смеха — им нравился Шульгин-младший. Выходил из мастерской отец и строго говорил:

— А ну, мушкетеры, за работу!.. И ты тоже, раз вместе со всеми, — брал он за руку сына и вел к верстаку.

Шульгину не особенно хотелось стоять за верстаком. Он шел в кузницу и там долго смотрел, как сильные мускулистые мужчины в расстегнутых рубахах и кожаных передниках

ковали красный металл. Они ловко обстукивали его со всех сторон, а потом младший кузнец, держа в громадных щипцах готовую деталь, нес к железному ящику и бросал в темную жидкость. Металл шипел и выпускал к потолку струйки пара.

Бросив деталь в кучу уже готовых, кузнецы принимались за новую.

А Шульгин шел дальше, на участок штамповки. Здесь огромный станок делал дырки в толстом железе, и в деревянный ящик сыпались круглые шайбы величиной с пятак. Шульгин брал несколько штук, уходил из мастерской и, сидя у поворотного круга, где разворачивали задом наперед тепловозы и электровозы, строил из кружков пирамиду.

Грело солнце, росла трава, в рельсах что-то постукивало и ворчало, будто просилось наружу, звенел и потрескивал поворотный круг с тепловозами на спине, и весь технический мир словно бы дополнял его крохотную пирамидку из металлических кружков.

Ему казалось, что и железная дорога и депо живут только для него, чтобы ему не было скучно и чтобы всегда хотелось приходить сюда снова и снова...

Однажды, в начале лета, к нему подошел маленький рыжий пэтэушник. Отвел за мастерскую и сказал:

— Поговори, Серега, с отцом, понял? Только наедине... Пусть мне трояк по практике поставит. А то на каникулы не отпустят, недели две торчать заставят. А там у меня братан с армии вернулся, и другой на подходе... Хоть умри, а надо быть дома. Ты поговори с ним, так? А мы вам за это рыбы вяленой — целый пуд приволокем! Волга у нас, знаешь, какое летом раздолье!

— У нас все есть, нам ничего не нужно.

— Вот чудило! Это же вяленая, за ней, знаешь, как все гоняются? Откуда она у вас?

— Нам ничего не надо. А поговорить я и так поговорю, — сказал Шульгин и заторопился в мастерскую.

Он действительно передал отцу просьбу рыжего. Тот рассердился, погрозил кулаком: «Я ему покажу, этому бездельнику и прогульщику! Я ему дам рыбу! Он у меня все лето из мастерской не вылезет!..»

«... Этот болван думал, что моего отца можно купить... Отец говорил, что у него были не только ученики, но и родители, которые пытались одарить деньгами, коньяком, а то и медом, чтобы их сынок получил чуть больше льгот при выпуске, чем другие... Мой отец не такой... Он отец...» — думал Шульгин, засыпая.

Последний урок

Она пришла совсем другая — в новом костюме с брошью у самой шеи. Правда, левая сторона ее нарядного костюма обсыпана мелом, но это лишь подчеркивало ее деловой и вместе с тем праздничный вид.

— Это у нас с вами последний урок, — бодро сказала она. А Шульгин вытянул шею и внимательно посмотрел на Маргариту Никаноровну. — Это у меня уже второй последний урок. Теперь вас будет учить новая учительница. Я уже видела ее, разговаривала... По-моему, очень хорошая.

Она задумчиво оглядела класс.

— Не так давно по телевизору показывали, как из большого спорта провожали какого-то известного футболиста. Что это было! Море цветов, гром аплодисментов. А сам футболист был немного грустный, растерянный, словно и не понимал, что происходит. А знаете, я позавидовала ему: ведь он уходит молодым...

— О-ой! — взвизгнул кто-то в третьем ряду и подскочил, будто к скамейке, на которой он сидел, подвели ток. Это был Троицкий, все тот же Троицкий, которому вечно кто-нибудь из одноклассников делал какую-нибудь пакость.

— Маргарита Никаноровна! — завопил он. — Я так больше не могу. Ну, зачем Достанко положил на мое сидение кнопку. Я же не бесчувственный!

Класс хихикнул.

— Может, перестанете? — встала из-за парты Витковская.

Повеселевшие было ребята затихли. Маргарита Никаноровна кивнула Витковской, чтобы она села, и продолжала:

— Каждый из вас конечно со временем состарится, как состарилась я и мои ровесники. Так быстро все это прошло, — словно с какой-то радостью сказала она. — Достанко, мне говорили, что ты собираешь кактусы. Это красивое увлечение. Приходи ко мне, вот я уж и адрес написала. У меня их много, я предложу тебе выбрать три самых лучших.

— Спасибо...

— Не надо благодарить, это я делаю для себя. А сегодня я хотела бы послушать хороший ответ. Кто хочет к доске?

Все в классе посмотрели друг на друга, улыбнулись, но никто не вышел. Класс решал, кто из них может украсить последний урок учительницы.

Жаворонков упрашивал Дронова:

— В последний раз, Дрон, честное слово. Я тебе за это

мороженое куплю. И шампанское, понял? Ты меня знаешь, пообещал — выполнил.

— Ладно, — Дронов поднял руку. — Маргарита Никаноровна, можно — Жаворонков?

— Можно, — пригласила она.

Дронов вышел. Сначала медленно, а потом быстрее и быстрее — словно обретал ускорение — стал доказывать теорему. Он писал, стирал, снова писал, а все смотрели на него с умилением — во дает! — и со страхом — уж очень не хотелось, чтобы в этот самый последний урок учительница заметила обман. Но Маргарита Никаноровна внимательно слушала Дронова, изредка приговаривая:

— Молодец, Жаворонков, хорошо. Просто замечательно!

Постепенно каждый из учеников утратил интерес к происходящему. Многие занялись своими будничными делами — кто-то играл в футбол, кто-то переписывал задачи по физике, а кто и вовсе смотрел на улицу и думал о каких-то своих заботах. Класс будто погрузился в сон.

И вдруг!..

Встал Шульгин.

— Дрон, сядь на место.

— Тише ты, деятель, — зашипел на него Жаворонков. — В такой день, ты думаешь? В такой день, чтоб ты сдох!

Маргарита Никаноровна повернулась к Шульгину и спросила:

— Что у вас там?

— Дрон, сядь на место,— повторил Шульгин.

— Ну, Серый, я от тебя этого не ожидал, — сказал Дронов и бросил мел и тряпку. — Придется поговорить, ты меня знаешь!

Злой и обескураженный неудавшейся выходкой, он вернулся за свою парту и гневно посмотрел на Шульгина.

— Сейчас я позвоню Коту, — прищурил он глаза.

— Что же вы, друзья? Напоследок решили меня обмануть? — спросила Маргарита Никаноровна. Она поднялась со стула и оглядела класс. Отошла к стене у окна и стала смотреть на улицу. А Шульгин разглядывал злое лицо Дронова, который грозил ему кулаками. Но тут к Дронову подошел Зимичев и внушительно сказал:

— Если подумать, спрячь кулак, сукин сын. И больше не показывай. Иначе я тебе сам покажу. Тебе и твоей драной полудохлой кошке, которую ты почему-то называешь «Кот». — И он поднес к лицу Дронова чугунный кулак величиной с двухпудовую гирю.

Класс зашумел, задвигался. Послышались голоса:

— Правильно, Зима, надоело...

— Не трусь, Дрон, чуть что — я рядом...

— Что, спокойная жизнь надоела? — спросил маленький Миша Плахов.

— Ты, видно, опсихел? — обиделся Дронов. Грозное выражение лица тут же рухнуло, и на его обломках расцвела улыбочка. Но стоило Зимичеву отойти, как соки, питавшие улыбочку, быстро истощились, и Дронов с поглупевшим от злобы лицом стал что-то говорить Жаворонкову. Тот слушал и кивал. А потом внятно сказал:

— Только мороженое. Шампанское — Шульгину!..

Мальчик, встаньте

Утром следующего дня Витковская прямо с порога направилась к Шульгину и спросила:

— Как дела?

Она ждала, что Шульгин скажет «хорошо», и уже приготовилась похвалить его, уже улыбка озарила изнутри ее синие глаза, но заметила, что Шульгин с замешательством посмотрел на нее, а потому снова спросила:

— Как дела, Сережа?

— Понимаешь, я не могу пойти. В больницу надо, сосед заболел, а у него никого нет.

— Я так и знала, — сказала она. — Ты всегда был ненадежным, Шульгин. И безответственным, — махнула она рукой. — Но я думала, что в тебе это временно... Что я теперь скажу Евгении Викентьевне?

— О, это уже запрещенный прием! — подскочил к ней Достанко. — Мы на такие штуки не договаривались.

— Отстань, Коля, ты глупости мелешь... Но даже Евгения Викентьевна тут ни при чем, она это переживет. Это тебе, Шульгин, нужно, одному тебе и никому больше.

— Говорят же, сосед заболел, — сказал Достанко.

— Ну и что? Вместе и сходим к твоему соседу. А потом — сразу на репетицию. Ну, опоздаем чуть-чуть, Евгения Викентьевна поймет.

Шульгин повертел головой. Витковская вспыхнула, и уже слезы на глазах. Уже на ресницах дрожат — вот-вот хлынут по щекам. Передернула плечиками, отвернулась и села за парту. Руки уперла в подбородок и смотрит на доску.

Наполеоны сразу о чем-то заговорили, окружили Шульгина, заобещали, куда-то заприглашали.

Шульгин потоптался. Вздохнул. Подошел к Витковской.

— Ты не сердись, пожалуйста, я действительно не могу.

— Ладно уж, прости, побеспокоила... Думала, понравились ребята в ансамбле, и партнерша Наташа такая девочка хорошая... Ну, пожалуйста, голубчик, давай вместе подумаем, как тут сделать? В какой он больнице?

— В Куйбышевской.

— Вот и прекрасно! После школы сразу и зайдем. А потом — во дворец.

— Я подумаю, — сказал Шульгин.

— Подумай, Сережа, и ты убедишься, что все это можно сделать.

Прозвенел звонок.

— Связался ты с этими артистами, — сказал Достанко. — У них в реквизите все — от слез до кулаков.

Шульгин ничего не ответил. Медленно прошагал к своей последней парте.

В класс вошла тоненькая светловолосая девушка в больших очках. Голубая кофточка и темная юбка с пуговицами до самого низа плотно обтягивали ее грудь и бедра. Казалось, она только что сошла с демонстрационного ковра Дома мод. В руке она держала учебный журнал, и было видно, как дрожала оттопырившаяся обложка.

Девушка остановилась у двери, словно не решаясь пройти дальше. Настороженно вгляделась в ребят. Казалось, она не знает, то ли пройти в сторону, то ли уйти совсем.

Шульгин догадался, что это и есть новая учительница математики, которая заменит Маргариту Никаноровну.

Все встали из-за парт и пристально разглядывали ее, а Достанко громко сказал:

— Ты ошиблась, девочка. Это восьмой «А».

— Вот и славно, — улыбнулась она. — Как раз он мне и нужен.

Эти слова будто придали ей решительности. Она подошла к столу, положила журнал. Поздоровалась и попросила садиться. Не говоря ни слова, повернулась и стала смотреть на улицу.

Ничего особенного там не было. Как всегда, шли машины, падал снег, а на карнизе пятого этажа дома на противоположной стороне унылым рядком сидели голуби.

— Ну, братва, пропал, — тихо сказал Ионин и скомкал приготовленные для футбола листки. — Она из меня Лобачевского захочет сделать, а я и таблицу умножения не знаю.

— Пусть только попробует, — сказал Достанко. — И сама не заметит, как однажды на кактус сядет.

Все, кто это слышал, вздохнули. А учительница выдержала психологическую паузу и решила, что больше молчать нельзя.

Повернулась к классу и произнесла:

— Я рада, что вы умеете молчать. Значит, умеете и слушать.

— Тронную речь приготовила, — шепнул Поярков.

— Отныне мне доверено вести у вас математику. Зовут меня Виктория Сергеевна Каткова.

— Николай Александрович, — привстал и кивнул Достанко. И сел.

— Шутник, — улыбнулась учительница. И тут же улыбка исчезла. Указательным пальцем она прикоснулась к дужке очков и властно сказала:

— Мальчик, встаньте! Назовите фамилию. Сегодня я познакомлюсь только с вами. Итак? . .

— До. . .станко.

— Отлично! А теперь сядьте, Достанко. И, если до конца урока я услышу хотя бы одну реплику, вы раз и навсегда станете моим самым нелюбимым учеником.

Достанко сел. Было заметно, как левая рука его судорожно теребила край пиджака.

— С остальными я познакомлюсь чуть позднее, когда будем беседовать у доски. Итак, сегодня я никого не буду спрашивать, объясню новый материал. А уж со следующего раза приступим к традиционной игре в вопросы и ответы.

Медленно и тихо начала она рассказывать. Писала на доске, изредка перебивала себя вопросом: «А почему так? . .» Немного подумав, продолжала дальше. И было такое впечатление, что рассказывает она не какой-то знакомый, выученный давно материал, а будто он рождается в эту минуту.

В середине урока на ее бледных, почти прозрачных щеках проступил чуть заметный румянец. Она вдохновлялась все больше и больше.

Никто не перебил ее. Никто не помешал ей сделать научное открытие. Никто даже не заметил, как быстро пролетел урок.

Шульгин сцепил замком руки на затылке и слушал учительницу. . . Но что это? В одном из уравнений — ошибка. Он уже хотел было подсказать ей, но Виктория Сергеевна положила мел и отошла к столу.

— Все ли у меня правильно, не ошиблась ли я?

Несколько человек, в том числе и Шульгин, подняли руку.

— Слушаю, — обратилась она к Витковской.

— У вас там в уравнении при извлечении корня. . .

— Спасибо. . . Что у вас? — обратилась она к следующему.

— То же самое. . .

— А у вас, вы тоже поднимали? . .

— И у меня то же, — сказал Шульгин.

Учительница улыбнулась и села к столу.

— Молодцы, — сказала она. — Я это сделала специально. Зато я теперь знаю, что на вас можно положиться: ошибусь — подскажете. . . Назовите, пожалуйста, мне ваши фамилии, я хочу поставить «отлично». . .

В этот день в восьмом «А» только и разговоров было, что о новой учительнице. Многие девочки преобразились: они старались разговаривать и держаться так, как Виктория Сергеевна. А парни почему-то и на других уроках обходились без реплик и восклицаний. Даже Ионин и Аристов перестали играть в футбол.

«Неужели и она через несколько десятков лет будет с таким трудом нести по улице картошку?» — подумал о ней Шульгин.

Партия Медведя

В автобусе было много свободных мест. Они сели у окна. Шофер выбился из графика и теперь наверстывал упущенное время. Шульгин молча следил, как они обгоняли трамваи и троллейбусы. А Витковская, словно из благодарности, что Шульгин взял ее с собой да еще согласился пойти на репетицию, рассказывала ему о новом танце, который ставила им Евгения Викентьевна.

— Прошлый раз ты репетировал с нами литовский танец. А мы кроме этого начали «Лесную сказку». А может быть, со следующей недели начнем и «Новенького». . .

— Выходим, — сказал Шульгин и пошел к двери.

— Помоги же, — попросила Витковская — она не торопилась сойти с подножки.

Шульгин протянул руку, и она, опершись, легко спрыгнула на асфальт.

— Экий ты недогадливый, не то, что Валерий.

— И правда, — сказал Шульгин, подходя к больничной двери. — Постой, я скоро. . . А если долго пробуду, не жди, я потом приду.

— Нет. Я хочу с тобой.

Шульгин вздохнул и открыл дверь. Подошел к овальному окошечку, за которым сидела седая девушка. Спросил:

— Можно пропуск к Устинову?

— Устинов. . . Устинов, — повторяла девушка, пока искала эту фамилию по спискам. — Вы кем ему приходитесь?

— Соседи мы, но. . . он просил, чтобы я пришел.

— К нему нельзя, молодой человек, только близких родственников пускаем. Пусть взрослые приходят. Вам нельзя.

Шульгин медленно подошел к Витковской.

— Ой, Сережа, что же делать? Помочь ведь мы ему не поможем?

Он молча кивнул и пошел за ней к выходу.

Они приехали к Дворцу культуры, быстро сняли пальто и поднялись в зал. Первой вбежала Витковская. Остановилась у двери и посмотрела на Евгению Викентьевну, которая в этот момент что-то объясняла танцорам.

— Простите, пожалуйста, за опоздание, мы...

— Да, Лариса, быстро! А где Сережа?

— Вот же он! — радостно показала Витковская на Шульгина.

Евгения Викентьевна подошла к нему.

— Кто к нам пришел во второй раз, придет и в третий. Мы тут посоветовались с ребятами и решили дать тебе партию Медведя. Трудно будет, но мы поможем.

— Спасибо, но...

— Никаких «но». Бегом переодеваться — и приступим... Так, встали на «Лявониху»... И-и, начали!..

Пианист ударил по клавишам, несколько пар закружились в танце.

— Идем, — шепнула Витковская. — Нас ждут.

Они забежали в дверь за роялем. Витковская втолкнула Шульгина за перегородку, и здесь он увидел одежду парней, которая была аккуратно развешана на специальной стенке. Внизу стояли спортивные сумки и обувь.

— Веселей, пожалуйста, в линию, в линию, — доносился голос Евгении Викентьевны. — Ровнее круг. Молодцы!

Ее звонкий голос заставлял торопиться и Шульгина. А когда он переоделся и вошел в зал, Витковская уже была здесь. Она приседала у станка и красиво отводила в сторону руку, сопровождая ее взглядом.

— Становись позади, — сказала она. — Делай то же, что и я.

На них никто не обращал внимания, и Шульгин подчинился. Но казавшиеся простыми в исполнении Витковской упражнения не получались у Шульгина. И все-таки он старательно копировал то, что делала она. И думал: «Зачем я здесь, когда меня Анатолий Дмитриевич звал в больницу?.. Ничего, надо воспитывать себя. Каждый человек собирает иногда волю, чтобы уметь ждать».

К нему подошел свободный от танца Валерий. Показал, как нужно держать руку, а затем оттянул носок и сделал грудь колесом.

— Выпрямись, посмотри туда, в верхний угол, и плечи разведи. Ты что, замерз?.. Видишь, какая у нее линия? Держись так же, не горбись. И оживешь!

— Теперь — кадриль! — объявила Евгения Викентьевна. — Быстро, не останавливаться, начали! Веселее, с характером!.. Корпус! Положите корпус и голову на зрителя... А руки мягче! Нос — назад, на зрителя!! Молодцы! Отдыхаем.

Шульгин посмотрел на ребят и встретился взглядом с Наташей. Она улыбнулась и кивнула ему. И он кивнул. И тут же покраснел и отвернулся.

К Витковской подбежали девушки. Они там стали о чем-то разговаривать и смеяться. А рядом с Шульгиным появился Обносов. Как бы между прочим, спросил:

— Ты че на меня пер в прошлый раз?

— А, и ты здесь? — удивился Шульгин. — Я думал, после таких моментов, как тогда, больше не приходят.

— Сегодня после репетиции по мозгам получишь. Я такие вещи не прощаю. Запомнил?

— Послушай, — не выдержал Шульгин, — ты не знаешь, почему навоз дурно пахнет?

Обносов подобрал губы и наклонил голову, словно собирался боднуть. Сказал, прищурив глаза:

— Ты пожалеешь об этом.

Он засвистел какой-то марш и отправился бродить по залу. Иногда останавливался, заговаривал с кем-нибудь из ребят и показывал лицом на Шульгина. Те или улыбались, или отходили в сторону, даже не глядя, куда он показывал.

«Это у него такая психологическая атака. Примитивно», — подумал Шульгин.

В этот день они еще много раз повторяли танец. Евгения Викентьевна была довольна, что у Шульгина так быстро все получается. А Сережа, хотя и радовался ее похвалам, старался не показать этой радости. К тому же, встретившись взглядом с Наташей, он видел, что она как-то не так смотрит на него, не так, как другие, а потому смущался и поскорее переводил глаза на Витковскую...

После репетиции Шульгин, Витковская и Головко вышли на улицу. И тут же увидели Обносова. Он стоял чуть в стороне, и по всему было видно, готовился исполнить обещанное.

— Почему домой не идешь? — спросила Витковская.

— А вот поговорю с этим, тогда и пойду, — кивнул он на Шульгина.

— Только тронь, — сказал Валерий. — У него есть такие друзья...

— Постой. Я с ним сам, без друзей, — сказал Шульгин. Он был недоволен, что Валерий пытается застращать Обносова. — Говорят, оба моих деда подковы голыми руками гнули, путы

голыми руками рвали. Неужто во мне от них ничего не осталось?.. Ну, что ты хочешь мне сказать? Ударить хочешь? Бей первый!

— Идем под арку, — мотнул головой Обносов.

— Подождите здесь, — попросил Шульгин Валерия и Витковскую.

— Нет, мы тоже с тобой, — сказала Витковская. — Нечего этой обезьяне руки распускать.

— Я прошу вас, — твердо сказал Шульгин.

Они остались, а Шульгин пошел с Обносовым под арку. Здесь было темно, дул пронизывающий ветер. Обносов остановился и негромко свистнул. И тут же со двора вошли двое парней — Шульгин понял, что это неспроста. Попятился назад, но те быстро окружили его. Маленький крепыш с черными усиками под носом заговорил первый:

— Значит, по-твоему, навоз дурно пахнет, да? А ты — ангел, от тебя лишь французскими духами несет?.. Извинись перед Боней! Встань на колени и проси прощения.

Крепыш и Обносов стояли против Шульгина. Сзади — еще один. На улице его ждали Валерий и Витковская, и было бы стыдно броситься наутек, оставив их одних против этой компании.

«Если я ударю усатого и сразу Обносова — путь свободен, я выскочу на улицу. Там будет проще...»

— На колени! — прохрипел усатый и тут же ударил Шульгина в лицо. Шульгин пошатнулся и неожиданно сам нанес два удара; левой — усатому в лоб, правой — Обносову в челюсть. Они отлетели в стороны, а на Шульгина бросился третий. Зашаркали подошвы об асфальт. Витковская вскрикнула:

— Дерутся!

Вместе с Валерием они бросились под арку и увидели, что Шульгин, прижавшись спиной к стене, отбивается от наседавших на него парней.

— Ах, мерзавцы! Кучей на одного! — закричала Витковская и сама кинулась на помощь. За ней последовал Валерий. Он толкнул в спину ближайшего парня, и тот, потеряв равновесие, ткнулся в стену. Витковская сорвала с головы другого парня шапку и стала хлестать ею по лицу. Шульгин, увидев, что пришла неожиданная подмога, сам перешел в атаку, и вскоре вся тройка, возглавляемая Обносовым, позорно выскочила на улицу и помчалась по проезжей части. Один из парней чуть не угодил под грузовую машину, — завизжали тормоза, шофер успел свернуть в сторону.

— Ну, шпана, допрыгаетесь! — заорал он на Шульгина и Витковскую и погрозил в открытое окно кулаком. Взревел мотор, машина поехала дальше.

Несколько секунд все трое следили за красным огоньком под кузовом машины. Когда он скрылся вдали, Витковская повернулась к Шульгину:

— Какой ты молодец, что проучил этого болвана! И мы с Валерием не оплошали, правда?.. Ой, у тебя кровь!

— Пустяк, — сказал Шульгин, вытирая ладонью губы. — Это он сразу мне, а потом они мало попадали.

Витковская достала из кармана платок и сама приложила его к губам Шульгина. Улыбнулась и произнесла:

— Оказывается, ты не только быстро бегаешь, Сережа, но еще умеешь и постоять за себя.

Шульгин посмотрел на Валерия и пожал плечами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Давно, во время войны

Если бы можно было одним словом охарактеризовать жизнь нашего героя в последние два месяца, то, наверное, этим словом было бы «подготовка». Шульгин готовился к первым экзаменам. Готовился к первому концерту. И конечно же, не забывая о своем соседе, готовился навестить его в больнице.

От родителей он знал, что Анатолию Дмитриевичу сделали

операцию, но здоровье его по-прежнему «висит на волоске» — лечиться нужно было раньше...

Итак, Шульгин постоянно к чему-то готовился и был постоянно чем-то занят. Однако, возвращаясь с Витковской и ее партнером после занятий в ансамбле, он замечал, что время не стоит на месте, что весна медленно переходит в лето, что на деревьях появились нежно-зеленые листья и что старый асфальт на тротуарах пучится, трескается от бьющей из-под него травы.

— Ты любишь, Сережа, весну? — радостно спрашивала Витковская.

— Ага, — отвечал Шульгин. — Но зиму — больше.

— Почему это?

— Комаров нет, — отвечал Шульгин. — И мухи не летают...

Витковская слушала его и смотрела на Валерия. И в глазах ее поселялись бесенята. Через секунду и Витковская и ее партнер начинали хохотать, а Шульгин молча поглядывал на них и удивлялся: в чем это они нашли столько смешного?..

В школе он по-прежнему больше всего молчал. Его не пугали ни предстоящие экзамены, ни повышенная строгость учителей. Наполеоны к нему заметно охладели. Теперь они чаще говорили о билетах и последнем звонке и совсем редко — о кактусах, мотоциклах и фотоаппаратах. Они никуда не приглашали его, не звонили, словно бы он совершенно перестал существовать.

Это не только не огорчило его, но даже обрадовало — не нужно было тратить время по пустякам.

Приходя домой, он по-прежнему с глубокой нежностью поглядывал на диван. Но теперь все реже удавалось ему нырнуть под одеяло — некогда...

Как-то вечером, когда он все-таки выбрал свободную минуту и метнулся к дивану, вошел отец. Присел рядом и сказал:

— Был у соседа. Ему полегчало. Завтра можешь и ты сходить — он просил...

— Я давно хочу, — сказал Сергей и даже разволновался.

На следующий день после занятий Шульгин приехал в больницу.

Дежурная медсестра выдала ему халат и проводила в палату.

Анатолий Дмитриевич лежал у окна. Улыбнулся и прикрыл глаза. Обрадовался. Его руки теребили розоватую крахмальную простыню. Забинтованная голова глубоко утопала в подушке.

Палата была большая. Кроме Анатолия Дмитриевича здесь лежали еще семеро.

— Сестричка, — простонал у стены толстый мужчина, — принеси, пожалуйста, воды. Меня жажда мучает.

— Никакой воды, — быстро сказала медсестра и подошла к больному. — Вы и так злоупотребляете... И вас прошу, товарищи: не поите его, это может плохо кончиться, — вот я и поильник у него заберу, — она подняла с тумбочки белую чашку с носиком, как у чайника.

— Я буду главному жаловаться, — простонал толстяк. Его руки в нетерпении полезли по одеялу на гору живота, он пытался сцепить пальцы и не мог.

— Жалуйтесь, — сказала медсестра и вышла.

Шульгин присел на табуретку рядом с Анатолием Дмитриевичем.

— Как вы себя чувствуете?

— Как на собственных похоронах... Врачи этого не говорят, а я точно знаю — долго не протяну. Я рад, что ты пришел, ты сядь поближе.

Он поморщился от боли. Прикрыл глаза и стал говорить так тихо, что Шульгин еле разбирал слова. Шевелились только губы. Его помертвевшее лицо почти не участвовало в разговоре, оставаясь восково-неподвижным.

— Пить, — попросил толстый мужчина.

— Мне очень плохо, Сережа... Помнишь, я говорил, что хочу тебе кое-что рассказать. Кроме тебя — некому. Многих в своей памяти перебрал, а ты один остался. Знаю, мой рассказ не принесет тебе радости, потому что в моей жизни этой радости не было. У тебя будет другая жизнь, но ты должен знать... Так вот, по порядку... До войны я был чуть постарше тебя — ветер в голове, туман! А началась война, одногодки мои — кто добровольцами в военкомат поехали, кто с отступающими красноармейцами ушли.

— Дайте пить...

— В деревне я жил, восемнадцать годков стукнуло. И девушка была. Кто в регулярных войсках не оказался, тот в партизаны ушел. А я будто и не вижу ничего и не слышу... Тут и немцы прикатили. Вроде просыпаться начал. А проснулся я уже не я, а полицай: в форме, с винтовкой...

— Кто? — переспросил Шульгин.

— Полицай, — повторил Анатолий Дмитриевич и вгляделся в глаза Шульгину — понимает ли? — Это те наши, которые к немцам служить пошли...

«Вот гнида! — подумал Шульгин, отодвигаясь в сторону. — И у этой гниды я подарки брал, чай пил...»

— Ты не торопись осуждать, ты слушай дальше... Батька мой до Советской власти кулаком был — раскулачили. Добро отобрали, а ненависть осталась. Вот он меня тут же и вклинил к немцам — собственными руками мстить хотел. «Ступай, ступай, — кричал, — новый порядок начинается! Надо моменту не упустить — большим человеком при немцах станешь».

Поначалу я даже обрадовался — пистолет на боку, власти много — с неделю гоголем ходил. А потом понимать начал — страшно стало. Думаю, придут партизаны, застрелят, как собаку... Пришел к своей девушке, Любой звали... Без отца выросла, семья у них большая — одних сестер шестеро. И брат на фронте. Думал, поговорю с ней, может, еще не поздно в лес уйти. А она не захотела ни разбираться, ни слушать. Как

увидела: «Вон, — говорит, — немецкая сволочь. . .» Ну, тем решила и свою судьбу и мою. . .

Шульгин вздрогнул и отшатнулся. Вгляделся в лицо Анатолия Дмитриевича. Это было даже не лицо, а круглый провал в бинтах, на дне которого поместился нос, губы и глаза.

«Он сошел с ума! — пронеслось в голове. — Нужно уходить. . . Почему он рассказывает мне, при чем тут я? . . «Сосед наш — темная лошадка. Может, в прошлом какой-нибудь уголовник. . .» — вспомнил он слова отца.

Неприятный холод прошел по спине Шульгина. Стало душно.

— Долго переживал, что она со мной так поступила. И злоба обуяла, и мстить хотел, и все-таки жалел ее, потому что любил. А весной сорок второго нас партизаны густо обсели. Кончилась и власть наша беспредельная и покой. Тут мне кто-то и говорит: мол, твоя бывшая Любка с партизаном Бахтиным любовь крутит, вроде как бы связная у него. . . Застрелить хотел. Но не одну, а так, чтоб обоих вместе. Много ночей у ее дома простоял, все ждал, когда она с Бахтиным встретится. И вот однажды слышу: идут — трое впереди, двое сзади. И Бахтин с ними — рослый парень был, сразу узнаешь. Трое в хату вошли, двое у дома стоят — охраняют. «Ну, — думаю, — своего атамана на свидание привели». Аж зубами скрипел от злости и беспомощности. . .

Утром пошел к старосте и сказал, чтобы он и Бортник Любку в списки внес. . . Через два дня ее вместе с другими девушками села в Германию на принудиловку отправили. . . Под Минском, в Крупице, мемориальная доска висит. На ней имя и Бортник Любы. Сожгли ее в Освенциме. . .

«Он же фашист! — пронеслось в голове Шульгина. — Он убил человека, девушку. . . Нужно уходить. . . Почему он рассказывает мне, при чем тут я? . . «Может, в прошлом какой-нибудь уголовник», — снова вспомнил слова отца.

— И понял: теперь у меня только одна дорога — с немцами. Так и шел по этой дороге, пока не увидел, что приходит конец. Они проиграли войну, а я — свою жизнь. Хотел за границу податься — не вышло. Жил и дрожал: вот дознаются, вот схватят. За это, браток, по головке не гладят. Может, и не расстреляли бы, потому что я у немцев не особенно старательным был — только на побегушках. . .

«При чем тут «они»? . . При чем тут заграница? . . Разве там нужны такие подонки? . .»

Анатолий Дмитриевич замолчал и несколько секунд лежал с закрытыми глазами. Шульгину даже показалось, что сосед

больше не заговорит, и обрадовался, что можно будет уйти. Он повернулся к двери, чтобы позвать медсестру, и увидел там высокого человека — тот стоял в сером плаще и без халата.

— Вам кого, гражданин? — спросил кто-то из угла.

Мужчина не ответил. Внимательно оглядел Шульгина и вышел в коридор.

«Может, ищет кого?» — подумал Шульгин и повернулся к соседу.

Анатолий Дмитриевич открыл глаза, прошептал:

— Хоть бы досказать. . . Когда война уже к концу шла, уговорили трое моих сослуживцев на одно дело. Видели, не слепые были, что скоро и немцам и нам — каюк. Сначала я не хотел: все трое такие головорезы были, столько народу постреляли, что если ты всю войну в Красной Армии воевал, а потом только один день с этими — все равно бы повесили. . . Но тут как раз случай выпал: узнали мы, что немцы везут золото в Берлин. Собирались отправить самому фюреру для расходов на армию. . .

— Пить, кто-нибудь. . . пить. . .

— Про это золото разное говорили: и что у партизан отобрали, и что нашли место, куда часть Золотого запаса Белоруссии была припрятана. Говорили, что это золото в начале войны увозили с другими ценностями из Минска. Одну машину разбомбили немцы. В спешке собрали, что могли, а тут — танки. Ну, эти, что сопровождали, не подбирали мелочь, основное бы схватить. Один ящик с золотом спрятал какой-то колхозник. . . Не знаю, как там они нашли у него, только того колхозника повесили под крышей собственного дома, а к золоту приставили своих, нас не подпускали. . .

— Прошу вас, дайте воды. . .

— Нельзя вам, Константин, думайте о чем-нибудь другом,— сказал пожилой мужчина, приподнимаясь на локте и роняя на пол газету.

— Вот мы и порешили их. Забрали золото и — в лес. Подумали о партизанах — за такое дело они могли бы и простить. Да не все этого хотели, боялись. Тронулись по лесу. Надеялись к вечеру выйти на аэродром — там у одного из наших знакомый немец летчик был. Думали, подговорим его захватить самолет и махнем в какую-нибудь дальнюю страну. Да не тут-то было — у самого аэродрома на партизана нарвались. И как мы не заметили его в кустах? Мальчишка, совсем пацаненок. «Стой, — кричит, — стрелять буду!» Ну, один из нас пальнул из пистолета и положил пацана. Бежать бросились. А следом — партизаны. . .

— Что вы там шепчетесь? — веселым голосом спросил бородач из своего угла. Видно, соскучился и теперь искал собеседников. Он держал у лица наушник и смотрел на Шульгина.

— Мы не шепчемся, — сказал Шульгин. — Просто разговариваем.

— Ладно, ваше дело. Тут все можно. Правильно я говорю?

— Правильно, — поторопился кивнуть Шульгин. Он видел желтое, заросшее короткой седой щетиной лицо Анатолия Дмитриевича и чувствовал, что становится жутко рядом с этим человеком. То ли в бреду, то ли, наоборот, в ясном сознании рассказывал он страшную историю своей жизни. Что-то похожее Шульгин видел в кинофильмах, но там все было в прошлом, а не наяву, лицом к лицу, как сейчас.

— Не обращай внимания, слушай. Мне уже ничего не страшно. Хватит, отбоялся... Все прочь... Прочь! — вскрикнул он. Лицо его сморщилось, будто он собирался плакать. — Столько выпало! И на одного... За что?

— Тише, Анатолий Дмитриевич, — попросил Шульгин. Он думал о том, что все, кто находились в палате, слышат Анатолия Дмитриевича. Он стыдился признания бывшего полицая, стыдился быть здесь, у постели убийцы...

— Ты иди, пацан, а то он устал от разговоров. Зайдешь в другой раз, когда ему полегчает, — сказал бородатый и кивнул на дверь.

— Я пойду, Анатолий Дмитриевич. Может, врача позвать?

— Мне уже никогда не полегчает. Останься, я не буду, — как ребенок, вдруг произнес Анатолий Дмитриевич. — Я тебе главного не сказал. Никому не говорил, даже этим бандюгам, когда они пришли ко мне домой и чуть не убили. Это они тогда, помнишь, перед больницей?.. А если и тебе не сказать, то уж больше и некому... Бежали мы, бежали из последних сил. Золото на мне было, они сперва и держались рядом. А партизаны все ближе, ближе. Стрелять начали. Я видел, как одному нашему, кто первый бежал, разрывная пуля в затылок попала — почти весь череп снесло, так что он и остался там лежать. Тут кинулись от меня те двое в разные стороны — не до золота, когда земля под ногами горит. Кусты пошли, и, чувствую, потеряли меня и мои и партизаны. Опустился возле дуба — яму кинжалом выкопал — решил спрятать золото. А потом вернуться, если придет пора. Закопал и только отошел с километр, вижу, снова бегут. Не стреляют,живьем хотят взять. Хлопец я здоровый был, кинулся, как лось, так что не догнали...

— Пить, прошу, кто-нибудь воды...

— Удалось уйти... Пошатался после войны по городам. Фамилию, имя поменял. Потом переехал сюда, на работу определился и остался жить. Город большой, спрятаться легко... Лет двадцать даже думать не хотел о том, что в лесу оставил. И наконец решился. Поехал под Минск — там это было. Туристом оделся, пошатался по лесу, да не нашел того места. Мои ноги там будто деревянные от страха становились, каждый шаг с мукой делал.

Вернулся. Думал, следующий раз дольше пробуду, но и потом все так же. Несколько раз ездил, а ничего не выходило — с годами трусом сделался... Да и был трусом... Ты посиди, я передохну малость?

Глаза его, желтые, с покрасневшими белками, слезились и дрожали, будто просили пощады. Он словно бы завидовал своему молодому соседу, который, полуоткрыв пухлые губы, нервно слушал его признание.

— Потом нашел. Откопал. Даже достал, в руках держал. И, помню, тупость мной овладела — ни двигаться не хочется, ни думать. Потому что никакого права я на это золото не имел и не буду иметь. И даже если заберу его, оно не сделает меня ни на грамм свободнее, а только еще больше закрепостит и душу сильнее стиснет... Бросил обратно в яму и ушел.

— Зачем же было оставлять, если оно вам не принадлежит? — спросил Шульгин. — Нужно было привезти и...

— Что «и»?.. Прийти с повинной и признаться, кем был во время войны? Никакое золото не спасет, все равно расстреляют. А я молодым был, на будущее надеялся. Не так просто, Сережа, умирать человеку, не видевшему счастья... Открой тумбочку и возьми листок. Я утром план нарисовал, где приблизительно закопал. Автобус из Минска «Товарная станция — деревня Паздерки». Я тут все, что мог, написал. Только ты не особенно доверяй. Ищи дуб, а невдалеке колодец. Он уже почти зарос. Еще рядом была сосна с обломанной верхушкой... Я убил не только Любу Бортник, я убил и самого себя...

Шульгин, не совсем понимая, что делает, открыл тумбочку и достал узенькую полоску бумаги — то ли из блокнота, то ли из записной книжки. На ней черными чернилами были написаны кривые слова, а на поле, очерченном неровной дрожащей линией, стояли знаки. Шульгин не разглядывал. Сложил листок вчетверо и сунул в карман.

— Я тебе рассказал, теперь это твоя тайна. Я выхожу из игры. Кончилась моя жизнь..Отмучился. Все без утайки рассказал. Распорядись тайной, как можешь. Расскажи, кому

тебе покажется нужным. Никогда только не оставайся один, пропадешь. Все тебе завещаю. Это все, что у меня есть — моя тайна и моя правда...

Он замолчал и медленно закрыл глаза. И тут же снова открыл. Теперь его взгляд казался более решительным.

— И последнее: в кладовке, в рюкзаке, лежит ключ от шкафа. В шкафу под бельем мой пистолет. Достань его и принеси мне. Принесешь?

— Я постараюсь.

— Пить хочу, дайте пить...

— Вот, будто живой воды просит, а мне и она не поможет... Или можно спастись, а, Сережа? — дернул он головой, и глаза его осветились каким-то желтым, словно бы потухающим светом.

«Не поздно ли спохватился, гад? — подумал Шульгин. — И что тебе даст теперь это спасение?..»

— Принеси золото, и я признаюсь... Хоть поздно, хоть в конце повинюсь, а? Хоть помру свободным... Ты послушай меня... В шкафу, в кармане пальто — деньги. Много денег, тебе хватит на дорогу. Ты возьми их и съезди в лес. И поищи. Найдешь — привези мне. И я признаюсь. Я могу и так признаться, но с золотом будет лучше. Для меня лучше... А пистолет возьми с собой. На всякий случай, мало ли что?.. Я буду ждать тебя. И ты спасешь меня, голубчик, я знаю, что спасешь, — говорил он, медленно закрывая глаза и словно бы проваливаясь еще глубже в свои бинты.

Шульгин машинально повернулся к двери, где несколько минут назад стоял высокий мужчина. Но там теперь никого не было.

В палату вошла медсестра, и бородач показал ей на Анатолия Дмитриевича.

— Ему опять хуже. Прогоните пацана, что он ему покоя не дает?

Медсестра посмотрела на Шульгина и подошла ближе. Поправила Анатолию Дмитриевичу подушку, послушала пульс и, спрятав его руку под одеяло, повернулась к Шульгину.

— Все, молодой человек. На сегодня достаточно.

Шульгин встал. Не глядя на медсестру, тихо сказал:

— Я к вам приду.

Услышав голос медсестры, толстый мужчина сдвинул свою большую голову на край подушки и особенно ясно и вежливо проговорил:

— Сестричка, как я рад, что ты пришла. Меня жажда мучает...

Шульгин вышел из палаты. Быстро сбежал по лестнице. В гардеробе сдал халат и надел куртку.

«Ну, гад, ну, скотина!.. Хотя при чем тут гад? Он — полицай, и ничего не может быть хуже этого!.. Но почему же он рассказал это мне? Почему не попросил врачей, чтобы они позвали милицию или кого-нибудь еще, у кого и возможностей больше, чем у меня, и сил? Но ясно, что есть люди, которые знают о золоте и подбираются к нему. Это его дружки-полицаи...»

Как поступить?

Шульгин свернул на свою улицу и неожиданно встретил Достанко и Зимичева. Они что-то несли в бумажных пакетах и громко разговаривали. Шульгин хотел пропустить их, чтобы не останавливаться, но они сами его заметили.

— Привет, снежный человек! — сказал Достанко.

— Кактусы? — поинтересовался Шульгин.

— Нет, ангелочков с крылышками завернули, — сказал Достанко. — Хочешь, тебе парочку преподнесем?

— С миру по нитке собираете?

— Ага. По нитке. Чтобы оставить миру целую рубаху! А ты откуда, житель тундры?

— Сосед болеет, в больницу ездил.

— Доктор нашелся, — хмыкнул Зимичев.

— При чем тут доктор? — спросил Шульгин, чувствуя, как его тайна уже вертится на языке, а рука пробирается в карман, где лежит вчетверо сложенный листок.

— Где Поярков? — спросил Шульгин.

— Мы не знаем... Кажется, пошел на свидание к Ладыниной. В последнее время он о ней только и думает. Может, скоро во Дворец бракосочетания позовет... Впрочем, нас он теперь не интересует, — сказал Достанко.

— Ни он, ни Дворец бракосочетания, — подтвердил Зимичев.

— Так что, если хочешь, можешь занять место в нашей обойме.

— Повременю, — сказал Шульгин, твердо решив пока не рассказывать им о своей тайне.

— Будь здоров, — сказал Достанко. — Не унывай! А завтра, если хочешь, заглянем ко мне, поработаем над билетами по геометрии — скоро экзамен!..

Они пошли, довольные и беспечные, а Шульгин поглядел им в спины, хотел побежать за ними, но тут же передумал и бросился домой.

«Скорей, — торопил он себя, — скорей же! Если дома — никого, я найду пистолет! . .»

Открыл дверь и увидел маму. Понял, что поиск откладывается. Снял куртку и направился в свою комнату. Но мама остановила:

— Сынок, ты был у соседа? Как он себя чувствует?

Шульгин опустил глаза. Медленно произнес:

— Плохо ему. Не надеется, что выздоровеет. Нужно было раньше думать о своем здоровье.

— Может быть, просил что-нибудь из еды? Может, фруктов ему?

— Нет, мама, не просил. Ему ничего не надо.

— Он, наверно, выглядит ужасно? Похудел?

— Не знаю, лица почти не видно из-за бинтов.

— В следующий раз обязательно спроси, что ему нужно.

— Спрошу, — сказал Шульгин.

Мама села шить. Он понял, что это надолго. Вышел в коридор, постоял у кладовки, не решаясь открыть ее и поискать в рюкзаке ключ. Подходил к двери, брался за ручку и снова отходил. Садился в кухне на табуретку, смотрел в окно и ничего не видел, потому что думал об Анатолии Дмитриевиче, о ключе и о том, что в шкафу под бельем спрятан пистолет.

«Принеси пистолет»,— вспомнил Шульгин. — А что ему теперь остается? — подумал он. — По его словам можно понять, что никогда в жизни он не был самостоятельным, взрослым. Будто от него ничего уж совсем не зависело. . . Вечно за него решали, кем ему быть. Не сам к немцам пришел, а «батька вклинил». Немцы должны были сделать или не сделать его «большим человеком». Партизаны должны были его прощать или не прощать. . . А сам он что? Даже дорогу к партизанам должна была указать ему девушка. . . И даже теперь он не сам распоряжается своей страшной тайной, а перекладывает ее на мои плечи».

Но что-то же он делал и сам? . . Пустяки, если не считать, что он сам не поехал добровольцем в военкомат. Сам не ушел в партизаны. Сам отправил девушку на смерть. . .

«Я принесу ему пистолет!» — Шульгин встал и решительно направился к кладовке. Открыл дверь, поднял рюкзак и вытащил из кармана ключ — маленький, с квадратным ушком. Повесил рюкзак на гвоздь, вышел из кладовки и открыл дверь в комнату соседа.

Комната прибрана — мама Шульгина навела порядок. Он закрыл дверь и повернул ключ. Быстро отомкнул дверцу шкафа и сунул руку под белье. И тут же пальцы прикоснулись к холодному металлу.

Шульгин вытащил пистолет. Несколько секунд смотрел на него, боясь что-нибудь тронуть. Эта вещь мгновенно соединила его с прошедшим временем, с войной — он представил себя бегущим в атаку на врагов. . .

Ему показалось, что за дверью раздался какой-то стук. Он сунул пистолет обратно, закрыл шкаф и вышел из комнаты. Вернулся к себе и стал учить историю. Но в голове все так перепуталось, что он не мог прочитать ни строчки. Взгляд блуждал по тексту, и перед ним снова и снова вставала больничная палата, Анатолий Дмитриевич, пистолет. . .

«Проще всего — принести ему пистолет. И пусть застрелится, раз прожил такую подлую жизнь. Но ведь он попросил, чтобы я принес и золото? Зачем ему золото? Нужны ходули, чтобы казаться выше? И существует ли оно на самом деле? А если существует, как его найти? . .»

Он закрыл учебник и снова вышел в коридор. Мысль о пистолете не давала покоя. И тут появилась мама.

— Сынок, что ты в темноте делаешь?

— Я. . . повторяю про себя.

— Пойди, сядь к учебнику и сосредоточься. Придет отец — будем обедать.

«Скорей бы уж. Я бы позвал его к себе и рассказал. Доверить такое можно только отцу. Он посоветует, подскажет, как поступить. Может, даже предложит отправиться вместе и найти золото. . . А вдруг — нет? Вдруг он поступит иначе? Сразу же пойдет в милицию и передаст им все, что скажу ему я? А заодно обрадуется, что не зря всю жизнь подозревал соседа. . . Нет, с отцом пока рано, пусть подождет. Ему сказать никогда не поздно, а тут нужно пошевелить мозгами самому. . .»

Отец и мамина знакомая, кучерявая блондинка Надежда Яковлевна, появились почти в одно и то же время.

— О-о, какие вы молодцы, что успели к ужину, — сказала мама.

Снимая плащ, Надежда Яковлевна посмотрела на Шульгина и восхитилась:

— А мы все растем и растем?! Сколько уже сантиметров?

— Не знаю, зимой сто восемьдесят девять было.

Шульгин-старший разделся и сказал:

— Заезжал к нашему соседу, но поговорить не удалось. Сказали, что у него уже сегодня был посетитель. Передал

апельсины... Врач говорит, что ему теперь лучше, но поручиться за его здоровье пока не может.

— Это кто? Отсюда? — показала Надежда Яковлевна на дверь соседа. — Значит, срочно подайте на расширение жилплощади... Как на это посмотрит исполком?

— Надя, — укоризненно посмотрела на нее мама Шульгина. — Человек болен, а ты...

— Когда умрет, будет поздно. У вас же пять человек, если считать и Витю. А скоро и шестой появится, куда вы всех денете?

— Мы эту проблему решили — дали молодоженам на кооператив, — сказал отец.

Надежда Яковлевна посмотрела на него, как на чудака. Покрутила головой и сказала нараспев:

— Не говорите об этом так,будто заранее опускаете крылья. Нужно попробовать, походить, авось и оставят. У многих давно уже больше нормы, а ничего, не отбирают.

Она часто поглядывала на маму Шульгина — искала поддержки. Но та молча разливала щи, будто этот разговор ее совершенно не трогал.

«Интересно, — подумал Шульгин, — если бы мама знала то, что знаю я, поддержала бы она Надежду Яковлевну? А папа?.. Вряд ли. Одно другого не касается...»

Зазвонил телефон. Шульгин быстро выскочил в коридор и снял трубку.

— Сережа? Это Лариса... Ты не забыл, что завтра у нас генеральная репетиция?.. А после репетиции зайдем ко мне, ладно? Ты ведь у меня еще не был?

— Зачем? — спросил Шульгин, испугавшись этого приглашения.

— Я тебя познакомлю с мамой и старшей сестрой. Они уже давно хотят тебя видеть. Договорились? Ну, отлично. До завтра в школе.

В трубке раздались гудки, и только теперь он вспомнил, что завтра нужно быть у соседа. Телефона Витковской он не знал, а потому положил руку на аппарат и задумался. Можно было позвонить кому-нибудь из одноклассников и узнать. Но он не стал. Решил, что не поздно будет и завтра сказать ей, что у него неотложное дело...

Направляясь в школу, Шульгин почувствовал, что сегодня он стал другим. Уже не только высокий рост отличал его от большинства учеников. Неожиданное признание соседа совершенно сковало его — он только и думал о том, как поступить.

«По сути, для меня Анатолий Дмитриевич был неплохим человеком. И относился ко мне нормально. В любую минуту к нему зайди — он и слова найдет, и вопросы задаст такие, что отвечать интересно. Разве можно было подумать, что это — полицай?.. Но понимает же он, что наделал! И мучается, страдает... А если все-таки помочь ему теперь? Он достаточно наказал сам себя...»

От этой мысли Шульгин даже приостановился. Даже вытер платком лицо, будто проделал тяжелую работу и вспотел. И тут же двинулся дальше.

«Ужасно это, — думал он. — Один из моих самых близких людей оказался предателем. И мне нужно решать, как поступить... Скорее в школу, и я посоветуюсь с друзьями!»

Но тут он встал, будто перед пропастью, — Шульгин понял, что друзей у него нет. Может быть, только Витковская? Но друг ли она? И притом девочка, разве расскажешь? Она так любит свою хореографию, что даже не подумает всерьез о тайнике... Ну, посоветует рассказать взрослым. И тогда взрослые сначала арестуют Устинова, а затем снарядят экспедицию — грузовики, фургоны, людей, — поедут, отыщут, и все. Часть золота, что украла у народа война, будет возвращена народу, бывший предатель наказан — чего лучше?!.

«Нет, донести на него — последнее дело, — подумал Шульгин. — Нужно попробовать самому освободиться от груза, который перевалил на мои плечи сосед. Понял же он, что прятаться всю жизнь нельзя... Не выдал же он тайну бывшим полицаям? Значит, уже сделал один шаг к своему освобождению. Остался еще один, самый главный!»

Шульгин понимал, что сама жизнь дала ему возможность разобраться в трудном деле.

«Разбирайся, пока Анатолий Дмитриевич в больнице, — думал он. — Но что будет, если не сегодня-завтра он вернется домой? Как жить дальше с таким соседом?»

Он вышел на последнюю прямую перед школой, и тут его осенило. Шульгин понял, что прежде всего нужно отыскать золото.

«Правильно! — думал он. — Золото я привезу Анатолию Дмитриевичу и скажу: «Вот все, что я мог сделать для вас. Теперь вы должны во всем признаться. И назвать имена оставшихся полицаев. И даже если вас осудят, все равно это будет вашим спасением...»

Окрыленный этой идеей, Шульгин подумал о наполеонах — они могли бы оказаться хорошими помощниками. И тут же сказал себе: «Спокойно, Шульгин. Пока тайну знаешь только

ты, она твоя. Сначала поговори еще раз с Анатолием Дмитриевичем. Может быть, он признается еще до того, как я отправлюсь в лес? . .

Вот мама говорила, что у меня есть еще два-три свободных года, в которые можно решать, думать, сомневаться. . . Какие там годы, когда нужно решать уже сегодня, сию минуту, — потом, может быть, и для меня, и для всех будет поздно. . .»

Только на ступеньках школы, встретившись с Витковской, он вспомнил о генеральной репетиции.

«Может быть, я расскажу о своей тайне Ларисе. Но не теперь, вечером. . .»

Один в магазине

После генеральной репетиции они вышли вдвоем, потому что Валерий убежал раньше — ему нужно было успеть за сестренкой в детский сад. Витковская и Шульгин остались одни. Медленно шли по городу, разговаривали. То есть говорила Витковская, Шульгин как всегда молчал.

— Вот видишь, как быстро ты нас догнал? А послезавтра — твой первый концерт! Скажи честно, волнуешься?

— Было бы из-за чего?

— Значит, ты плохой артист. Хорошие артисты всегда волнуются. Даже ночи не спят!

Шульгин смотрел на Витковскую, как на ребенка, и постепенно заражался ее весельем. И хотя ему казалось противоестественным говорить сегодня о таком незначительном событии, как предстоящий концерт, все же сказал:

— Ты не переживай, не подведу.

— Я в этом абсолютно уверена. Потому что ты, когда захочешь, можешь быть замечательным парнем, Сережа. И это я поняла совсем недавно.

Шульгин не ожидал таких слов. Он даже пошел медленнее. И ему захотелось тут же рассказать Витковской об Анатолии Дмитриевиче, о разговоре с ним, о золоте. Но Витковская, взглянув на широкие витрины ювелирного магазина, продолжала:

— Давай зайдем? Если бы у меня было много денег, я бы купила колечко с вишневым камешком. Я уже видела его, но очень дорого стоит, — она вздохнула, — сорок рублей! . .

— Ты любишь золото? — спросил Шульгин.

— Я люблю красивое. . . А вообще в моем представлении,

настоящее богатство — это книги. Вот входишь в дом, а там по всем стенам — стеллажи с самыми лучшими книгами. Весь дом из книг!

Она поднялась по каменным ступенькам и скрылась в магазине. Шульгин медленно пошел за ней.

Народу в зале было не так уж много — лишь у одного прилавка теснился женский люд. Там же была и Витковская. Она вглядывалась в витрину, и Шульгин остановился недалеко, прислонившись к стенке.

Витковская подозвала продавщицу. Постучала пальцем в стекло, что-то сказала. Продавщица наклонилась, а затем выдвинула широченный ящик и подала Витковской овальную коробочку. Две толстые высокие женщины тут же склонились над Витковской, и все трое стали разглядывать, что было в коробочке.

Ему теперь не было видно, чем там занималась Витковская — может быть, примеряла. И поэтому он с любопытством разглядывал серого длиннохвостого кота, который возлежал на пластмассовом столике за продавщицей. Кот был тощий, совсем не такой, каких видел Шульгин в своем продовольствен-

ном магазине. Там котищи выглядели не хуже продавцов из мясного отдела.

Одна из толстух наконец отошла. Теперь было видно, что Витковская любуется надетым на палец колечком. И, кроме пальца, для нее в эту минуту больше ничего не существовало.

Шульгин зевнул и поежился от скуки — он понял, что Витковская забыла о нем. А если и не забыла, то все равно не могла бы теперь повернуться, чтобы взглянуть в его сторону.

Он опустил глаза — непривычно было смотреть на согнутую спину Витковской. И тут же спохватился — на мгновение показалось, что он попал в беду... Тогда он перенес Витковскую в своем воображении над каменными кварталами города и осторожно опустил на пол танцевального зала... И вот уже Витковская, радостная и красивая, пляшет «Сукцинис». «Тут ты на месте, — подумал он. — А я что делаю в этом магазине? Надо уходить отсюда, уходить...»

Кот вытянул вперед лапы и зевнул. Встал, повернулся задом наперед и снова лег. От Витковской отошла и вторая толстуха, а она все еще не снимала колечка.

«Жаль, нету сорока рублей, я бы подарил...»

— Вы посмотрели, девушка? — спросила продавщица.

— Сейчас, сейчас, — говорила Витковская.

Шульгин не мог это видеть. Он медленно пошел к выходу. Спустился по каменным ступенькам и стал ждать на улице.

Тут же вышла и Витковская.

— Где ты? — весело спросила она. — Я думала, что ты в магазин зайдешь, чего стоять под дождем?

— Душно там,—сказал Шульгин и поднял лицо к дождю...

Нет, поделиться тайной с Витковской он не мог...

Разрыв

Шульгин совершенно растерялся, когда его не пропустили к Анатолию Дмитриевичу. Отошел от окна, за которым сидела седая девушка, и остановился перед большими электрическими часами с прыгающей стрелкой.

«Вот как бешено скачет время, а я все еще не сдвинулся с места... Надо упросить ее, чтобы пропустила, хотя бы на несколько минут».

Он повернулся и тихо сказал:

— Мне очень нужно, всего на три минуты?

Седая девушка подняла на него глаза, покачала головой и так же тихо произнесла:

— Я понимаю. Но он без сознания...

Весь долгий вечер он думал: что делать, кому рассказать о своей тайне? Мысленно он повторял и повторял слова соседа: «Принеси золото, и я признаюсь...» И тут же перед глазами вставала девушка, которую он предал и которую сожгли в Освенциме. Она не оставалась одинаковой, часто менялась: то маленькая и темноволосая, как Витковская, то высокая и беленькая, как его сестра Тоня.

«Ты и так признаешься, — закусив до боли губу, сказал он Устинову. И тут же спохватился: — А если сосед пролежит без сознания несколько дней? Если меня к нему не пустят и завтра, и послезавтра? А бывшие полицаи разгуливают по городу или подбираются к золоту?.. Или он сам передумает и скажет им, где нужно искать?.. Нужно срочно ехать. И я найду с кем. А если и не найду, то у меня есть пистолет, который поможет в трудную минуту!..»

Уснул он с головной болью. Утром, даже не позавтракав, помчался в школу...

Когда умолк самый последний в году школьный звонок, восьмой «А» закричал: «Ура-а!» Раздались аплодисменты, кто-то даже свистнул. Все понимали: сдать экзамены — и свобода!

Громче всех кричали наполеоны. Шульгин посмотрел на них и решил: «Сейчас или никогда!»

Он подошел к ним и,дождавшись, когда они набирали воздух для нового рева, сказал:

— Хватит орать.

Наполеоны раскрыли рты и переглянулись. Они не ожидали этого визита и теперь молча уставились на Шульгина.

— Поговорить надо.

— О чем это? — спросил Достанко.

Шульгин вывел их в коридор и, остановившись у окна, медленно произнес:

— Мне нужны трое помощников.

— Зачем это? — спросил Достанко.

— Чтобы отправиться за тайником. Недалеко от Минска, в лесу, закопано золото. Нужно его найти и привезти сюда.

— Докажи, — сказал Достанко.

— Что-то новенькое, — медленно проговорил Поярков и встал ближе к Шульгину.

— Итак, ждем доказательства? — торопил Достанко.

— Идемте, — качнул головой Шульгин и первым направился к выходу.

Шли быстро. Кое-где припускали бегом, словно догадываясь, что сегодня — особенный день.

Вошли в квартиру — никого. Шульгин привел их в свою комнату. Вытащил из кармана листок. Расправил на столе.

— Вот... Нарисовал Анатолий Дмитриевич, мой сосед.

Все трое посмотрели на кривые линии и чернильные каракули, покрутили бумажку и уставились на одноклассника.

— И за этим ты нас привел? — поморщился Достанко.

— Да, — сказал Шульгин. — Здесь тайник, который остался в лесу еще с войны... — Он рассказал им все, что знал сам.

Ребята молча слушали, изредка поглядывая на полуизмятый листок на столе. Когда рассказ подошел к концу, Достанко сказал:

— Скотина твой сосед, всю жизнь о собственной шкуре думает.

— Что же он сам не нашел? — спросил Поярков.

— Он нашел, да боялся...

— Что о нем теперь говорить — он в конце концов получит свое, — сказал Достанко. — А мы, если найдем, — поживем на славу!

— Я ничего не утверждаю, — сказал Шульгин. — Но с войны кроме него остались еще двое полицаев. Они разыскали Анатолия Дмитриевича и теперь следят за ним и требуют, чтобы он сказал, где оставлено золото. Они даже били его.

— Послушай, Серый, не морочь голову, — произнес Поярков. — Или представь более веские доказательства.

Шульгин махнул рукой, приглашая их следовать за ним. Открыл кладовку и достал из рюкзака ключ. Вчетвером вошли в комнату Анатолия Дмитриевича.

Пустая клетка у открытой форточки чуть покачивалась от ветра. Со шкафа свесился угол старой пожелтевшей газеты.

Шульгин открыл шкаф. Попросил Достанко приподнять белье. Осторожно достал пистолет и сказал:

— Вот...

— Настоящий, — то ли спросил, то ли уточнил Поярков.

— Ты что, не видишь? — сказал Достанко почему-то шепотом. — Интересно, заряжен?.. Дай-ка, Серый, я когда-то из мелкокалиберного бахал.

Он взял пистолет, отвернул в сторону. Что-то поделал пальцем — послышался щелчок — сдвинул предохранитель. Направил в пол и медленно нажал курок. В комнате грохнуло. Поярков мгновенно побледнел, а Зимичев сделал шаг назад, будто пошатнулся.

— Сила! — сказал Поярков и стал разглядывать в паркете круглую дырочку. — Дай попробовать. Только не в паркет, вот, в табуретку.

— Я сам, — сказал Шульгин и забрал пистолет. Прицелился и спустил курок.

— Хватит, не губите патроны, — сказал Достанко. А Зимичев даже восхитился, чего с ним никогда не было:

— Вот это пуха — первый раз такую вижу!.. Надо ехать!

Закрыли шкаф. Быстро вышли из комнаты. Долго разглядывали пистолет.

Достанко вытащил обойму, и в ней оказалось еще пять патронов.

— Для себя оставлял, — сказал Шульгин.

— Зачем? — спросил Достанко.

— А что ему оставалось, если бы узнали, кто он?

— Для этого семь патронов не нужно, — сказал Поярков. — Достаточно одного.

— Он просил, чтобы я принес пистолет ему в больницу.

— Зачем?

— Не знаю. Но потом передумал и стал просить, чтобы я принес золото.

— Все правильно: сидеть на скамье подсудимых не в одиночестве, а рядом с мешком, набитым золотом, — больше веса. А там, глядишь, и снимут что-нибудь, по крайней мере, «вышку» не дадут, — сказал Поярков.

— Надо ехать, — сказал Зимичев.

— Верно, — подтвердил Достанко. — Сегодня разыщем денег, а завтра отправимся. Медлить нельзя.

— Деньги есть, — сказал Шульгин. — Устинов говорил, что у него в пальто много денег... Вот, — вытащил он пачку пятерок и рублей из кармана. Когда посчитали, оказалось девяносто два рубля. Решили, что на дорогу этого хватит, а на еду они достанут у родителей.

— Зря ты, Зима, своему брату послал, теперь бы денежки пригодились, — сказал Достанко.

— Найдем еще, если надо, — быстро проговорил Зимичев.

— Захватим перед самым отъездом, — сказал Шульгин и опустил деньги обратно в карман пальто.

— Только не забудь, — предупредил Достанко. — Этот листок-план я беру себе, так надежней будет. А то Шульгин у нас такой деятель, что и потерять может, — вон как измял.

Он расправил листок на столе, а затем аккуратно сложил и опустил во внутренний карман пиджака.

Шульгин задумался. Выходило, что завтра он не явится

на концерт. Но дело, которое он задумал, было важнее. И он сказал:

— Решено. Только мне нужно предупредить Витковскую, что завтра я не приду на концерт.

— Дался тебе этот концерт, — сказал Достанко. — Что ты нашел?

— Не что, а кого, — поправил Поярков. — Витковскую!

— А ты знаешь, что она затащила тебя туда, поспорив с Достанко? — бухнул Зимичев.

— Не может быть... Ты врешь! — проговорил Шульгин.

Он думал, остальные наполеоны тут же подтвердят, что Зимичев врет. Но этого не случилось. Более того, Поярков медленно обошел вокруг стола и, усмехнувшись, сказал:

— Извини, Серый, но ты чудак... Я думал, знаешь... Она же с Колькой поспорила, что сумеет расшевелить тебя. Сначала и мы пробовали, но видим, она тебя к рукам прибрала, и отступили... А ты не знал? Спроси, — кивнул он на Достанко. — С какой стати нам врать? Или можешь спросить кого угодно из класса — перед Восьмым марта было... Так что скоро наш уважаемый Коля будет с ней рассчитываться.

Поярков говорил это спокойно и насмешливо. Он то близко подходил к Шульгину, то удалялся от него и смотрел в окно.

Шульгин засопел, опустил голову и мрачно спросил:

— Зачем вы мне об этом сказали?

— Чтобы знал, кто твои истинные друзья. И чтобы тебя не дурачили, как последнего дурака. И вообще я бы давно плюнул на этот ансамбль. Особенно теперь, когда у нас есть тайник, — сказал Достанко и по-братски положил Шульгину на плечо руку.

— Да при чем тут тайник? — спросил Шульгин.

— При том, что плюнь ты на этого полицая. Он и пикнуть не посмеет. Ему и пистолет не нужен, и так подохнет... А мы, если отыщем, знаешь, как заживем! Купим по мотоциклу, по кожаной куртке. Каждому — «Соню». Поселимся где-нибудь в пригороде, в палатке — знаешь, как поживем? На всю жизнь — память!

— А я бы нет, — проговорил Зимичев. — Если б много денег получил, к брату бы в армию съездил. Аж в Забайкалье!..

Поярков тихонько хихикнул и сказал:

— Вы рассуждаете, как дети. Неужели не ясно, что это золото нужно сдать государству? Так поступил бы любой нормальный человек.

— Ну, часть государству, а часть себе, — возразил Достанко. — Так было бы еще нормальнее...

Шульгин собирался иначе распорядиться тайником. И теперь, услышав от Достанко о мотоциклах и кожаных куртках, понял, что постучался не в ту дверь.

— Да, — произнес он. — Конечно. И все-таки, зачем вы мне об этом сказали?

— Чтобы не спал, снежный ты человек, — сказал Достанко. — Чтобы, наконец, был с нами. Особенно теперь, когда

нужно срочно искать тайник. Стоит тебе сказать Витковской, что ты не явишься на концерт, и она с тебя шкуру спустит. Так что и ехать будет не в чем.

Шульгину не нравился этот тон. С ним разговаривали свысока, словно он был ребенком или не совсем нормальным человеком. Он походил по комнате, скомкал лист, где был обозначен тайник, и сунул его под книгу. Смерил взглядом Достанко и спросил:

— И вы спорили из-за меня?

— Ну, спорили. Человеком хотели сделать.

— Меня? Человеком?! — захохотал Шульгин. — Как сами?

— Ну, хотя бы.

— Значит, вы лучше меня, да? На каждого из вас можно хоть сейчас пришлепнуть знак качества? . . Да ведь я пошутил, ребята. А вы и правда подумали? — снова захохотал Шульгин и пустился в пляс. — А пистолет я туда нарочно подложил, его отец с работы принес. У железнодорожного охранника испортился. А батя когда-то работал на оружейном заводе. Вот охранник и дал ему починить.

Он тут же увидел, что они поверили. И уже негодующе смотрят на него, уже на шее Достанко появились красные пятна.

— За такие шуточки можно и схлопотать, — сказал он и пошел к двери. — Идем, ребята. А на будущее знай, Серый, — мы тебе не друзья. И даже если Дрон наточит на тебя зуб, — помощи не жди.

Шульгин захохотал пуще прежнего. Он смотрел, как они друг за дружкой покидали квартиру. Только Поярков приостановился и внимательно взглянул на Шульгина. Он словно не хотел уходить, словно понимал, что оставлять Шульгина одного нельзя.

— Стойте, парни, — громко сказал он. — По-моему, заврался Шульгин. По-моему, он теперь врет. . .

— Ну и плевать, если он себя ведет, как разобиженная девица, — сказал Достанко. — Подумаешь, из-за него поспорили! Черт с ним и с его тайником. И вообще, я смотреть на этого дылду не могу, у меня он уже три месяца в печенках сидит. . . Зря спорил!

— Да погоди ты, — сморщился Поярков. — Можно вместе в школу махнуть, поговорить для начала с Викторией Сергеевной, она толковая, поможет. . .

Достанко дернул его за рукав и вытащил на лестницу. Дверь захлопнулась. Несколько секунд оттуда доносились возня и шум. И сразу стало тихо.

Шульгина охватила тревога. Он почувствовал, что теряет что-то важное и нужное для себя. Сел на стул и тупо уставился в пистолет. Он думал о Витковской. Мысленно он поздравлял ее с победой в споре. Нет, он больше никогда не пойдет в ансамбль, и это совершенно ясно. Хватит. И ни о чем не спрашивать Витковскую. Просто не замечать ее, может быть, даже обходить стороной. И все. И точка. . .

Раздался телефонный звонок — Шульгин вздрогнул. Быстро вышел в прихожую и снял трубку.

— Сереженька, это я, Лариса! . . Ты не представляешь, что сейчас было! . . Такие прелести мы с Валеркой, такие молодцы! . . Только что звонила Евгения Викентьевна. Оказывается, к нам на генеральную репетицию приходил руководитель хореографического ансамбля «Голос юности». Мы ему понравились. И он нас приглашает в свой ансамбль, меня и Валерку. А это знаешь, какая высота?! Это уже международный уровень!

— Поздравляю, — сказал Шульгин.

— Что значит «поздравляю»? Это же не так говорится. Или ты ничего не понимаешь, или не умеешь радоваться за других. . . Какие все кругом молодцы, какие все замечательные! . . Через десять минут я буду у сквера. Так что жди меня!

«Все, хватит. Сегодня с ней поговорю », — решительно подумал Шульгин и вышел из дома.

Витковскую ждать не пришлось. Они пошли мимо размокшего от дождя садика, мимо гастронома с разноцветной подсветкой в витринах. Вышли на площадь.

— Хочешь мороженого? — спросил Шульгин, не решаясь заговорить о главном.

— Боюсь ангины. У меня уже два раза была ангина, и оба раза я падала в обморок.

— Закаляться надо.

— Вот еще! Чем мучиться всю жизнь, окунаясь в ледяную воду, лучше купаться в тепленькой и раз в три года переболеть ангиной. . . У меня сегодня такой день, такой счастливый день! . . Мне кажется, ты этого не понимаешь.

— А что тут понимать? Тебя пригласили в знаменитый ансамбль.

— Просто нужно работать и работать, — сказала она очень серьезно. — И тогда все получится. Если бы мне четыре года назад сказали, что со мной случится такое, я бы не поверила. Ох, сказала бы, ох-ох, такое не бывает, я уже не маленькая, чтобы верить в сказки. А тут!

— Не все ли равно, где танцевать?

— Эх, Сережа. Я и говорю, что ты не понимаешь. Тут признание. Значит, я могу! А это очень важно, в любом деле очень важно! Без этого ничего не бывает... Чудно! Может случиться, что стану настоящей танцовщицей. И все это я сама, сама. Без хореографического училища!.. Давай прогуляемся по набережной! Я так люблю вечернюю Неву.

У парапета стояли рыболовы. Курили и молча смотрели на поплавки — думали о своем. Посреди реки шел маленький белый теплоход. На его палубе сидели две женщины. И встречный ветер разбрасывал по плечам их волосы.

Погуляли по набережной, свернули в тихую улицу недалеко от дома Витковской, и тут Шульгин сказал:

— В ансамбль я больше не пойду.

— А что случилось?

— Этот твой вечный партнер Головко... Все время кажется, что я мешаю. Такое чувство, что,когда я пришел в ансамбль, у вас что-то нарушилось...

«Что я говорю? — думал он. — Я с ума сошел, я же хотел совсем не это».

— Ты дурак, — сказала Витковская. — Дурак, дурак...

— Может быть, — сказал он и свернул в другую улицу.

— Сережа, ты не прав... Постой, Шульгин, — крикнула она.

Ему было стыдно, и он даже не оглянулся. Медленно шел вперед, не обращая внимания на слова Витковской. Она сделала несколько шагов за ним. Остановилась. Потом побежала к своему дому. Она меньше всего понимала, что произошло. Она уже давно забыла о споре с Достанко...

А Шульгин шел и думал: «Зачем же так, Витковская, получилось? Я же хотел совсем не это».

Еще можно было вернуться и догнать ее. Можно было объяснить, что получилось не так, как хотелось. Он даже остановился и посмотрел назад. Но Витковской уже не было.

Решение

Шульгин долго ходил по своей улице, но домой так и не зашел. Вспомнил о сестре, о Вите, вскочил в троллейбус и поехал к ним.

Он радовался, что наконец нашел людей, которым он может рассказать все, что знает об Анатолии Дмитриевиче и тайнике, и которые поедут с ним и помогут найти золото.

«Конечно же они, только они! Как это я раньше о них не подумал? . . То есть вряд ли Тонечка сможет — она ждет ребенка, ей не до путешествий. Но Виктор — тот прирожденный искатель! Ого-го! . . Тот сразу согласится! А с ним бы я пошел! . .»

Он взбежал по деревянной лестнице на второй этаж и постучал в дверь.

— Открыто! — крикнул Витя.

Он вошел.

— Ба, кто к нам прибыл! Входи, мой дорогой, я сейчас кофе поставлю.

Он вскочил из-за стола, где читал книгу, поздоровался за руку.

— Скоро и Тонечка придет. . . Занятия в школе кончились?

— Кончились. Завтра — консультация по математике.

— Отлично! И сразу — к нам. Отметим знаменательное событие — три года со дня нашего с Тонечкой знакомства.

— Вряд ли, — сказал Шульгин. — У меня теперь мало времени — экзамены на носу, и вообще некогда.

— Все лежишь на диване и думаешь, думаешь, как лучше спину почесать?

— Не только, — улыбнулся Шульгин. — Бывает, что и другая славная мысль случайно забредет.

— Например?

Шульгин вспомнил, как обрадовались наполеоны, узнав о тайнике.

— Например: куда бы потратить миллион?

— Ну, уж это действительно славная мысль. Особенно когда этого миллиона и в помине нет.

Они рассмеялись.

— Я слышал, ты в хореографию пошел, — улыбнулся Витя, поглаживая пятерней бороду. — Знатное дело — пластика, ритм, движение. Нравится?

— Ничего, ребята у них подготовленные. Двоих в «Голос юности» взяли.

— А тебя?

— Меня в цирк возьмут, там на моей голове дрова колоть будут.

— Подожди, расскажешь. Я только пойду кофе заварю.

Шульгин пересел на диван и стал разглядывать комнату. Маленькая, с одним окном, с наклоненным, будто катальная горка полом, с книгами на широкой самодельной полке — Достоевский, Блок, Лесков, Твен, Гончаров, Есенин. . . Портрет Тони — чуть наклонила голову, смотрит внимательно и будто сказать что-то хочет.

На стуле — ее платье, голубое с белым воротничком. На металлической спинке кровати — ее кофта с заштопанными локтями. Шульгин прикоснулся к ней, погладил.

Вошел Виктор.

— Экзаменов не боишься?

— Нет, любопытно только, ведь ни разу не сдавал.

— А потом?

— Не знаю. Мне техника не нравится. Я бы после десятого — снова в первый. Интересно?

— По-моему, не очень. Какой смысл? Надо что-нибудь попробовать самому, а не вечно учить то, что придумали до тебя.

— Что придумали?

— Ну, все: законы вывели, романы написали, картины нарисовали.

— Ты счастлив?

Витя посмотрел на Шульгина и наклонил голову точно так же, как сестра на портрете.

— По крайней мере, я имею все для того, чтобы быть счастливым.

— А деньги?

— Ну, и деньги. Может быть, не в той мере, сколько хотелось бы, но все же. . . А почему ты об этом спросил? Впрочем, теперь у нас и деньги есть. Твои родители дали нам три тысячи на кооператив. Так что, как видишь, мы с твоей сестрой богатые люди.

— Это не деньги, это мелочь, — сказал Шульгин, уже чувствуя, что снова начинает говорить не о том, но продолжая двигаться в разговоре по инерции.

— Ох ты! Ну и дал! Что же для тебя деньги?

Шульгин не ответил. Потрогал корешок Твена и сам спросил:

— А вот если бы у тебя было громадное количество денег, что бы ты с ними делал? Например, сто тысяч?

«Какую чепуху я несу! Ведь я знаю, что делать, — подумал Шульгин. — Нужно ехать в лес, нужно кому-то рассказать, нужно помочь Анатолию Дмитриевичу освободиться от той жути, в которую он сам себя загнал. Но как это сделать? . . Очень просто — начать и все. Начать! . .»

Витя захохотал, откинул голову.

— Такого быть пока не может. То есть я не хочу сказать, что таких денег у меня никогда не будет. Говорят, я способный, так что черт знает — у кого-то же они оседают?! Но вот если бы теперь столько — ох ты, даже не знаю. . . Наверное, помогал бы молодым художникам. Выделил бы им стипендии. Платит

же государство стипендии спортсменам? А почему и художникам не платить?.. Нет, пожалуй, обиделись бы, если бы я им стипендию. Лучше всего купить у них картины. Ну, по хорошей цене, чтобы поддержать их. Правда, все не скупишь — слишком много написано. Да все и не надо. И организовал бы «Музей молодой живописи», а?.. Давай, а там посмотрим, может, и с толком потратим?

Шульгин опустил голову и произнес:

— Нет у меня таких денег, это я сбился в разговоре... Зато можно поехать в лес и найти тайник. Во-первых, спасти золото, а во-вторых, помочь одному человеку...

И он рассказал Вите все, что знал сам. Он думал, Витя загорится желанием поехать с ним. Но Шульгин ошибся.

— Нет, — сказал как-то очень легко Виктор, будто речь шла о том, покупать эскимо или нет. — Меня такого рода имущество не интересует. Это все бред больного человека. За доверие спасибо, но у меня много работы. Думаю, у тебя найдется немало желающих.

— Я думал, ты нормально отнесешься...

Витя походил по комнате, поднял со стола чашку с кофе. Что-то изменилось в нем, он весь будто напрягся. Но по его улыбке можно было понять, что он не принимает всерьез предложение отправиться в лес.

— А я нормально отношусь. В твоем возрасте каждый ищет клад. Я тоже мечтал найти горшок с монетами. Что ты! Каждую ночь во сне видел, как достаю этот горшок из какой-нибудь старой стены. Но горшок и ныне там... Чуть позднее — другой крен — стал искать неизвестную картину гениального мастера. К любой подделке приглядывался — а вдруг?! Но и тут промах. Думаешь, успокоился? Нет. Остаюсь вечным кладоискателем. Только теперь я — умный. Ищу не чужие тайники, которых остается все меньше и меньше, а свой собственный, в самом себе. Это труднее, но результативнее. Вот-вот выйду на него, осталось несколько шагов. И тогда, может быть, стану художником. Мне теперь каждый день — во как нужен, — провел он рукой у шеи. — А ты сбиваешь на неверный путь...

— Отказаться можно было бы и короче...

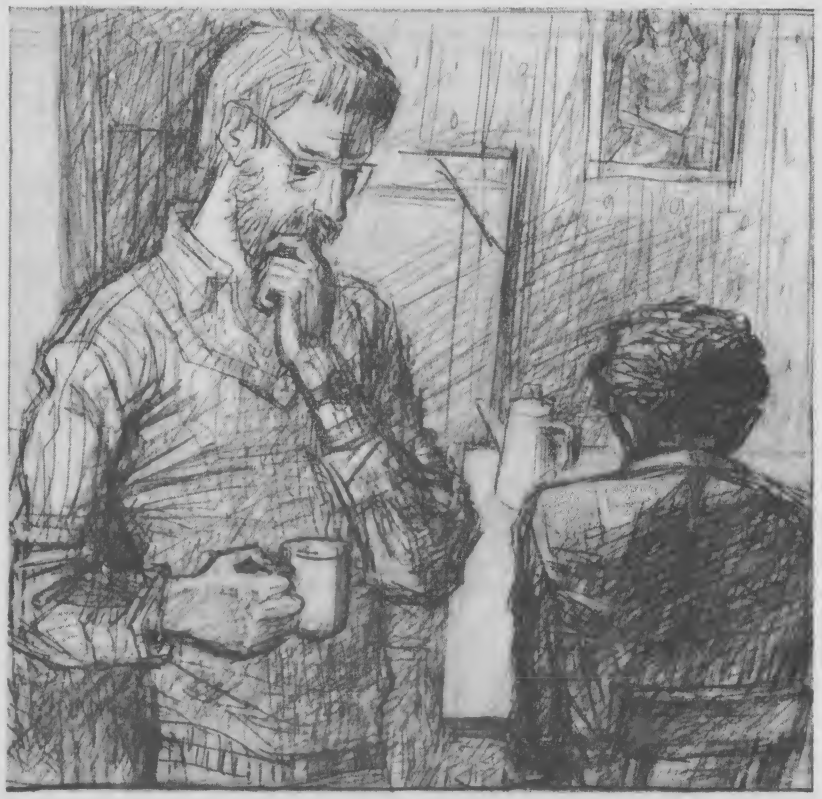
Витя захохотал и взял себя за бороду. Веселыми глазами посмотрел на Шульгина. Лукаво подмигнул и пригласил к столу:

— Садись ближе, старина, выпей кофе.

Шульгина это обидело. Он поднялся и пошел к двери.

— Постой, Сережа, — тихо произнес Виктор. — Ведь это серьезное дело, и тут надо принимать какие-то срочные меры.

— Ну? — почти выкрикнул Шульгин.



— Тут, недалеко от нас — отделение милиции. Давай сходим, — расскажем? По-моему, с такими людьми, как этот ваш Анатолий Устинов, нужно поступать значительно проще.

— Да как же проще?! Неужели ты не понимаешь, что это не подходит? Милиция кинется к Устинову, арестует, и что? Золото — в лесу, полицаи — на свободе, а сам Устинов только расхохочется и скажет: «Докажите!»

— Вот тогда и надо ехать в лес.

— В том-то и дело, что надо ехать сейчас, немедленно, пока он не передумал. И не рассказал бывшим полицаям... Все-таки он не остался гадом, пытается хоть в конце жизни что-то поправить. Вот и пистолет просил в больницу — для чего?.. И вообще он всю жизнь ко мне нормально относился, а если просит помощи...

— И значит, ты хочешь найти золото и отдать его бывшему полицаю?

— Да...

— Подожди! А потом бывший полицай передаст это золото властям, признается, кем был во время войны, и тем самым придет с повинной?

— Вот именно, — кивнул Шульгин. — И он будет свободным.

— Ну уж дудки. За его прошлое посадят!

— Пусть так. Но и тогда он будет свободнее, чем сейчас. Пойми, он привык к своему одиночеству и страху. И ему теперь не сдвинуться с места. Мы только поможем ему, поможем не совершить подлость, а, наоборот, освободиться от нее. Кроме того, только он один знает о тех полицаях... Давай, Витек, поедем, а? Я знаю, нужно с Витебского вокзала.

— И никому ничего не сказав?

— Да. Мы с тобой. У нас и пистолет есть!

Виктор задумался. Он поглядывал на Шульгина так, как будто впервые видел. И все же, несмотря на то, что он поверил в существование тайника, все же не принял идеи отправиться вдвоем. Это он считал глупостью.

— Знаешь что, — наконец сказал он, — чем больше я об этом думаю, тем яснее понимаю, насколько опасное это дело... Где, ты сказал, этот лес?

— Я не говорил. Скажу, когда отправимся...

— Гм... Не доверяешь?.. Давай подождем до утра. Придет Тоня, я должен ей объяснить, что уеду на несколько дней. Я бы поступил некрасиво — сорвался из дома и не предупредил. Кстати, а почему бы нам не рассказать твоему отцу?

Шульгин помотал головой.

— Он всю жизнь подозревал в нем бывшего уголовника. А если узнает, то и разговаривать не станет — сразу в милицию...

— Нет, Сергей, по-моему, ты все страшно запутал. Нужно к этому подойти проще и серьезнее. Я понимаю, что такие вопросы решаются не каждый день, но все же можем и мы что-нибудь решать... В общем так, утром — я у вас. А ты расскажи отцу. Если сам не расскажешь, то придется это сделать мне. Тут не до шуток. Ты рассуждаешь, как ребенок, — раз ко мне хорошо относился, значит, я должен ему помогать. Убийца он, Сережа. Предатель и убийца. А ты решил о нем заботиться. Да его и теперь в самый раз — к стенке!

— Ему, когда началась война, было восемнадцать лет. А во-вторых, он сам себя уже давно поставил к стенке. Я знаю

его всю жизнь. И знаю, как он жил все эти годы. Ему нужно помочь спастись, и я помогу.

Виктор понял, что у Шульгина действительно созрел план спасения и золота и Анатолия Дмитриевича, и теперь переубедить его было невозможно.

— Итак, утром я у вас. Часов в семь.

— Я буду ждать...

Шульгин ушел. Но чем ближе подходил к дому, тем яснее становилось ему, что нужно срочно предпринимать какие-то меры. Он и так потерял слишком много времени. Уже рассказал о тайне четверым, и безрезультатно...

После ужина Шульгин отправился к себе и лег на диван. В соседней комнате засмеялись родители — отец рассказывал что-то веселое.

«Сейчас они там закончат, и я позову его. Он разберется, что делать. Мы с ним придумаем... Что придумаем? Поедем в лес? Или все-таки пойдем в милицию?.. Нет, не то, не то...»

Думать о будущем он еще не умел. Легче было вспоминать прошлое, когда он, не обремененный заботами и тайнами, жил наедине с собой. И всегда рядом были эти двое таких разных мужчин — Анатолий Дмитриевич и отец.

Анатолий Дмитриевич интересовался жизнью Шульгина: спрашивал о школе, об учителях, о товарищах. Отец же призывал сына разделить его собственную жизнь, его заботы, удачи и неудачи. Он щедро делился своей жизнью с сыном, тогда как Анатолий Дмитриевич, обрекший себя на существование узника, только наблюдал жизнь других...

«Нет, отец и слушать не станет, чтобы ему помогать... В блокаду погибла его мать, моя бабушка Марья. И его старший брат, дядя Саша, — на фронте. И сам он вырос в детдоме... Не будет, не будет он ему помогать...»

Перед рассветом Шульгин встал с дивана и оделся. Подумал было зайти в комнату соседа и взять из пальто деньги. Но тут же махнул рукой, подошел к столу и взял из ящика двадцатипятирублевую бумажку — мама дала на пиджак к выпускному вечеру. Сунул в карман. Прислушался — в комнате родителей было тихо. Осторожно вышел в коридор и направился в кладовку. Снял рюкзак, надел соседову штормовку, взял фонарик и тихо вышел на лестницу.

«Утром явится Виктор. Конечно, он расскажет отцу, о чем мы с ним говорили. Но я буду уже далеко».

Шульгин вышел на улицу — темно, накрапывает дождь. Людей не видно, лишь в узком переулке застыл черный кузов легковой машины...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наглухо к дереву

Шульгин поднял лицо кверху, к небу. И только теперь почувствовал, что идет дождь. Капли попали в глаза — он заморгал и опустил голову. Все та же боль в перетянутых шнуром руках. Прикрученные наглухо к дереву, они затекли. В них медленно и тяжело толкался пульс — кровь старалась пробиться дальше по телу и не могла...

Прислушался. Верхушку терзал ветер, и дерево покачивалось, вздрагивало — он чувствовал это спиной.

«Я ничего не вижу, — подумал он. — Может, они что-нибудь сделали с лицом? Ослепили меня, а я не почувствовал?.. Нет, это было бы слишком больно, и я бы знал, что ослеп... Нужно было этих гадов... по одному, пока держал в руках пистолет. Даже когда сбили с ног, нужно было ногами их в рожу, головой в глаз... Где они сейчас? Уходят, убегают, гадюки. Дурак, дурак! Ведь знал же я, кто они. И ждал, надеялся. Как же можно было?..»

Впереди в темноте что-то зашуршало, зашумело, будто кто-то пробирался сквозь густой кустарник.

Шульгин затаил дыхание. Шорох раздался ближе, и он услышал шаги.

«Все, добивать идут», — мелькнуло в его сознании.

Напрягая зрение, вглядывался в темноту и вдруг заметил двигавшуюся гору. Это был лось — Шульгин скорее понял, чем увидел его. Даже расслышал частое тяжелое дыхание. Видно, лось долго скитался по лесу и устал.

— Подойди, милый, отвяжи меня, — попросил Шульгин.

Лось остановился, наклонил голову, но тут же прыгнул в сторону и, ломая кусты, помчался дальше.

Шульгин рванулся за ним и застонал от боли. Он дергался и рвался, пока боль не наполнила тело и голову тысячами раскаленных игл, а к горлу подступила тошнота. Чтобы ослабить боль, выпрямился, прижался к стволу. Руки немного сдвинул вниз, стало легче. Он охрип от крика и решил ждать рассвета, чтобы снова звать на помощь. Верил, что кто-нибудь утром обязательно услышит и спасет.

«Как же было с самого начала не понять, чем это кончится? — подумал он. — Что ж, хоть за это спасибо, объяснили... Но все-таки я жив, потому что слышу, как падают мне на лицо капли дождя. Мне больно стоять. Я чувствую, как живет мое тело. Вот и дерево раскачивается из стороны в сторону, будто хочет сдвинуться и пойти по лесу».

Он переступил с ноги на ногу и до крови закусил губу, пытаясь справиться с рыданиями. Не получилось. Тихо застонал и захлюпал носом, как ребенок. Он слушал, как высоко над головой по верхушкам деревьев ходят волны дождя.

«А эти клопы уйдут. Может, только на границе их остановят. Но не такие они болваны, чтобы не знать, куда идти и что делать. Если уж приехали к тайнику, то все продумали. Не то, что ты, олух... Как же не заметить было, что они следят?..»

Задрожал подбородок, а к глазам подступили слезы. Несколько минут медленно покачивал головой, ни о чем не думая, впадая в забывчивость. Он не жалел себя. Он был себе противен. И не мог себе простить, что пошел один.

Захотелось пить. Поднял голову и ловил редкие капли, пока не понял, что так не напиться.

Он думал о том, что эти двое были постоянно рядом с ним — в Ленинграде, в поезде, на автобусной станции.

«Они держали меня, как снайперы, на прицеле...»

Шульгин перебирал в памяти всех, кого встретил по дороге сюда,— три старухи с эмалированными ведрами, парни в студенческих куртках с эмблемами и еще какие-то люди без особых примет. Коренастого и молчуна среди них не было.

«Да если бы я и увидел каких-то подозрительных типов, разве это бы меня остановило? Но я бы догадался кому-нибудь сказать, что за мной следят. И тогда все было бы просто... А что касается дороги в автобусе, то, кроме веселого деда с петухом, и вспомнить некого. Такой художественный образ — век не забудешь».

На коленях у деда сидел красный петух и задумчиво поглядывал в окно то левым, то правым глазом. Дед смеялся беззубым ртом и через голову петуха рассказывал байки о том, как его Петя побеждал всех деревенских дворняжек. При этом он осторожно поглаживал шею и крылья мужественной птицы.

Было видно, что Пете нравились истории, в которых главным героем был он сам, а потому петух вытягивал шею и, раскрыв желтоватый клюв, орлом смотрел на пассажиров. Иногда его раздражало радио, по которому шофер объявлял остановки, и Петя нервным жестом приподнимал ногу с острой шпорой.

Одна старушка, в панамке дачного вида, обернулась и едко спросила у деда:

— Что ж вы с им-то в жару мотаетесь? Уж-то у вашего петуха своих делов мало?

— Хулиганов боюся, — сказал дед. — Я з им до города ездив, штоб жулики не пристали.

Пассажиры автобуса посмеивались, глядя на петуха и на деда, а Шульгин, сидевший рядом, протянул руку и хотел было погладить красный гребень. Но петух больно клюнул в большой палец и с грозным видом уставился на него.

— Ты, братка, не чепай майго певня — не любит он непрошеной ласки. Хто его кормит, того он и понимает... А ну, Петя, споем добрым людям?

И дед хрипловатым, словно простуженным голосом затянул:

Беларуская рубаха — хиба ж гэта не мяшок, —
Рукавочки завяжы, и што хочаш палажы...

Тут Петя хлопнул широкими крыльями по чешуйчатым ногам и рявкнул басом: ку-р-р-ку-у...

Шульгин уже не мог удержаться и захохотал вместе с другими пассажирами.

— Следующая остановка — Загатье , — объявил шофер.

Шульгин вздрогнул, ему нужно было выходить.

— Далеко тут до леса? — спросил он деда.

— Да с километр. Выдь за село, а там — по левой руке — пряменько по дорозе... Турыст небось, га?

— Турист, турист, — кивнул Шульгин, продвигаясь к выходу.

— Здалеку адкуль, ти близка де?

— Издалека, дедушка, из Ленинграда.

— Ой! — вскрикнул дед. — У меня ж там племянница! Болеет, бедная, так просила лекарство достать, прополис называется. А тут как раз у нашу аптеку привезли... Можа, зайдешь, милы чалавек, я бы ей с тобой и послав, га?.. Я ж во тут-ка, зусим близка... Сам збирався ехать, дык наштo тяпер?

— На обратном пути, дедушка, обязательно возьму, а то еще в лесу потеряю. А теперь я бы вас попросил, не одолжите ли мне лопату? Впопыхах забыл, а в лесу она мне пригодится.

— А когда ж ты обратно?

— Думаю, завтра.

— Ну и добра, пойдем, я табе дам хар-рошую лопату. С самай войны ховаю от племянников и внуков. Им она забава, а мне память, што усю вайну сапером быв... А вось и хата моя, справа, под ясенем...

Автобус остановился. Дед привел Шульгина к себе в дом. Из-за старой доски в сенцах достал коротенькую, удивительно чистую лопатку и протянул Шульгину:

— Так я чакать буду, придешь?

— Обязательно, дедушка. На обратном пути — я у вас. А пока до свидания, дело у меня серьезное, — махнул рукой Шульгин на прощание деду и петуху и двинулся по деревне.

«Деда подвел... Лопату взял, обещал лекарство захватить, а тут, может, и не увижу никогда этого деда... Подвел деда...»

Вскоре деревня кончилась. Было тепло, и пели жаворонки. Внизу, у крохотной то ли речки, то ли канавы, привязанные к колышкам, паслись пестрые телята. Некоторые жалобно смотрели на него, надеясь, наверно, на чудо — что он подойдет к ним и отвяжет, и они будут носиться на воле. А может, они ждали и не этого, а просто хотели, чтобы он побыл с ними, погладил их, потому что они уже давно соскучились по людям.

Ему захотелось подойти. Но невдалеке сплошной темно-синей стеной поднимался лес, и, увидев его, Шульгин поправил лямку рюкзака и быстро зашагал по дороге.

Он был свободным. Ему принадлежал весь мир: трава и цветы, земля и небо, солнце и нагретый за день, почти что видимый воздух... Он расстегнул штормовку и, придерживая за спиной рюкзак, помчался по траве. Прохладный вечерний ветер ерошил волосы, забирался под одежду и, казалось, хохотал там, охлаждая горячую кожу...

... Теперь одежда намокла и прилипла к телу. Губы и подбородок дрожали. Затекшие ноги отказывались стоять. Он почти висел на выкрученных руках.

«Надо же что-то делать, кого-то звать», — думал он и знал, что до утра все бесполезно. Теперь ночью здесь никого не могло быть.

«Они следили за мной, следили!.. А я этого не видел!.. И я околею тут, если никто не придет... Но откуда здесь эти люди? Почему столько лет они свободно разъезжают по стране? Значит, победа еще не отменяет жестокости. И остаются люди, которые только и ждут момента. Затаились и ждут, как эти двое... А что они говорили? Что следили с того дня, когда Анатолий Дмитриевич попал в больницу...»

Он приподнялся на носках — так меньше болели руки. Распрямив плечи, насколько позволял шнур, попробовал повернуться вокруг дерева. Нога нащупала корень, он встал на него — острый сучок ствола врезался в спину. Попытался вернуть прежнее положение, но это не удалось — штормовка зацепилась за сук, и теперь ко всем его болям прибавилась еще одна, самая острая.

«Ничего, я привыкну к этому, ведь я живу... Пусть глупо жил и глупо страдаю, но все-таки у меня есть надежда... А если это конец, что тогда? Если я никогда не узнаю, нашли этих бандитов или нет? Если бы нашли! Если бы только нашли!.. Я же хотел как лучше. Я же понимал, что золото не может принадлежать ни мне, ни Анатолию Дмитриевичу. И шел за ним для того, чтобы он сам рассказал о своем предательстве, сам повинился перед людьми. И тогда именно я помог бы ему выйти из тупика, в который он себя загнал... Пошел один и загубил серьезное дело... Но я еще смогу. Я еще докажу им!» — угрожал он кому-то неизвестному, и только своим врагам, тем двум гадам, он не угрожал. Потому что угрожать им было бы теперь бесполезно.

Склонив голову на грудь, слушал, как вдали грохотал гром. Дождь стихал, и лишь одинокие капли, сбегавшие с хвои, по-прежнему падали на голову и плечи. Он слышал их, слышал, как они позванивают, пробиваясь сквозь тяжелые лапы сосны. И видел солнце над лесом, готовое упасть за деревья, и себя, расставляющего палатку... Как это было давно. И было ли? Может быть, он всю жизнь простоял, привязанный к дереву?.. Нет, было, потому что он ел рыбные котлеты с батоном и поглядывал на часы — торопил стрелки к утру. Рядом лежали саперная лопата и завернутый в марлевую тряпку пистолет...

Дождь хлынул с новой силой. Шульгину казалось, что он стоит под водопадом. Намокшая кора стала скользкой. Ему удалось сдвинуть руки вниз и согнуть колени. Попробовал шевелить затекшими пальцами и не мог. Но теперь отдыхали ноги, это принесло облегчение.

За несколько часов, которые он простоял у дерева, вспомнил всю свою жизнь. Он еще не мог толково разобраться в ней, охватить ее целиком и лишь разглядывал отдельные куски, не связанные между собой ни местом, ни временем.

Он помнил себя не только в лесу, не только дома, но, казалось, когда его, Шульгина, еще не было на свете... Он жил среди разных людей — родители, сестра, соседи, учителя, ребята по школе. С ними можно было разговаривать, шутить, смеяться. Они в любую минуту могли прийти на помощь — только попроси. Но ему не нужно было просить, потому что они делали все, чтобы он ни в чем не нуждался. И он не задумывался, не понимал, какое это счастье — быть среди них, встречаться с ними каждый день, просто смотреть на них, как они ходят, работают, думают, разговаривают, молчат... Они были вечно, эти люди. И будут вечно... Но тут же, вблизи находились другие люди. Они затаились, он их не видел, и, пока не мешал им, они не обращали на него внимания. И вот наступило время — их пути пересеклись... Как просто они сделали свое дело — оставили его на смерть.

Шульгин недоумевал и возмущался. Он думал, что как-то мы, люди, все связаны между собой. И враги и друзья. И значит, каждый из нас не может жить отдельно от других. Друзей мы ищем, а враги сами находят нас... Может быть, и для дружбы, и для вражды есть свои законы и пути и нужно сначала встать на этот путь, чтобы он привел к друзьям или к врагам?..

Глотая слезы и капли дождя, ненавидя себя, он вспоминал, словно бы там, во вчерашнем дне, пытался найти хотя бы крохотную возможность для своего спасения.

... Утром проснулся и вышел из палатки. Солнечные струи били сквозь ветки. Он потянулся, глубоко вздохнул. Намочил ладони о росу и несколько раз шлепнул себя по щекам. Запрокинул голову и медленно поворачивался на месте. Верхушки сосен упирались в небо. Иногда в голубой просвет между кронами вплывала птица, и казалось, он смотрит не вверх в небо, а в глубину, и в этой колышущейся глубине живут крылатые рыбы с медлительным полетом.

Часы показывали семь. Он приложил их к уху — послушал и, убедившись, что ходят, застегнул на запястье.

Завтракал на пеньке посреди черничной поляны. Даже медведем себя представил, так это было приятно — никто не видел. Даже позавидовал медведю — столько у него тут всякого добра. Лег вниз лицом на руки. Земля пахла яблоками, свежими досками и чем-то еще, что не имело названия.

На руку что-то упало, будто мокрый лист. Открыл глаза и увидел крохотного светло-коричневого лягушонка. Тот таращил на него глаза — удивлялся, откуда здесь это чудовище — Шульгин.

У лягушонка был такой осмысленный взгляд, так внимательно следил он за глазами Шульгина, что тот не выдержал и сказал: «Привет! Как живешь?» И даже подождал, надеясь услышать: «Привет!»

Лягушонок дернулся, будто пожал плечами, а затем, как маленький танк, повернулся вокруг своей оси и махнул на целый метр в ягодник.

Шульгин снял палатку, уложил в рюкзак и двинулся по лесу, пристально вглядываясь в деревья. Он давно понял, что схема, которую забрал Достанко и которую он, Шульгин, помнил до мельчайших черточек, мало поможет. Оставалось надеяться только на удачу.

Все, кого он теперь вспоминал, словно бы расположились по обеим сторонам пути. Они желают ему успеха и ждут домой. Тут же он вспоминал школу, и что-то кололо в груди — там его одноклассники готовились к первым экзаменам...

Лишь изредка возникали в памяти слова Анатолия Дмитриевича о двух полицаях. И тогда он приостанавливался, озирался, а рука его сама лезла под рубаху и бралась за пистолет. Не заметив ничего подозрительного, он шел дальше и успокаивал себя: «Ну, кто тут может быть? Я ночью вышел из дома, утром сел в поезд — никто меня видеть не мог. Это я от страха думаю о полицаях...»

К вечеру он вышел на знакомую уже поляну — вчера здесь ставил палатку. Шульгин понял, что весь его путь был сплошным блужданием и что он прошел по кругу много километров, а вернулся к прежнему месту. Это и удивило и разозлило его. «Если и дальше так, то я ничего не найду и вернусь с пустыми руками. Нужно ходить иначе, по солнцу».

Но как ходить по солнцу, он не знал. А потому продолжал путь, пока не стемнело. Наконец остановился. Сзади, будто

под чьей-то ногой, хрустнула ветка. Он присел, внимательно оглядывая кусты и деревья. Вытащил пистолет и медленно пошел туда. Остановившись у дерева, долго ждал еще какого-нибудь шороха или звука. Нет, там никого не было, и он, метнувшись в кусты, лег на землю и затаил дыхание. Сердце с гулом стучало в груди. Ему казалось, что эти удары слышны на много километров вокруг. Ему еще казалось, что в этом сумеречном лесу за ним следят чьи-то глаза, много глаз, но сам он их не видит и оттого дрожит теперь, как в лихорадке.

«Спокойно, Шульгин, если тут кто-нибудь есть, — объявится. Не поднимайся и жди...»

Вскоре рука его, державшая пистолет, легла на землю. Веки от усталости слипались, а рюкзак, который даже теперь почему-то давил на плечи, хотя лежал на земле, все тяжелел и тяжелел.

Когда в лесу стало совсем темно и уже трудно было различить, где земля, где небо, Шульгин поднялся и пошел дальше.

«Уходить отсюда, уходить, — подгонял он себя. — Там кто-то есть, я это чувствую».

Но уже недоставало сил. Он даже палатку не смог поставить — просто влез в нее с рюкзаком и уснул.

Рано утром он снова был на ногах. И снова пробирался сквозь кусты, обжигая руки о крапиву, спотыкался о пни и корни.

То слева, то справа иногда поднимались дубы. Но ни один не был похож на тот, к которому стремился Шульгин. В двух или трех местах начинал копать. И вскоре убеждался, что опять бесполезно. Лишь однажды удалось найти дуб, совершенно не похожий на другие. А невдалеке стояла сломанная пополам сосна.

«А вдруг! — подумал он. Снял рюкзак и подошел к могучему дереву. Огляделся по сторонам — никого. Подкопал дерн и углубился в землю. — Если здесь, то через несколько минут откопаю. Вот корень, возьму влево, сейчас лопата скребнет по металлу — мешок ведь тонкий, услышу звук. А может, он давно истлел...»

Он сел на край ямы и вытер пот. И здесь было пусто. Отдохнув, закопал ее снова и даже положил на место куски дерна. Бросил в траву лопату и впервые подумал о том, что нужно возвращаться. Но он тут же взял себя в руки.

«Не расслабляйся, Шульгин, не будь дураком. Иди дальше...»

— Иди дальше, — сказал он вслух, — и тогда...

После этого «тогда» все началось сначала — придуманные события следовали одно за другим. Он подхлестывал себя картиной будущего успеха: вот он находит золото, вот входит в палату к Анатолию Дмитриевичу, вот рассказывает ему о своих приключениях в лесу, вот Анатолий Дмитриевич, уже совершенно здоровый, берет золото и уходит туда, где можно рассказать все о своей жизни и где, конечно же, разберутся... А если он никуда не пойдет и захочет оставить золото себе?.. Нет, зачем ему золото? Он и так «владел» им тридцать лет, а был ничтожеством. И может ли это золото сделать кого-нибудь счастливым?.. Это же не лекарство, что принес — и рак отныне излечен. Даже не зерна нового сорта пшеницы — посеял — и человечеству не грозит голод. И даже не книга — прочитали все люди и на веки веков отменили предательство!.. Так с чего быть счастливым? Выходит, что и не с чего. Но что-то же и с тобой случится, если ты поможешь другому человеку... «Эх, Шульгин, кому ты нужен?» — горестно подумал он о себе.

... Ему не хотелось подниматься, чтобы идти дальше. Хотелось в одно мгновение перенестись на родимый зеленый диван и, глядя в потолок с такими знакомыми трещинками, вспоминать события этих дней. Но Шульгин пересилил себя и забросил рюкзак за спину...

Он начал уставать, а подняться после того, как сел, было труднее и труднее. В промежутках между приступами сомнений стало вспоминаться детство: мама, сестра, отец. Все они были там, в его детстве, точно такими же, как сейчас, и только он, маленький и капризный, совсем не похож на теперешнего.

Однажды к ним из-под Новгорода приехал мамин брат — дядя Женя. Он привез дымчатого котенка. Его так и назвали — Дымок. И что за дружба началась у Сережи с этим животным! Он гладил его и кормил, хохотал, когда котенок с разгона повисал на скатерти и стаскивал ее на пол. И в конце концов так полюбил Дымка, что и сам захотел стать котенком. Бегал вместе с ним на четвереньках, гонял по комнате катушку ниток, ронял стулья и врезался лбом то в шкаф, то в стену. А если хотел есть, то громко мяукал и терся о мамину ногу.

Родители испугались, что слишком близкое общение сына с котенком может плохо подействовать на ребенка, а потому отдали Дымка знакомым.

Долго скучал и горевал Сережа, не представляя себе жизни без Дымка. Но потом стал забывать его. Присмотревшись к

собакам, понял, что нет на свете животных лучше них... И когда приезжал дядя Женя, дергал его за руку и просил: «Привези мне, пожалуйста, собаку... Ну, пожалуйста, любую дворнягу, только привези...»

— Я не люблю собак, — однажды сказал дядя Женя.

— Почему?

— Потому что они нас чуть не загрызли, когда мы бежали из немецкого плена.

— Ты был в плену?

— Да. В сорок первом меня ранили под Смоленском. И раненого взяли в плен. Увезли в Германию, чтобы я там работал. Я работал. Однажды ночью мы подрезали проволоку и бежали. Нас не заметили. А утром мы услыхали, что нас догоняют собаки... Видишь, как они меня ели? Вот, посмотри на руки. — Сережа видел белые полосы на руках и розовые точки. — И здесь... — Он показал плечо, испещренное белыми полосами и розовыми точками. — И здесь!.. — Он расстегнул воротник, и на шее было то же самое. — Я их ненавижу, — сказал дядя Женя, застегивая рубаху. — Это, может быть, одно из немногих животных, которое можно натравить на человека. Если не единственное.

— Они не виноваты, — сказала мама Сережи. — Они ничего не понимают и думают, что так надо. Даже гордятся, что служат своему хозяину. Виноваты хозяева, которые не стыдятся учить собак рвать людей.

— Дядя Женя, ты все-таки привези мне собаку. Я ее так научу, чтобы только защищала людей, а не кусала. Чтобы только спасала тех, кто в речке тонет... Я знаю собак, они добрые.

«И все-таки у меня была собака. Недолго, всего один день, но она была моей и ничьей больше».

Шульгин вспомнил, как однажды весной родители взяли его с собой за город. Погуляли по лесу и вышли к Неве. По реке шли последние льдинки с Ладоги. И тут на одной из них он увидел собачонку. Сбежал к воде и свистнул. Собачонка медленно подняла голову, посмотрела на берег и вновь уронила ее на передние лапы.

Шульгин медленно пошел по берегу. Потом побежал у самой воды, на ходу сбрасывая пальто, шарф, шапку. Вслед ему что-то кричали родители, но он даже не обернулся. Бросился в воду и быстро поплыл к льдине. Оказавшись рядом с собачонкой, протянул руку и быстро стащил ее в воду. К счастью, до берега было недалеко. Он благополучно выплыл на мелкое и вынес собачонку из воды.

Родители тут же повели его в ближайший дом. Шульгина переодели в сухую одежду, которую дал хозяин дома, и заставили парить ноги в тазу. Щенка вытерли насухо полотенцем и положили к печке. Налили теплого молока, но оно так и осталось нетронутым.

К вечеру одежда Шульгина высохла, и он вместе с родителями отправился домой.

Щенку было хуже и хуже. Он и дома не взял еды. Весь вечер лежал с закрытыми глазами, дрожал и тихонько скулил. А ночью, когда все уснули, щенок умер. Говорили, что от переохлаждения...

После этого Шульгин уже не хотел заводить собаку. Правда, когда смотрел на чужих собак, в груди возникало холодеющее пространство. Он отворачивался и шел домой. Хотелось чем-то занять себя. Нередко, увидев склонившуюся над учебниками сестру, он чистил кремом ее сапоги или чинил замок в ее портфеле. Она всегда радовалась этому. А когда получала стипендию в университете, приносила ему апельсины, от которых квартира наполнялась радостным запахом. И говорила: «Ты и представить себе не можешь, как я счастлива, что у меня есть брат. Именно такой — длинный и добрый. И дан ты мне на всю жизнь, представляешь? А я — тебе...»

«Говорить — говорила, а сама замуж вышла... Не раскисай, Шульгин, не время», — сказал он себе и поднялся. И тут — будто мороз по коже. И сразу в жар бросило: он увидел раскидистое дерево — дуб. За дубом стояла сосна с обломанной верхушкой.

«Вот они! И дуб и сосна... Да, но где-то здесь, он говорил, должен быть колодец. Даже если зарос, все равно его можно отыскать». Он пошел вокруг дуба и чуть в стороне увидел густой клок травы. Здесь она была темнее и выше. Подошел ближе — трава росла по краю круглой ямы. Раздвинув ее, фонариком посветил на глубокое дно — там лежали сгнившие сучья, а на истлевших листьях сидел черный жук.

Еще не веря, что нашел, еще не надеясь, что это именно тот дуб, о котором говорил Анатолий Дмитриевич, отошел от ямы, бывшей когда-то колодцем, и опустился на землю. Кусал травинку и с любопытством смотрел на могучее дерево. Толстая кора покрывала ствол. У самой земли она обросла зеленым мхом. Широкие ветви густо росли в стороны. Ни один лист на них не задрожит, не шевельнется...

«Так вот ты какой, хранитель тайны! — восхищенно подумал Шульгин и встал. Он подошел к дереву и положил ладони на ребристую кору. — Но если даже я ошибся, то все — на

этом конец моего пути. И пусть на мою голову посыплются упреки, что отправился один и вернулся с пустыми руками, но это точка. Зайду к деду с петухом, возьму лекарство, а потом — домой. Пора думать об экзаменах...»

И тут он вздрогнул от неожиданного голоса:

— Не пойму, как это получилось?..

— Я сам не пойму, — глухо добавил другой. — Искать надо, давай скорей.

— Куда скорей? Выскочишь в открытую — считай все пропало.

— И тогда не пропало. Только бы выскочить. А там — хватит церемониться.

— Нет, пацана я не трону, мы шли только за золотом.

— Тише! Давай скорей...

Голоса затихли. Шульгин выглянул из-за дерева. Впервые в жизни он испугался людей. Он понял, что эти двое ищут его. Постоял. Подождал. Послушал. Освободился от рюкзака и, крадучись, направился в ту сторону, откуда совсем недавно

доносились голоса. Остановился, не зная, куда идти... Вот снова заговорили, теперь уже вдали, и разобрать Шульгин ничего не мог.

«За мной следят! — мелькнуло в сознании. — Тише, тише, — приказывал он не только себе, но и своему сердцу, которое с гулом стучало в груди. — Они приехали за мной, они следят!.. И хотят выскочить на меня, потому что и так валандались! Бежать отсюда, скрыться, пока они здесь, и бежать!..»

Пригибаясь к земле, он осторожно пошел на звуки, доносившиеся справа от дуба. И вдруг из-за толстой березы увидел двоих. Один — высокий, другой — маленький. Оба в темных брезентовых куртках, в узких зеленых брюках, заправленных в низкие сапожки. На обоих — темные шапочки с желтыми козырьками, над которыми что-то написано красными буквами. У коренастого в руке был топор с черной ручкой, а высокий опирался на толстую березовую палку. Он стоял спиной, и поэтому лица его Шульгин не видел.

Шульгин присел. Он не спускал глаз с незнакомцев. Те пристально оглядывались по сторонам и тихо переговаривались.

«Меня ищут, точно меня. Кого они еще могут искать, не корова же у них заблудилась?.. Какие они оба здоровенные и ладно скроенные. Попробуй справиться с ними...»

Он был уверен, что приход этих людей в лес связан с ним. Но думать об этом было страшно — проще представить, что это случайные люди и что их присутствие в лесу не связано с тайником... «Конечно случайные! Просто туристы, которые даже оделись абсолютно одинаково... Нет, Шульгин, не лги себе. Это полицаи! Это о них говорил Анатолий Дмитриевич. Уходи из леса. Или дождись, когда уйдут они. Если это бандиты, они закопают тебя тут же, в лесу...»

... Теперь, привязанный к дереву, под ливнем он думал о том, что даже тогда, в ту минуту, был счастлив, потому что свободен. Тогда он и представить не мог, что его ждет...

Тайник

До самого вечера Шульгин пролежал под кустом. Поднялся, лишь когда стемнело. Теперь он знал, что всякую минуту здесь могли появиться его преследователи.

Можно было использовать темноту и выбраться из леса. Отказаться от затеи — найти тайник самому, — войти в деревню,

рассказать, зачем он здесь, и привести людей. На худой конец, можно было выйти на шоссе, сесть в автобус и сразу же позабыть о лесе, об этих брезентовых куртках и в том числе о тайнике, к которому он так стремился и который теперь грозил ему опасностью.

«Нет! — сказал он и укусил себя за руку. — Нет, ты не сделаешь этого! Ты не выйдешь на шоссе!»

Шульгин понял, что им пыталась овладеть трусость. И если бы он не поборол ее, вышел из леса, этот его поступок вырос бы в постоянную боль, в боль за прошлое, в котором уже ничего нельзя исправить. «Такое себе потом не прощают», — решил он и стал думать, как быстрее подкопать у дуба и, если тайник окажется здесь, как незаметно выйти с ним из леса.

Появилась луна, сгустились тени. Возвышающийся невдалеке дуб стал походить на стог сена. В стороне от него не могла угомониться какая-то птица. Ее суховатый голос хрипел, как заигранная пластинка.

Над лесом, раскалывая тишину ревом двигателей, пролетел реактивный самолет. И хотя Шульгин никогда не был в его кабине, теперь обостренным сознанием увидел ее всю в приборах, стрелках, лампочках и увидел пилота со штурвалом в руках. Пилот даже подмигнул ему, даже сказал: «Спокойно, парень, если что — рассчитывай только на самого себя!»

Это ободрило Шульгина. Несколько раз он подходил к дубу. Слушал тишину. При каждом шорохе или посвисте сонной птицы на голове шевелились волосы. Сбоку на высокой ели что-то поскрипывало и шуршало, будто кривое колесо терлось о ржавый обод. Лес жил своей суровой ночной жизнью, сложной и не всегда понятной даже привычному человеку. Но Шульгин догадывался, что каждый шорох и посвист торопят время к утру, к солнцу, чтобы каждая травинка, каждая веточка и листок обрели свое зримое существование и наполнились звуками дня.

Все еще не решаясь начать работу, он сидел шагах в пятидесяти от дерева — ждал, когда пройдет страх. Но страх не проходил, потому что питали его одиночество и тревога.

Шульгин долго не мог понять, что его тревожит. Наконец понял: он неожиданно для себя приблизился к тому времени, которое называлось коротко: «ВОЙНА». Никто не стрелял, не мчался в танке, не бросался на дзот... Лишь по деревянной дороге, привязав себя ремнем к ящику-коляске, ехал безногий человек. Он отталкивался от земли деревянными колодками, похожими на пресс-папье, и небольшие колеса, утопая на треть в песке, двигали человека дальше и дальше. Только на мгновение остановился он, вытер пот с облысевшей головы и повернулся туда, где рядом с дорогой прервали свой бег вишни и березы и где лежит каменный солдат в расстегнутой гимнастерке с медалью на груди и автоматом в руке. Ноги в каменных сапогах подогнуты, будто подломлены... А рядом — каменный четырехугольный столб, и наверху — четыре каменных журавля. Звезда. И надпись:

«Светлая память героям, отдавшим свою жизнь борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

И столбик фамилий:

ГУЩА Л. А.
ЮШКЕВИЧ С. А.
ЗВАРИКО И. И.
КОЛОША Ю. И.
ЛОГАЦКИЙ В. И...

Этого человека в ящике-коляске и этот обелиск он видел на остановке из окна автобуса по дороге сюда.

«... Анатолий Дмитриевич называл ее Любой Бортник... Может быть, и она там?.. Все они не вернулись, но они есть! Это меня нет, потому что я трус. А если не трус, встань и подойди к дубу».

Перед лицом роились комары, но не кусали — от нечего делать он часто мазался отвратительно пахнущей «Дэтой», которую нашел в кармане рюкзака. Они лишь пронзительно звенели и, подлетев, тормозили, а затем уносились прочь.

Нет, не только страх теперь владел им. Еще была надежда, что он больше никогда в жизни не встретится со своими преследователями. Потеряв его, они выйдут из леса...

Шульгин достал лопату. Поднялся и решительно пошел к дереву...

Копать в темноте было трудно и страшно. Стараясь не шуметь, он медленно срезал дерн и подумал, что сейчас похож на могильщика. Из-за облака вышла луна, осветив чистым голубым светом деревья, кусты и небольшие темные пятна травы между ними. Взглянув в сторону, под деревья, почувствовал, как зашевелились волосы: там кто-то стоял, высокий и черный, и, словно бы расставив руки, ловил его.

Шульгин передвинулся в тень и отсюда увидел, что это молодая ель, похожая издали на человека.

Стал копать дальше. Углубившись, тут же услышал, как лопата звякнула о что-то твердое. Встал на колени и начал разгребать землю руками. Долго ничего не мог найти. Но вот под пальцами оказался какой-то продолговатый плоский предмет. Шульгин нащупал края и попытался его поднять. Не удалось — он был словно привинчен к чему-то еще более тяжелому. Тогда поддел лопатой и сдвинул с места. Взял двумя руками и наконец поднял его из ямы. При лунном свете увидел блестящий прямоугольник, меньше кирпича, но такой тяжелый, что он тут же опустил его на землю.

«Значит, вот оно, золото! Значит, Анатолий Дмитриевич говорил все это не в бреду. Значит, и бывшие полицаи — тоже правда, и они здесь, рядом». Он дрожал от напряжения и страха и поглядывал по сторонам.

Шульгин сгреб землю, и руки снова прикоснулись к холодному и словно мокрому металлу. Теперь нужно было сходить за рюкзаком. Несколько секунд он не решался встать и пойти — ему было страшно хотя бы на время оставить тайник. Но вот он бросил лопату, принес рюкзак и, вытряхнув все, что там было, встал на колени перед ямой.

Золото было трудно брать. Оно вываливалось из рук, словно не желая расставаться с землей. Выскальзывая, падало обратно в яму — раздавался глухой стон, будто удар отдаленного колокола.

Шульгин торопился. Он не очищал золотые кирпичи от приставшей к ним влажной земли, а вместе с землей перекладывал в рюкзак. Наконец-то им овладел восторг. «Нашел! — думал он. — Я пришел и нашел! И какой же молодец Анатолий Дмитриевич, что рассказал именно мне о тайнике. Он доверил мне, и я нашел! Если бы раньше он сам это сделал и привез золото домой, у него и тогда не хватило бы смелости сказать кому-нибудь об этом. Тем более — признаться, кем он был. Сидел бы на своем золоте до самой смерти, лишь изредка воруя из него, как мышь...»

На седьмом кирпиче яма опустела. Он посветил фонариком, покопал глубже — ничего нет. Засыпал яму. Нарвал травы и набросал на свежую землю. Он думал о том, что, если эти двое появятся утром здесь, может, и не заметят, что кто-то копал.

Сунул в рюкзак палатку, лопату и фонарик — с трудом поднял на спину и двинулся по лесу. Он надеялся быстро выйти на опушку.

Луна спряталась. В темноте он натыкался на ветки, а когда лицом попадал в паутину, старался как можно скорее освободиться от нее. Казалось, что лес теперь видит его и помогает надежней укрыться от постороннего глаза.

«Спасибо, лес, только уж не перестарайся, пожалуйста. Выведи на дорогу, чтобы знать, куда идти. Теперь нужно быть втрое осторожней. Давай, старик, помоги найти твой край!..»

Он долго шел. Вспотел и устал. На рассвете остановился и огляделся. Вокруг, вечные и неподвижные, стояли сосны и ели. Между ними, будто первый этаж, густел кустарник.

Шульгин понял, что не знает, в какую сторону идти.

«Ничего, теперь это мелочь. Главное — сделано, а выйти отсюда — пара пустяков, — успокаивал он себя. — Вот отдохну, лучше соображать стану, а там двину в нужную сторону и выйду».

Прислонился к дереву, сел на землю. Закрыл глаза и подумал, что ему нельзя здесь оставаться, нужно идти дальше...

«Так, наверное, замерзают... Понимают, что спать нельзя, но ничего уже с собой поделать не могут...»

Самый нежный звук

Лес поредел. Стали попадаться невысокие редкие кусты, похожие на пышные однообразные клумбы. Они были такие ровные, такие аккуратные, словно постриженные заботливым садовником. На их ветках набухли пушистые сережки — золотисто-белые гирлянды.

Земля становилась мягче и мягче. Ботинки утопали во мху. Вот уже толстые подошвы шлепают по воде. Дальше начались кочки.

Он остановился и посмотрел кругом. Впереди слышалось кряхтение лягушек. Туда путь был закрыт — болото.

Шульгин поправил рюкзак и повернул обратно. Встревоженные птицы суетились рядом, перелетали с ветки на ветку — уводили от гнезд. Одна из них, маленькая и самая бойкая, вилась почти у лица, что-то трещала на своем языке, и было видно по всему — недовольна.

— Кыш! — махнул он рукой. Но птица не унималась. Лишь на мгновение садилась на ветку и нахально глядела в упор, словно готовилась к драке.

— Не ругайся, малявка, лучше выведи на дорогу, — попросил он.

Но птица уже достаточно увела его от гнезда, а потому особенно громко свистнула напоследок и тут же пропала.

Он пожалел, что остался один — хоть птица, а все же попутчик.

«Дикие птицы — не то, что домашние, — думал он, вспоминая соседских Орла и Решку. — Домашние общительные, веселые и пели звонкие песни. Правда, из этих песен нельзя было понять — радостно им или грустно».

Часто сосед выпускал их. Они долго летали, а если и садились, то почти всегда на металлический карниз, который держал шторы.

— Не бойтесь, крохи, — говорил Анатолий Дмитриевич, насыпая корм. — Хоть вы и в неволе, а все ж свободнее, чем я. Вас-то я могу выпустить в любое время. А вот меня уж выпустить невозможно...

Шульгин не понимал, о чем говорил Анатолий Дмитриевич, а потому лишь улыбался...

«Что с ним теперь? Может быть, он уже пошел на поправку и жалеет о том, что рассказал мне? А вдруг Витя и наполеоны, узнав, что я исчез, ударили во все колокола, и там уже ищут меня? Уже добрались до Анатолия Дмитриевича и требуют, чтобы он рассказал?.. Скорее из этого леса. Домой! Там родители сойдут с ума!..»

Наконец Шульгин вышел из болота снова в лес. Под ногами была твердая земля. Он нашел кусты погуще, сел и привалился к молоденькой елке.

«Хоть бы один человек, — подумал он. — Хоть бы домик лесника. Можно было бы позвать на помощь... Но где-то здесь ходят эти ублюдки. Крикнешь, а они тут как тут!.. Наполеонов бы теперь. С ними все просто, отличные парни! Поярков рассказал бы о своих фотографиях. Или о том, как купил вспышку «Чайка» и пошел в Эрмитаж снимать американскую выставку. Вспышка там стала пищать, а служители Эрмитажа чуть не выставили его вместе с «Чайкой». Пришлось прекратить «безобразие» и отправиться в магазин, где он ее приобрел. Там ему популярно объяснили, что все правильно, «Чайка» и должна иметь такой дефект: когда работает на маломощных батареях — всегда пищит...

Да, с наполеонами совсем не то, что без них. Мучайся теперь и проклинай себя... Ну, нет, все было не напрасно! Надо уважать свои поступки. И не ныть при первых трудностях. Подумаешь, блуждаю по лесу. Да ведь не бесконечный же он, этот лес. К тому же редкий пошел, весь истоптанный — вон сколько тропинок. Значит, скоро найду путь и выйду. Зато

главное уже сделано — я нашел золото, и теперь остается лишь выйти с ним на дорогу!»

Солнце пошло к закату. Потянуло сыростью и холодом, а он все никак не мог подняться, не мог превозмочь усталости, чтобы идти дальше. Хотелось лечь на спину, вытянуть ноги и слушать, как медленно затихают птичьи голоса. И среди этих угасающих звуков особенно громко и тоскливо раздается голос одинокой кукушки...

Он превозмог себя и встал. Поднял рюкзак на спину и пошел. Ему стали чаще попадаться поляны с одинокими березами и осинами, густые заросли малинника и ежевики.

И вдруг...

Откуда-то сбоку доносился еле слышный гул. Он остановился. Сначала было не понять, что это. Шульгин осторожно пошел на звук и — о радость! — увидел широкую просеку, а на ней — столбы электрической линии. «Играют, голубчики! — щурился он, разглядывая провода. — Играйте, мои прекрасные! Это самый нежный звук из всех, которые я когда-либо слышал. Какие вы молодцы! И те, кто вас тут протянул, — тоже молодцы!»

Он подбежал к столбу, обнял его и даже чмокнул в старую, потемневшую древесину. «Спасен! — грохотало в голове. — Неаполь чудный мой... Спас-сен!..»

Шульгин вприпрыжку, насколько ему позволял тяжелый рюкзак, помчался по просеке. Над головой у него тихо и ясно гудели провода...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Крылатые людоеды

Шульгин прижал голову к дереву и представил, как бандиты сейчас уходят все дальше и дальше. Обида и беспомощность разом подкатили к горлу. Еще никогда он не был так неподвижен, как теперь. Казалось, он все продумал, приехал, нашел. Казалось, победил. А на самом деле ничтожно проиграл. И теперь, если даже он и вернется домой, это будет уже совсем

другое возвращение, чем то, на которое он надеялся. Это и есть расплата за неумение думать.

Захотелось умереть. Но даже это в его положении было роскошью. Эти люди, оказавшиеся более опытными и сильными, чем он, лишили его возможности сделать хотя бы шаг.

— Ерунда, я вовсе не хочу умирать. И зачем? — почти что весело сказал он и подставил лицо дождю. — Я освобожусь, меня отвяжут. Э-эй! — закричал он. — Люди! Я здесь, я привязан!..

«... вязан... вязан...» — эхо в ответ.

«Меня точно отвяжут. Я же многим рассказал о тайнике, неужели они там не сообразят, где я, раз меня нет дома. Конечно сообразят. И наполеоны, и Виктор, и сам Анатолий Дмитриевич скажет, где я, когда узнают, что я пропал... Вот хотел ему помочь, а теперь сам жду помощи...»

Частые молнии освещали близкие деревья и кромсали огненными полосами небо. Вдруг одна из молний полоснула ближнюю сосну. Она вспыхнула белым огнем и тут же погасла.

Дождь внезапно кончился. Начиналось утро. С деревьев долго стекала вода. Каждая капля, попадавшая на лицо и шею, обжигала холодом. Проснулись невидимые птицы, и лес наполнился многоголосым гомоном. За верхушками деревьев вставало далекое солнце. Его пока что негреющие лучи коснулись ветвей желтым, будто электрическим светом.

Шульгин вздохнул и потянулся на этот свет. В позвоночнике что-то хрустнуло и заболело. Руки больше не принадлежали ему. Казалось, отойди он от сосны, они так и остались бы привязанными к дереву.

И все же утро пришло с надеждой. Теперь можно было не только ощущать себя, но еще и видеть мир, который тебя окружает... Бабочка на коричневом стволе сосны проснулась, наверное, сейчас взлетит. А там — дятел, нарядный, яркий, начинает долбить сучок. И все они вольны и свободны!..

— А-а, — закричал Шульгин. — Кто-нибудь, спасите!.. А-а!..

«И этот гад мне покупал конфеты и дарил подарки! Говорил, что до войны был сонным, а началась война — проснулся сразу полицаем. Ложь это, ложь!.. Он и до войны был полицаем. Он убил девушку... Он и меня убил! — стонал Шульгин и рвался от дерева. — Даже теперь я могу погибнуть от его тогдашней подлости. Он всегда был полицаем и холуем, а я решил ему помогать... Не может, не может человек до какого-то события быть одним, а после — другим. Если я

Шульгин, то будь война — не война, я останусь Шульгиным, а не превращусь в Устинова или в кого-то другого, кто способен предать...»

Он перестал рваться, прикоснулся затылком к дереву и подумал: «Как это я — вдруг взял и выдал Витковскую? Что же я тогда? Как быть потом?..»

Послышался тонкий звенящий звук — будто крохотной циркульной пилой пытались пилить толстое бревно. Эта пила противно визжала, приостанавливалась и снова начинала визжать. Шульгин перестал дышать.

«Ох, сволочи, что они сделали?! Прикончили бы сразу», — подумал он. От страха и омерзения у него задрожал подбородок.

Из-за спины вылетел комар. Покружился у правого уха и уселся на щеку. Наконец успокоился и запустил хоботок под кожу.

Резкая щемящая боль заставила Шульгина рвануться от дерева. Но это было напрасно. Только чаще забилось сердце. Он крутил головой, чтобы согнать насекомое. Но комар не улетал. Постепенно боль чувствовалась все меньше и меньше. Комар напился, сколько пожелал, и медленно оторвался. Тяжело, будто бомбардировщик, полетел на лист орешника. Сел, и его брюхо красной дрожащей каплей сверкало под солнцем.

Тут же на лицо сели еще два комара, потом еще несколько, и вот уже целой тучкой вьются у глаз. Они визжат, будто сирены пожарных машин, и по-хозяйски размещаются на коже.

И теперь уже не было никаких сил выдержать. Шульгин закричал, пронзительно, страшно, с плачущим надрывом. А издали ему отвечало ехидное эхо...

Самое главное

Лицо горело так, словно к нему поднесли пылающий факел. Кричать Шульгин больше не мог — обессилел и охрип.

Он перестал мотать головой и сквозь тучу комаров увидел двух птичек. Они громко верещали и, быстро махая крыльями, зависли почти на месте в полуторах метрах от земли.

Но птицы не обращали на него внимания. Они по-прежнему крикливо летали над землей. Шульгин увидел в траве змею.

Извиваясь, она ползла в его сторону. Темная головка, приподнятая от травы, казалось, смотрит ему в глаза.

«Все правильно!.. Пока я был силен и свободен, ты не осмеливалась приблизиться ко мне. А теперь, когда со мной случилось это... Ползи, гадина, ноги у меня свободные, хоть тебя раздавлю!» — сказал он, желая, чтобы змея действительно подползла к нему. Хоть с ней он еще мог бороться.

Змея не обращала внимания на крики птиц. Казалось, она их не замечала. И вот уже до дерева, где стоял Шульгин, остается несколько метров.

«Ближе, ближе, — шептал Шульгин. — Но что это?..» Она остановилась и повернула крохотную головку в сторону. И тут же в траве появился какой-то серый комок. Он бросился на змею и схватил ее прямо за голову. Это был ежик. Змея извивалась и била своим телом по колючкам.

Он видел, как она слабела в борьбе, как ее хвост все медленнее поднимался и падал на траву. Птички уселись на ветку и замолчали.

«Молодец, еж, ты пришел вовремя. Но ты не спасешь меня».

Шульгин не мог ждать, что кто-то появится просто так, без его зова. Он снова стал звать на помощь. Его хриплый голос пропадал сразу за деревьями.

И вдруг... Что это? Откуда они здесь?

Он увидел троих. Они услышали его крики и шли на помощь. Деда он узнал сразу — тот ехал с ним в автобусе и одолжил лопату. И теперь под мышкой он держал петуха. Вместе с ним к Шульгину подходили две девочки в газетных пилотках.

— Ох ты, братка, хто ж тебя так? — спросил дед, разглядев, что Шульгин привязан. — Анютка, возьми ветку и адгани камарье.

— Деда, вожык пабег, — сказала другая девочка.

— Не да вожыкав тяпер... Хто ж тебя так? Чаму привязан?

— Спасибо вам, родные, — шептал Шульгин. — Спасибо...

— А я и то думаю: хлопец як хлопец, абящав племянницы лякарства даставить и не явився. Пайду, думаю сабе, пашукаю... Ох, брыдоты, увесь твар абъели — живого места няма. Смялей махай веткай, бачыш, камарьё не баицца, — сказал он и достал перочинный нож.

— Их нужно остановить, — простонал Шульгин. — Их двое и пистолет.

— Пачакай, герой, у сяле участковому расскажаш.

Дед передал петуха девочке и разрезал шнур. Шульгин упал на колени и ткнулся лицом в траву.

— Мне страшна, деда, — пропищала меньшая.

— Ничога, не бойся. Зараз ён очухается. Давно стояв?

— Со вчерашнего вечера, — сказал Шульгин и поднес руки к лицу. Распухшие, красные, они не слушались и только дрожали. — Спасибо вам, — сказал он и взял деда за руку. — Спасибо...

— Буде, буде, выпей вот малака, — предлагал дед и двигал высокий термос Шульгину. — Я и то думаю сабе: хлопец як хлопец, абящав племяннице у Ленинград лякарства даставить, а тут няма и няма.

Шульгин взглянул на меньшую девочку. У той на ресницах дрожали слезы — вот-вот рухнут ручьями по щекам.

— Спасибо тебе, — улыбнулся он ей...

Когда пришли в деревню, дед бросил петуха в огород и привел Шульгина к фельдшеру. Свою Анютку он послал за участковым, и вскоре за окнами раздался грохот мотоцикла.

Маленькая женщина-фельдшер в это время смазывала Шульгина едкой жидкостью. От жидкости исходил резкий запах и так щипало кожу, что у Шульгина навернулись слезы.

— Потерпи, паренек, потерпи хороший, — приговаривала она и обмакивала новую палочку с ваткой в жидкость.

Милиционер взбежал на крыльцо, быстро спросил:

— Приметы помнишь?

— Я гэта раницай у лес пайшов, — начал было дед, но милиционер его перебил:

— Постой, дед, потом расскажешь... Так помнишь?

— Да. В куртках брезентовых и шапки с козырьками. Один высокий, другой поменьше, коренастый. И шрам под носом. Высокого я в Ленинграде видел, в больнице, — говорил Шульгин, наблюдая, как в фельдшерско-акушерский пункт набивалось все больше пацанов и девчонок. — Я бы их и через сто лет узнал.

— Выйти всем, — приказал милиционер.

Часть вышла. Остальные таращили любопытные глаза и что-то шептали друг другу.

Те, кто вышли, тут же уцепились за оконные рамы и, прижав белые пятаки носов к стеклам, заглядывали внутрь дома.

— Один лысый, другой заросший бакенбардами, — диктовал приметы Шульгин, а милиционер быстро записывал.

— А тут чую, будто плача хто...

— Я сказал — потом! — прикрикнул милиционер на деда, и тот поднял руку, пригрозил кому-то пальцем и замолчал.

— Дядя Рома, — обратилась к милиционеру девочка в синей короткой юбке и белой футболке с цифрой «7», — мы с братом бачили их несколько дней тому. В желтых стеганках,

один — высоки, а други — низки. У низкого на щеках волосья, будто дороги. Они у машине были.

— В какой машине? — быстро спросил милиционер.

— Красная такая, легковушка.

— «Москвич»?

— Не, «жигули», — сказал пацан рядом с ней, наверное, брат.

— Не ошибаешься?

— Я на кошт машин николи не ашибуся. Усе марки ведаю.

— Ведае, ведае, — подтвердила сестра.

— А номер не запомнил?

— Не, я чытать не умею, у школу тольки пайду.

— Спасибо, ребята, — сказал милиционер. — Это хорошо, что вы их видели... Вера Семеновна, паренек пусть побудет у вас. Я свяжусь с Минском и прискачу за ним. Накормите его, я мигом...

Милиционер прямо с крыльца прыгнул в седло мотоцикла и рванул по деревне...

Шульгин сидел за столом и ел хлеб. Рядом лежала кол-

баса, но он не притронулся к ней. В окно медленно вползало солнце, слепило глаза — он сдвигался к шкафу с инструментами.

У порога фельдшерско-акушерского пункта по-прежнему толпились деревенские дети. Двое или трое возились между собой и хихикали. Остальные молча смотрели на Шульгина.

«Как же, героя видят, не каждый день такое бывает... Зачем они здесь, почему не уходят?» — подумал Шульгин. И понял, что ему совсем не хочется, чтобы они ушли.

Когда солнце совсем уже вползло в окно, а сдвигаться было некуда, Шульгин повернулся к ребятам. Над ними на целую голову возвышался долговязый парень в голубой тенниске. Прижал плечом волейбольный мяч к стене и сложил руки на груди. Заметив, что Шульгин смотрит на него, спросил:

— Что ж ты один пошел?

Шульгин опустил глаза. Снова отвернулся к столу. Медленно крошил в пальцах хлеб и думал: «Скорей бы уж конец всему — и домой... Шел на серьезное дело, а совершил глупость. И сам еле остался в живых... Пора открыть глаза, чтобы не наделать больших бед и себе и другим...»

Вскоре из Минска прибыла поисковая группа. Все это были военные, переодетые в штатское. К Шульгину подошел руководитель группы — высокий седой человек. Все прибывшие с ним подчинялись каждому его приказанию и называли «товарищ полковник». Вслед за ним подбежал маленький лысый мужчина с магнитофоном и приготовился записывать показания Шульгина.

Шульгин попробовал рассказать и сбился. Он не знал, с чего начать. Немного успокоившись, рассказал об Анатолии Дмитриевиче, а уж потом было все просто.

— Хорошо, а что дальше? — спросил полковник.

— Они привязали меня к дереву и ушли. И унесли золото.

Полковник кивнул мужчине, чтобы он убрал магнитофон, и повернулся к Шульгину.

— Мы найдем их, — сказал он. — Ты столько примет сообщил, что им теперь и под землей не спрятаться.

— А золото? — быстро спросил Шульгин.

— И золото найдем. Раз оно на нашей земле — оно наше. Но все могло быть иначе, если бы с самого начала ты продумал все как следует. Если бы с самого начала понял, на что идешь и кому собираешься помогать. Ладно, по машинам. Поедем в лес...

Сидя в машине, Шульгин недоумевал: «Зачем они сюда едут, что тут можно теперь искать? Неужели не понимают, что те двое не останутся здесь?»

В лесу мужчина с магнитофоном недовольно сказал Шульгину:

— Эх, парень, наломал ты дров... Искателей развелось...

— Подождите, Михальчук, — остановил его полковник. — Без него мы вообще бы ничего не знали ни о золоте, ни о бывших полицаях. Теперь знаем.

Шульгин прислонился к дереву. На лбу выступили крупные капли пота, ноги подкосились, и он сел на землю.

К нему подошел полковник. Присел рядом и стал говорить:

— Сегодня, Сережа, самолетом отправишься домой. Когда найдем бандитов, вызовем тебя для опознания. А пока благодарю за мужество. Тебе не удалось довести дело до конца, но ты оказался готовым к трудным испытаниям, а это не так уж мало... У меня к тебе просьба: постарайся за это время, пока ты у нас, вспомнить, не забыл ли ты каких-нибудь деталей. Для нас это очень важно.

Шульгин задумался. Он лихорадочно перебирал в памяти все, что произошло с ним здесь, в лесу, и там, дома. Опять перед глазами был Анатолий Дмитриевич, незнакомец, который вошел в палату одетый... Но все это он уже рассказал, даже на магнитофон записали... Автобус, дед с петухом, каменный солдат у дороги, столбик фамилий...

— Я все рассказал, — произнес Шульгин и поднялся. Медленно побрел к дороге, не глядя под ноги, не замечая присутствовавших здесь людей. И тут он услышал голоса. Шульгин остановился. За деревьями показался его старый знакомый — дед с петухом. А за ним — кто бы мог подумать — наполеоны в полном составе, учительница математики Виктория Сергеевна, отец Шульгина и художник Витя.

Шульгин был совершенно не готов к этой встрече. Захотелось броситься в лес, чтобы никто не видел его разбитого, изъеденного комарами лица. Но он пересилил себя...

Первым его обнял отец. Затем подошли наполеоны, пожали руку и уступили место учительнице. Виктория Сергеевна часто-часто моргала, но все-таки улыбнулась:

— Ну, жив, а это самое главное...

— Я-то жив, — ответил Шульгин. — А золото не спас... И не помог...

— Золото найдут, — сказал отец. — А ему уже никто не поможет. Анатолий Дмитриевич в день твоего отъезда скончался от кровоизлияния в мозг...

На дорогу выходили члены поисковой группы. Останавливались рядом с Шульгиным. Тихо разговаривали, о чем-то спрашивали отца. Но Шульгин не слушал. Он думал о том, что никто на свете не сможет исправить твою жизнь, если ты сам прожил ее не так, как надо. Никто и никогда не освободит тебя от подлости, которую ты совершил... Даже смерть!..

Шульгин возвращался домой...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5

Страх 5
Стреляю без предупреждения 10
Лишний свидетель 15

ГЛАВА ВТОРАЯ 20

Ни капли тщеславия 20
Срочно требуется нокаут! 21
Принципиальный Поярков 24
Игра жизни 29
Герой дня 36
Твоя муза 40
Могу поговорить 46
Татарский танец 49
Как мужчина с мужчиной 53
Взаимоотношения 59
Чувство вины 67
Щеглы улетели 73
Признание 76
Не все могут врачи 87
Просто люди 93
Отец 96
Последний урок 99
Мальчик, встаньте 101
Партия Медведя 105

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 110

Давно, во время войны 110
Как поступить? 119
Один в магазине 124
Разрыв 126
Решение 135

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ *142*

Наглухо к дереву *142*
Двое случайных *148*
Тайник *155*
Самый нежный звук *159*

ГЛАВА ПЯТАЯ *163*

Крылатые людоеды *163*
Самое главное *165*

Для среднего и старшего возраста

Сабило Иван Иванович

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ответственный редактор
Е. Д. Шнитникова.
Художественный редактор
Б. Г. Смирнов.
Технический редактор
Т. С. Тихомирова.
Корректоры
К. Д. Немковская и
Л. Л. Бубнова.

ИБ 1456

Сдано в набор 12/V 1977 г. Подписано к печати 15/IX 1977 г. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 10,18. Тираж 75 000 экз. М-26582. Заказ № 372. Цена 45 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Сабило И. И.

С12 Пробуждение. Повесть. Рис. И. Дяткиной. Л., «Дет. лит.», 1977.

174 с. с ил.

Повесть о современных школьниках, о воспитании чувства гражданственности.

Р 2

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ozon.ru
1246857630